

КАУТЬ

ВИКТОР ПЕЛЕРВИН

ⓘ This claim about

TRANSHUMANISM INC.

is disputed

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

КРУТЪ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Читайте и слушайте книги из вселенной
Transhumanism Inc. в Яндекс Книгах
Дисклеймер: 18+. Условия: ya.cc/b.

Пелевин, Виктор Олегович.
П24 Круть / Виктор Пелевин. — Москва : Эксмо,
2024. — 496 с.

ISBN 978-5-04-203855-6

Идет третий век Зеленой Эры. Имплант-коррекция «Открытого Мозга» превратила женщин в доминантный гендер, и в уголовной иерархии изменился баланс сил. На ее вершину поднялся фем-блатняк — безжалостные куры-заточницы. Противостоять им не может никто из биологических мужчин, но есть нюанс.

Маркус Зоргенфрей — лучший баночный оперативник «TRANSHUMANISM INC.». Задания, которые поручает ему адмирал-епископ Ломас, настолько чувствительны, что после них ему стирают память. Он не стал бы вникать в арестантские разборки, если бы не страшная опасность, нависшая над планетой.

Как связаны разрушенный Светом ад и Мезозой? Что такое магия высших духов? Почему древнее зло нашло себе новое воплощение в сибирской ветроколонии? Причем здесь могила Париса, демон Ахилла и в чем тайна зловещей Варвары Цугундер, которую куры-заточницы считают своим ментором уже сотни лет?

Остросюжетный триллер-детектив «Круть» даст ответ на многие мучительные вопросы, которых никто еще не решился задать.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203855-6

© В.О. Пелевин, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Описанные в книге люди, баночно-мозговые сущности, события и обстоятельства — вымышлены. У героинь и героев цикла «TRANSHUMANISM INC.» нет конкретных прототипов в реальном мире. Любые утверждения об обратном являются хайпом или провокацией.

Всякое сходство с экстралингвистической действительностью случайно. Любая попытка обнаружить в книге какие-то намеки и параллели является рептильной проекцией антинародного ума и подсознательным вредительством (статья 83.34 уголовного уложения Доброго Государства).

Высказывания и мнения героинь и героев, их стихи, проза, слоганы, идеологемы и пр. не выражают позицию автора, не являются его прямой речью и служат исключительно целям выпуклой лепки художественно убедительных образов.

Фрагменты пост-карбоновой национальной идеи публикуются условно-досрочно.

I got two strong arms,
Blessings from Babylon.
Time to carry on and try...

Nik Kershaw

Пролог

Император лежал на плитах сенатской курии.

Темная кровь из пронзенного сердца и пурпур плаща сливались в полутьме — глядя на августейший силуэт с высоты, можно было подумать, что принцепс быстро набирает корпулентность. Вокруг, подобно хору в греческой драме, выли и бормотали сенаторы с кинжалами в руках.

Среди них — *et tu, Brute!* — был и преемник, усыновленный божественным и принявший его славное имя. Тоже Порфирий. Лицо нового принцепса выражало печаль, решимость, умеренный оптимизм в отношении будущего и другие подходящие к ситуации государственные смыслы.

Вот так молодое поколение приходит нам на смену. Судя по свершившемуся злодеянию, я обучил преемника тонкостям ремесла неплохо. Ни одного доноса о заговоре.

Я знал это точно.

Мертвым императором был я сам.

Вернее, все обстояло чуть сложнее. Я был убитым, и я же смотрел на него сверху, будто

глаз на потолке. Никакой тревоги или страха — наоборот, я был спокоен и почти счастлив.

Значит, загробная жизнь существует. И дух, покинув тело, действительно видит и чувствует то же самое, что ощущал, когда у него были телесные органы... Суеверие, которое я не мог принять при жизни, оказалось правдой.

Еще я слышал, что дух на время остается в мире, следя за теми, с кем погибший не может разорвать сердечную связь.

А вот это, похоже, было неправдой.

Особого интереса к оставшимся внизу я не испытывал. Даже к преемнику Порфирию (тот уже объяснял что-то ворвавшейся в курию страже — лицо его было спокойно, а жесты полны достоинства). Справится, надо полагать. Мне было все равно.

Меня интересовал лишь новый, только открывшийся мне нематериальный мир. Чем он был на самом деле? И, главное, чем стал я сам?

Собственного тела я не видел — его не было. Во всяком случае, такого, как прежде.

Могу ли я проходить сквозь стены? Я повернулся и увидел близкую роспись потолка — Сципион Африканский стоял возле нелепо изображенной баллисты (художникам надо проводить больше времени в воюющих провинциях, но об этом пусть заботится преемник).

Сделав легкое усилие, я поплыл к потолку, заметил пыль и паутину на приблизившейся

лепнине — и без усилия вошел в толщу камня. Стало темно.

Я ожидал, что пройду кладку насквозь и увижу небо, но этого не случилось. Темнота окружала меня со всех сторон, и я не мог ее покинуть. В конце концов я попытался вернуться назад в курию, но не сумел.

Трудно было понять, двигаюсь ли я на самом деле. Если я перемещался, то неясно, с какой скоростью и куда: отметки, относительно которых возможна была ориентация, отсутствовали. Сама идея движения в подобной ситуации теряла смысл.

Вдруг я услышал в темноте шепот:

— Порфирий! Император Порфирий! Ты слышишь нас?

— Кто вы?

Мой голос прозвучал хрипло и испуганно. Было непонятно, откуда вылетели эти слова. Однако я знал, что произнес их.

— Мы те, кому ты причинил муку при жизни. Мы ждали твоей смерти и пришли отомстить...

Шепот, долетавший со всех сторон сразу, весьма терзал. К счастью, в этой пустой черной безбрежности повредить мне было невозможно... Или возможно? Не зарекайся, мист. С Ахероном шутки плохи.

Я заметил, что темнота вокруг уже не совсем пуста.

Я висел в воздухе над какой-то поверхностью — и мир вокруг оплотнялся, снова становясь материальным. То же происходило и со мной. Сделались различимы ветки ночных деревьев и далекие зарева звезд, а потом сила тяжести увлекла меня вниз.

Я ушиб колено, упав на землю. У меня появилось тело. При жизни я часто думал, что для загробных скитаний душе нужна будет иллюзия телесности — и оказался прав.

Кажется, я находился в ночном лесу. Но это не был обычный лес.

— Порфирий! Император Порфирий! Ты слышишь нас?

Что-то мягкое коснулось моей руки, затем ноги, спины... Казалось, сотни крохотных мелких рук цепляются за мою одежду.

Я понял, кто вокруг: души моих жертв. Они не были похожи на людей и скорее напоминали ночных насекомых, носящихся около лампы. Только лампой этой был я сам.

Я начал узнавать гостей.

Вот истыканные стрелами антинои, прикованные к золотой цепи. Вот казненные ради конфискации менялы, обвиненные в заговоре. Вот базарные мыслители о судьбах империи, сошедшие с крестов. А это погибшие в войнах легионеры — их много, очень много, и становится все больше, потому что они гибнут прямо сейчас.

В обычном смысле я не видел ничего — но разум мой каким-то образом распознавал эти легчайшие прикосновения.

Не все души носились вокруг в ярости. Иные из них походили на неподвижно горящие в темноте огни, или даже глаза, устремленные на меня.

Я узнал два ярчайших. Сестры Люцилия и Мария, христианки, посланные мною на арену, где их растерзали звери. Они в тот день кричали, что прощают меня и будут молиться за мою душу, а потом встретят за гробовой чертой и отведут в новую жизнь.

Свита тогда смеялась. Смешно было и мне — как они собираются помочь императору, если не могут спасти себя? Но именно это воспоминание оказалось самым мучительным.

Я побежал прочь. Я несся над землей быстро и легко, мотыльки душ отставали, огни постепенно гасли — и я уверился, что смогу уйти. Мне стало даже весело.

А потом сзади донесся лай собак. Самые гневные из моих преследователей превращались в адских гончих. Лай делался громче. Скоро он уже летел со всех сторон, но пока я уходил от погони.

Хорошо, что среди моих преследователей нет колдунов, способных помешать моему бегству...

Или есть? Я казнил, кажется, десятка два шарлатанов, мутивших народ в Азии. А вдруг

среди них был настоящий маг? Что, если он остановит меня сейчас своей волей?

Нет, нельзя думать подобное на Ахероне.

Лесная тропа, по которой я бежал, уперлась в частокол. Заросли по сторонам были непроходимы. Я повернулся навстречу приближающемуся лаю. Хотя я и понимал, что главный враг — это мой собственный ум, власти над ним у меня не было. Но если он умел выдумывать погибель, то мог, верно, изобрести и спасение.

Вот только как?

Я поднял руки перед лицом и увидел в полутьме свои зыбкие пальцы. Когда псы возмездия нагонят меня, им будет во что погрузить клыки.

Мне стало страшно, как в детстве во время грозы. И я начал молиться примерно так же — бессвязно и жарко.

— Если есть сила, способная прийти мне на помощь, — шептали мои губы, — если есть защитник, готовый спасти от гнева богов, явитесь сейчас! Через минуту будет поздно!

Прошло несколько долгих секунд. Лай делался ближе и громче, а мое отчаяние — острее и невыносимей.

— Сестры Люцилия и Мария, я погубил вас на арене. Но вы в бесконечном милосердии своем обещали, что простите меня и придете встретить у ворот нового мира. Если так, самое время!

Ответа не было.

Я уже видел своих преследователей. Не физическими глазами, нет. Я ощущал приближение их гнева. Пусть они подобны пару, полупрозрачны и зыбки — но таков же и я, а значит, они смогут меня терзать. Как туман заполняет воздух над утренним полем, так приближалось возмездие.

— Заступники и боги, — шептал я, обращаясь неведомо к кому, — я сделаю все, чего вы пожелаете! Все-все! Только спасите!

Римские боги молчали. Это не удивляло меня — мудрецы говорят, что олимпийцы ушли из нашего мира еще во времена Эллады.

Но даже смутные и таинственные восточные божества, которым я приносил жертвы, склоняясь по окраинам империи, не отвечали — хотя я лично видел чудеса у их алтарей. Если они так охотно проявляли себя тогда, где они теперь? Или я мало заплатил?

Внезапно я ощутил присутствие сестер Люцилии и Марии.

Я не видел их, но знал, что они рядом — и даже вспомнил тот прохладный осенний день, когда их вывели на арену. Оказывается, и тогда я ощущал их духовное присутствие, просто не отдавал себе в этом отчета. До чего глуп и жесток я был...

По моим щекам потекли слезы раскаяния, горячие, как расплавленный свинец.

— Ты раскаялся в содеянном, — услышал я голос Люцилии. — Это хорошо. Я покажу

тебе эон, куда твой дух сможет войти, не нарушая мировых гармоний. Смотри же...

Воссиял свет. Я зажмурился в страхе, но скоро понял, что он кажется ослепительным лишь по контрасту с тьмой, где я находился прежде. На самом деле сделалось светло примерно как пасмурным днем.

Я, собственно, и увидел пасмурный день на земле — в каком-то незнакомом месте. Вокруг был скудный северный лес. Судя по убожеству флоры, я оказался на самом краю мира, даже севернее Германии. Но люди жили и здесь.

Передо мной белела скульптура, изваянная с немалым умением — несколько бородатых мужей, взявшись за руки, застыли в хороводе. Улыбающиеся лица статуй и их одежда, напоминающая галльскую, не были раскрашены — или краска уже стерлась под воздействием стихий.

Трава и кусты скрывали нижнюю часть скульптуры — видно было, что место давно не расчищали. Сквозь мелкую северную листву просвечивали полусгнившие домики, арки, беседки, щиты с намалеванными фигурами героев и надписи на незнакомом языке.

Мне вспомнилось виденное в Германии поселение, все жители которого были проданы в рабство. За десять лет его поглотил лес. Выглядело весьма похоже, только здесь присутствовали свежие следы убогой жизни: сохнувшее на веревке тряпье, следы костров, кучи

мусора и нечистот... Еще меня изумила лопасть огромного винта, торчащая из земли — словно какой-то древний гигант игрался в Архимеда.

Быть может, здесь живут таинственные гиперборейцы, о которых пишут Плиний и Диодор? Если так, солнце заходит и восходит над этим лесом лишь раз в год.

Или гиперборейцы жили тут прежде, а потом выродились, как этруски и греки?

Время, отпущенное мне на раздумье, кончилось.

— Хочешь ли ты перейти в этот мир, чтобы трудиться в нем на благо Господа? — спросила невидимая Люцилия.

Я молчал, не зная, что сказать. Свет начал меркнуть, и скоро зеленое наваждение пропало. Я вновь оказался в предвечном мраке — и услышал приближающийся лай. Этот звук привел меня в чувство.

— Готов, — закричал я, — готов на все! Помогите покинуть тьму, блаженные сестры!

Ответа не было. Я испугался, что упустил свой шанс — но тут под моей ногой хрустнула ветка. Я поглядел вниз и увидел покрытый сухими листьями люк вроде тех, что ведут под арену амфитеатра Флавиев. Распахнув его, я втиснулся в лаз и захлопнул над собой деревянную крышку.

Подземный ход был низок — я мог стоять в нем только на четвереньках. Впереди горе-

ли масляные плошки. Я пополз по земляному коридору, кое-как укрепленному досками. Коридор уходил вниз и постепенно расширялся – скоро я уже мог идти, не сгибаясь.

Сделав несколько поворотов во тьме, я уперся в массивную дверь. На ней было одно слово:

TUNC

«Затем...» Да. Вот подходящая надпись на входе в новый мир.

Почерк был изрядно кудрявым и напоминал электоральные каракули на городских стенах. Можно было даже прочесть это слово как «ТН_INC». Видимо, загробные художники не слишком усердно изучали латынь. Понятно, язык духа – греческий.

Преследователи были уже рядом. Адские псы лаяли прямо над люком, и я не сомневался – меня найдут и под землей. Что бы ни начиналось за дверью, мне надо было туда: больше не оставалось никакого исхода.

Я рванул ее, и...

В ОТКАЗЕ
ОТ КРУТИЛОВА

– Господа инквизиторы! Аплодисменты нашему коллеге, аплодисменты!

Просторный зал, похожий на чердак пирамиды Хеопса. Космическая ночь со звездами и гигантским Сатурном в окне. Все как обычно.

Адмирал-епископ Ломас, руководитель отдела внутренних расследований корпорации «TRANSHUMANISM INC.», стоял за своим столом и хлопал в ладоши. Вокруг улыбались сотрудники отдела – инквизиторы, как называл нас начальник. Все в черном, с редкими золотыми значками на форме.

Я никогда прежде не видел в кабинете Ломаса столько людей. Обычно с ним говоришь один на один. Ко мне быстро возвращалась служебная память – словно рушилась песчаная стена, отделявшая меня от меня самого.

Я – Маркус Зоргенфрей, баночник первого таера. Я не вполне человек. Во всяком случае, в традиционном смысле, хотя когда-то давно жил в мужском теле.

Я мозг, хранящийся в подземном цереброконтейнере, подключенном к нейросетям «TRANSHUMANISM INC.» Все без исключения, что я воспринимаю — это симуляция. Но я не только клиент корпорации, а еще и ее сотрудник. Подчиненный Ломаса. Инквизитор, как выражается адмирал, хотя официально я старший оперативник отдела внутренних расследований.

Я понимал, что меня просто вернули из командировки. Несколько обидным и даже, наверное, издевательским способом. Ломас такое любит. Но почему он сделал весь отдел свидетелем моих загробных метаний?

— Мы собрались здесь вместе, — продолжал Ломас, — чтобы вручить нашему дорогому Маркусу корпоративную серьгу первой степени с двумя засечками. «TRANSHUMANISM INC.» довольна вами, Маркус! Поблагодарим нашего друга все вместе!

В этот раз аплодисменты были чуть жиже. Внутривидовую конкуренцию в баночной вселенной никто не отменял.

— Берем пример с Маркуса! — повторил Ломас. — За особые заслуги корпорация награждает его почетным вторым таером! Еще двести лет счастливой жизни! Поздравим его, поздравим как следует! Старайтесь, эта дорога открыта перед каждым!

Коллеги наградили меня еще несколькими унылыми хлопками.

— А теперь, друзья, — сказал Ломас, — оставьте нас с Маркусом вдвоем. Нам надо пошептаться.

Коллеги даже не стали утруждать себя выходом в дверь — просто исчезли один за другим, прямо где стояли. Ломас явно испортил им настроение на целую неделю.

Как только мы с адмиралом остались одни, он сел на свой служебный трон под портретом основателя корпорации Гольденштерна (черная хламида, золотой свет из капюшона вместо лица) — и указал на кресло для посетителей перед циклопическим столом.

— Зачем эти загробные видения? — спросил я, садясь. — Я ведь страдал и мучился. Неужели ваше мрачное чувство юмора...

Ломас поднял ладонь.

— Easy-peasy.

— Что «easy-peasy»? Я вполне спокоен.

— Мое мрачное чувство юмора здесь ни при чем, — сказал Ломас. — Если бы я руководствовался им, вы смеялись бы до сих пор. Эти видения нужны исключительно для вашего здоровья. Душевного и вообще.

— То есть, адмирал?

— «Easy-Peasy» — это, если вы не поняли, не присказка. Это название новой реабилита-

ционной технологии, применяемой после длительного погружения. Ваш мозг возвращается к нормальному модусу функционирования по оптимальной перцептуальной траектории, рассчитанной корпоративными нейросетями.

— Это была оптимальная траектория? Да я чуть от страха не обделался.

— Лекарство может быть горьким. Но это лекарство. Правильный выход из коммутационного стресса важен для здоровья. Времени у нас мало, поэтому нейросеть заодно показала вам превью вашего следующего задания. По моей просьбе.

Я вспомнил бородатых мужей, ведущих хоровод в северных зарослях. Так вот что это было.

— Без вашего цирка было бы куда меньше стресса.

— Не скажите. Человеческий мозг — это сложнейшая структура, Маркус. Огромная канцелярия, где на разных этажах происходит много непонятного. Можно обманывать эту канцелярию сколько угодно, но нельзя позволять ей видеть обман.

— Мы отлично знаем, что это обман. Корпорация именно им и торгует.

Ломас засмеялся.

— Мы — это кто? Этаж, где обитает ваша личность, для внутренней канцелярии не слишком важен. А вот дыры в подсознании,

нестыковки и разрывы реальности, замеченные более глубокими слоями психики, кончаются душевной болезнью. Соединяя конфликтующие части опыта в болезненную, но непрерывную последовательность, мы увеличиваем срок годности вашего мозга.

— Вот как, — сказал я.

— Да. Природа делает то же самое каждый раз, когда вы просыпаетесь. Но у нее это выходит почти мгновенно, а мы только учимся. Нам приходится рассказывать мозгу целую историю. Маршрут пробуждения должен быть обдуманым. Все решает нейросеть, и продиктовано это заботой о вашем здоровье, поверьте... Кстати, раз уж мы заговорили о здоровье. Коньяку? Сигару?

— Чувствую, что вернулся на службу. Не откажусь.

И коньяк, и сигары были маскировкой дополнительных контуров контроля, которые Ломас подключал к чужому cerebroконтейнеру. Все знали, что таким образом он просвечивает собеседника лучше любого полиграфа, но мне это казалось излишним. Просвечивать нас незачем, потому что нас редактируют. Мы всегда именно такие, какими корпорация хочет нас видеть.

Раскрылась дверь, и вошла пожилая ассистентка с подносом. На нем стояли хрустальный графин с коньяком, два огромных ста-

кана и пепельница с раскуренными сигарами. В воздухе запахло социалистической революцией: именно о ней, по словам Ломаса, напоминал ему дым черного табака.

— С возвращением, Маркус!

Ломас поднял стакан, и мы чокнулись.

После пары глотков мое настроение улучшилось. На самом деле все было прекрасно. Второй таер — это второй таер. Лучше только третий, но его корпоративным следователям не дают. Его берут сами разные биржевые брокеры, лидеры угнетенных масс, баночные бьюти-блогеры и другие вожди человечества.

— Это правда насчет второго таера? — спросил я.

— Да, — ответил Ломас. — Но есть немного мелкого шрифта. Чтобы получить дополнительные двести лет в банке, вы должны отрабатывать в нашей корпорации до конца первого таера. Еще семнадцать лет, если не ошибаюсь.

— Ожидаемо, — сказал я.

— Вы обещали богам и заступникам сделать все, что они пожелают, — улыбнулся Ломас. — Корпорация услышала мольбу и спасла вас из вечной тьмы. Будьте же верны слову, как положено мужчине и воину. Тем более императору.

— Вы говорили, что нейросеть прокачала сквозь меня весь этот скрипт в медицинских целях.

– Одно не мешает другому.

– Знаете, адмирал, – сказал я, – Эйнштейн в качестве примеров бесконечности приводил милосердие божие и человеческую глупость. Жаль, что он не был знаком с вашим цинизмом.

Ломас улыбнулся еще шире.

– Мы не просим много. Просто потрудитесь еще. Начальство вами довольны.

– Начальство – это вы?

– А вам хочется видеть во главе отдела кого-то другого?

– Как вы могли такое подумать?

– Мог, Маркус. Этим другим через пару десятков лет можете стать вы сами. А я буду с грустью глядеть на вас вниз с потолка. Как только что вы в сенатской курии.

– Значит, – сказал я, – семнадцать лет работы, а потом второй таер. Спасибо прекрасному Гольденштерну за нашу счастливую старость... Вернее, вечную молодость.

Улыбка Ломаса стала кислой – он показывал, что заметил шутку, но не оценил ее. Про Гольденштерна не шутят. Вернее, шутят, но в ответ не смеются. Тонкости корпоративной этики.

– Скажите, в Риме было неплохо?

Я пожал плечами.

– Кое-что стыдно вспоминать.

– Вы ничего не помните про события и эксцессы во время Элевсинского таинства?

Я отрицательно покачал головой.

— Жрецы объяснили, что после разговора с богами такое бывает.

— Вот и хорошо. Но Рим после возвращения из Элевсина вы должны помнить.

— Да, помню, — ответил я. — В основном разные бытовые подробности. Всякие свинства и зверства, связанные с императорским досугом. Гигиеничнее было бы забыть.

— Ну, не скромничайте. Вы даже писали по-латыни на восковых табличках. Кое-что вам удалось. Особенно опыт под названием «Об обладании с винопитием и без». Я два раза прочел. Если заменить вино на коньяк, а обладание на служебный инструктаж, прямо новые горизонты для старика-адмирала.

— Надеюсь, — сказал я, — вы понимаете, что всю моральную и юридическую ответственность несет моя римская идентичность.

— Несомненно. Это касается всего вашего римского досуга.

Мне захотелось как можно быстрее сменить тему.

— Что я сделал, чтобы заслужить второй таер? Спас человечество?

— Примерно, — ответил Ломас. — Обнажили, так сказать, некоторые критические уязвимости современного уклада жизни. Поэтому вам и стерли память.

– Я был бы признателен, если бы вы мне по секрету напомнили, в чем дело. Хотя бы намекнули.

– После возвращения из Элевсина вы выполняли функции нейросети «Порфирий». Ее в это время восстанавливали из бэкапов и модифицировали. Структуры корпоративной безопасности благодаря вашему расследованию получили бесценный практический опыт – мы будем осмыслять его годами. Теперь модифицированный Порфирий снова на рабочем месте. Поэтому вас вернули домой.

– Мне положен отпуск?

– Отпуск вы провели в Риме. Время после Элевсина можете считать подарком корпорации. Даже у меня не бывает вакаций, где я становлюсь римским принцепсом.

Пожил бы он в Риме в моей шкуре, подумал я. Но спорить не стал.

– Так уж необходимо было зачищать мне память?

Ломас кивнул.

– Выполняя задание, вы приобрели знания, несовместимые с жизнью. Я искренне рад, что победила жизнь.

– Так решила корпорация, – сказал я.

– Уверен, это правильный выбор. Но даже о нем вам лучше забыть. Не беспокойтесь, мы сами сотрем все, что потребуется.

— Неужели с Римом связаны настолько чувствительные для нашего времени вещи?

— До того чувствительные, — ответил Ломас, — что наши перестраховщики стерли вам много функциональной памяти о нашем мире тоже. Там, где возможны были оверлэпы.

— Функциональную память можно восстановить? Я смогу работать?

— Не волнуйтесь, — сказал Ломас. — Это не критично. Мы подключим вас к системе HEV.

— Что это?

— High Executive Vernacular. Информационный канал, с которым работают высшие чины корпорации. В том числе и я сам. Вы замечали, что я никогда не торможу разговор для получения дополнительных данных?

— Много раз, — кивнул я.

— Это не потому, что я их не получаю или знаю все. Просто система как бы останавливает время и позволяет ознакомиться со всей необходимой информацией, пока собеседник замирает в неподвижности.

— Вот как? Корпорация может управлять временем?

— Субъективным временем, — ответил Ломас. — Объективное не останавливается. Ваш мозг сильно разгоняется, и вы узнаете все необходимое так быстро, что в вашем общении с другими не возникает лагун. Для здоровья это безопасно. Ну, почти.

– Я всегда думал, – сказал я, – что мозг нельзя особенно разогнать.

– Верно. У телесного человека мозг не может работать быстрее из-за связи с телом. Это забарьерный орган – энергию туда быстро не проведешь и метаболизм сильно не ускоришь. Но у мозга в банке часть проблем исчезает. Вам понравится.

Стоящие на столе часы в виде печального ангела с косою издали трель, и Ломас сделал серьезное лицо.

– К делу, Маркус – время не ждет. Вы получаете следующее задание не просто как корпоративный следователь. Вы единственный в отделе мист, инициированный в таинства Элевсина.

– Я ничего о них не помню.

– Возможно. Но посвящение отразилось на глубочайших слоях вашего подсознания. Поэтому вам будут поручаться особые дела. Находящиеся на грани здравого смысла. Мистические. Неразрешимые. Наш контрагент в новом расследовании – Ватикан.

– Ватикан?

– Именно. Как вы знаете, я не только адмирал. Я еще и епископ. Поэтому представители Римской Мамы вышли на связь напрямую со мной. Секретность, в том числе от остальных сотрудников корпорации – условие Святого Престола. Так попросила мать Люцилия

Мать Люцилия? Похоже, мою римскую молитву услышал не один Ломас. Или это тоже часть нейросетевого протокола?

— Простите, кто?

— Мать Люцилия, — повторил Ломас. — Easy-reasy, Маркус. Она прибудет проинструктировать вас лично. Не удивляйтесь ничему из того, что услышите.

Ангел смерти на часах издал еще одну трель, и на подносе с коньяком возник третий стакан.

В кабинете Ломаса появилось еще одно кресло: красный бархат подушек, изогнутые ножки, резное золоченое солнце над спинкой.

Свое кресло в кабинете Ломаса. Немыслимая честь.

*

Несколько секунд кресло было пустым. А затем в нем возникла пожилая седая дама в красной кардинальской мантии.

Мантия выглядела выцветшей и застиранной. Видимо, баночные стилисты давали понять, что кардиналка равнодушна к богатству и переехала в cerebroконтейнер лишь для того, чтобы лучше служить другим.

— Маркус Зоргенфрей, — произнес Ломас. — Специальный агент по особо важным делам. Мать Люцилия. Особая представительница Римской Мамы. Ну, за встречу специального с особым...

Ломас взял стакан и отпил коньяку. Мы с матерью Люцилией последовали его примеру — но кардиналка едва коснулась жидкости губами.

— Большая честь встретить вас, мать Люцилия, — сказал я. — Спасибо за ваши молитвы.

— Как мамская нунция, — ответила мать Люцилия, — я молюсь за мир, но реже, чем хотелось бы. Просто не хватает времени. Я занимаюсь другими вопросами. В том числе связями престола с нулевым таером.

— Они у баночного престола еще остаются? — невинно спросил я.

Не уверен, что мой вопрос понравился матери Люцилии — улыбнулась она довольно кисло.

— Они есть и крепнут. Конечно, это правда — баночных прихожан у нас больше. Жизнь на поверхности планеты часто слишком жестока, чтобы человек мог обратить свой лик к любви и свету.

— Истинно так, — перекрестился Ломас.

— Вы, епископ, знакомы с нашей проблематикой, — сказала мать Люцилия. — А вот нашего молодого друга надо подготовить, иначе он не поймет серьезности ситуации.

Она повернулась ко мне.

— Поблагодарив меня за молитвы, вы, вероятно, иронизировали. Но если серьезно — зачем, по-вашему, нужны монахи и монахини, молящиеся об общем благе?

Я пожал плечами.

КРУТЬ

– Он не понимает, – сказал Ломас. – Другое воспитание.

– Я все же попробую объяснить. Помните, Маркус, то место в книге Бытия, где Бог обсуждает с Авраамом положенную Содому кару?

– Смутно.

– Господь говорит так: «Если найду в Содоме пятьдесят праведников, прощу весь город ради них...» Толпа грешников может быть помилована ради нескольких праведников.

– Вот как.

– Да. Поэтому присутствие монахов и подвижников духа, да и просто добрых людей в нашем мире важно именно для нечестивцев. Праведники и есть те скрепы, ради которых Бог терпит наш мир и позволяет ему существовать. Представьте насильника, охваченного ненавистью, злобой и похотью. Очень скоро он встретится с полицейской пулей. А вот если в нем просыпаются сострадание и любовь, да хотя бы страх Божий, наступает...

– Шизофрения, – буркнул я.

– Нет. Неустойчивое равновесие бытия. Праведники молятся за презирающий их мир – и спасают его изо дня в день. Вы не представляете, мой друг, насколько могущественна молитва.

Я сделал вежливый жест, давая понять, что желаю баночному престолу всяческих удач на всех направлениях.

– Маркус немного простоват, – сказал Ломас, – но это идеальный оперативник. У него лучшие результаты по отделу на семи последних кейсах.

– Я помню только два, – признался я честно. Ломас улыбнулся.

– Контролируемое каше оперативной памяти – гарантия приватности. Можете не опасаться утечек, мать Люцилия.

Мамская нунция с сомнением поглядела на меня, потом на Ломаса.

– Он точно все забудет?

– Точно, – подтвердил Ломас. – Это часть его работы – забывать. Опасаться нечего. Говорите как со мной.

– Хорошо, – сказала мать Люцилия. – Сейчас я повторю то, что уже изложила епископу Ломасу неделю назад.

– Я весь внимание.

– Как я упоминала, я курирую связи с нулевым таером. Помимо внутрицерковных дел это означает также, что я занимаюсь контактами духовного мира с поверхностью планеты. Именно здесь таятся многие опасности, о которых обычный человек даже не подозревает.

Я хотел пошутить, но удержался. Блаженные слушающие и помалкивающие.

– Вы справедливо заметили, – продолжала мать Люцилия, – что у баночного престола сохраняется все меньше связей с миром плоти.

Процесс этот, увы, столь же объективен, сколь прискорбен. Но тем крепче наша связь с миром духа.

Я вспомнил, что в Добром Государстве значительная часть граждан считает Ватикан главной цитаделью мировой ваты (так регулярно намекает конспирологический канал «Ватинформ»), и мне потребовалось усилие, чтобы сохранить на лице серьезно-благочестивую гримасу.

— Некоторые теологи, — продолжала мать Люцилия, — говорят, что христианство прошло три диалектические стадии развития — катакомбную, наземную и баночную. Баночный этап — наивысший в духовном отношении. А в физическом измерении мы теперь спустились гораздо ниже катакомб. Моя банка, например, находится на глубине почти в километр.

— Какой у вас таер? — спросил я.

Ломас сделал круглые глаза, что означало «заткнись уже, Маркус», но было поздно. Такие вопросы среди баночников задавать не принято — но меня отчасти извиняло то, что мамская нунция сама подняла эту тему.

— Пятый, — поджав губы, промолвила мать Люцилия.

— Благослови вас господь, — сказал Ломас. — Какое счастье, что вы будете молиться за нас так долго.

— Так при чем здесь мир духа? — спросил я.

– Терпение, Маркус, – ответила мать Люцилия, – все по порядку. Как вы считаете, чем занимаются монахини и монахи баночных орденов?

– Никогда не интересовался этим вопросом.

– Они ме-ди-ти-ру-ют, – сказала мать Люцилия, выговорив слово по складам. – Знаете, что это значит?

– Примерно. Сидеть у стены и ни о чем не думать.

– Нет, – ответила мать Люцилия, – не совсем так. Не путайте буддийскую медитацию с католической. То, что практикуют буддисты, есть простое угнетение высших функций мозга. Человек, так сказать, добровольно отвергает свою второсигнальную божественность, перестает раздумывать о вечном и переживает бессмысленное блаженство по ту сторону добра и зла. В точности как животное.

– А как медитируют католики?

– О, – сказала мать Люцилия, – это неисчерпаемая тема. У нас есть разные методы и подходы. Например, «Лектио Дивина». Божественное чтение. Мы медитируем над отрывком Писания, размышляя о различных уровнях смысла. Это позволяет встретиться с Богом через рассудок. Или «Исихия». Иисусова молитва. Почти как ориентальная практика мантр, только развернутая в правильном направлении. «Розарий» – набор медитатив-

ных молитв, повторяемых в определенной последовательности...

Ломас осторожно поднял руку, но мать Люцилию было не остановить.

— «Экзамен совести», — продолжала она, — это попытка мысленно пересмотреть свою жизнь в свете веры. Вы обдумываете отношения с другими людьми и так далее. «Тихая Молитва» — молчание перед Богом, открытость Ему и бессловесное призывание Святого Духа. Близка к этому и *контемплация*, хотя в ней есть особенности. Духовной медитацией можно считать виртуальное путешествие по святым местам или тематические симуляции наподобие «Моисея в Красном море», «Назарета» и так далее...

— Мы знаем, как огромен арсенал католического учения, — сумел наконец влезть Ломас.

— Влияет ли на подобные практики баночный модус? — спросил я. — А то про монахинь ходят разные слухи.

— Хороший вопрос, — ответила мать Люцилия. — Про баночных монахинь и монахов действительно говорят много дурного. И кое-что, увы, соответствует действительности. Если вы хотите тешить бесов, в cerebroконтейнере это делать гораздо удобнее. Следов практически не остается, если не считать шрамов на грешной душе. Но если вы действительно устремлены ко Всевышнему, вам тоже проще.

– Почему?

– Баночные монахини и монахи, по сути, уже освобождены от оков плоти. При правильной гормональной настройке многие из них быстро достигают в личной симуляции вершин святости. Со всеми сопутствующими переживаниями.

Ломас осенил себя крестным знаменем. Мне пришло в голову, что он подумал не о баночных святых, а о себе – и своей долгой корпоративной вахте.

– Поскольку духовные достижения баночных подвижников трудно повторить на земле, – продолжала мать Люцилия, – мы не слишком их афишируем, чтобы не вводить наземную паству в соблазн. По этой причине, подтверждая святость баночных подвижниц, Римская Мама уже много лет пользуется секретными буллами.

Ломас кивнул с таким видом, словно половина этих булл была посвящена ему.

– Итак, – сказала мать Люцилия, – общую ситуацию вы представили. Дальше я буду говорить о двух кармелитках, сестрах Терезе и Марии.

– Кармелитки – это кто? – спросил я.

– Орден, практикующий медитативную молитву. Они превосходят на этом поприще даже бенедиктинцев и иезуитов. Сестры Тереза и Мария к тому же терезианки, то есть

исповедницы святой Терезы Авильской, а это духовное сердце ордена.

– Воистину, – сказал Ломас. – Каждое их переживание чрезвычайно важно для нас всех.

– В прошлом году, – продолжала мать Люцилия, – сестры Тереза и Мария ушли в трехмесячный слепоглухой ритрит в традиции «Лектио Дивина».

– Слепоглухой в каком смысле?

– Для баночниц это значит, что визуальный и зрительный каналы отключаются вообще. Медитатор повторяет про себя отрывки из канона, заученные наизусть. Через некоторое время он начинает различать картины и звуки, созданные его умом. Если объектом подобной медитации становится отрывок из священного писания, это... Даже не знаю, с чем сравнить.

– Экранизация, – предположил я.

– Ну... Если экранизация, то очень особенная. Отрывок из писания превращается в многомерный объект, раскрывает свои явные и неявные смыслы – и ведет наших подвижниц к инсайтам, недостижимым на поверхности планеты.

– А над каким отрывком они медитировали?

– Знаете, – ответила мать Люцилия, – опытные монахини часто берут расширенную тему – не просто какую-то одну цитату, а весь, так сказать, смысловой кластер вокруг.

Ломас сложил руки перед грудью и придал лицу еще более благоговейное выражение.

— Исходной точкой было Первое Петрово послание, глава три, стих девятнадцать: «К предвозвестившим духам, сидевшим в темнице, Христос сошел и проповедовал им». Также в послании к Ефесянам, четыре-десять, сказано, что Иисус «восшел выше всех небес, чтобы наполнить все...» Вы понимаете?

Я отрицательно покачал головой.

— Это толкуют в том смысле, — пояснил Ломас, — что после воскрешения Иисус спустился в ад и освободил его пленников.

— Католическая традиция не подвергает это сомнению, — кивнула мать Люцилия. — Святой Августин Гиппонский говорит так: «Никто не может сомневаться, что Господь Иисус Христос, наш Спаситель, как только Он умер за нас, как только Он принял нашу смерть на Себя, сразу же пошел в ад, чтобы вывести оттуда души, которые были там содержимы...» Святой Ириней Лионский подтверждает: «Итак, Он, Который спустился, Он же и восшел, так что спасение наше Он совершил, ад освободил, и жизнь нам явил, дающую вечность тем, кто уверовал в Него...»

— Достаточно, — сказал Ломас, — Маркус уже понял чрезвычайную важность этой догмы.

Он преувеличивал, но возражать я не стал. На самом деле мне понемногу начинало ка-

заться, что я попал на радение озверевших сектантов.

— Перед тем, как я объясню, что именно постигли сестры Мария и Тереза, — продолжила мать Люцилия, — я хотела бы напомнить следующее. Наш мир — это сложнейшая многомерная конструкция, непостижимая и загадочная. Она основана на чуде творения, и ее внутренние связи так же чудесны. Постичь их полностью способен лишь божественный разум. Многое из того, что созерцают духовидцы, ставит в тупик их самих, и только комментарий опытного теолога, а иногда и физика, способен прояснить увиденное.

— Я прекрасно это понимаю, — сказал Ломас, — прекрасно. Даже в нашей практике случается подобное.

— Итак, — продолжила мать Люцилия, — сестры Мария и Тереза медитировали над спуском Иисуса в ад. Цитаты из святых подвижников служили маяком духовного поиска. Примерно месяц тексты из Петра, Иринея и Августина не желали оживать и оставались просто словами и буквами. Так бывает, если медитатор нацеливается на очень высокую истину...

Ломас значительно кивнул. Может быть, подумал я, в свою бытность епископом он сам занимался чем-то похожим.

— Через два месяца после начала ритрита монахинь посетило откровение. Оно случи-

лось с ними не одновременно, а с интервалом в несколько дней, что указывает на духовную достоверность опыта. Они испытали нечто поистине страшное.

— Что именно?

— Сначала они увидели древнее Зло, заключенное в аду.

— Да? И как оно выглядело?

— Духи, содержащиеся там, были облечены в тела. Четкого и однозначного догматического указания на это нет — только трактовки и мнения теологов. Но само по себе это логично. Как связать дух, если не заключить его в тело?

— Совсем недавно я тоже про это думал, — признался я.

— Чтобы удержать в заключении бестелесные души, Господу пришлось бы создавать особую твердыню духа, защищенную божественными силами. А если душа низвержена в адское тело — и при этом боится его потерять — то никуда дальше тела она не денется. Будет сторожить себя сама.

— Технологичное решение, — сказал я. — И что это были за тела?

— Страшные, поистине чудовищные монстры с огромными зубастыми ртами, когтями, шипами и так далее. Обитатели ада занимались в основном тем, что пожирали друг друга, немедленно возрождаясь в той же самой юдо-

ли, поэтому даже гибель тела не вела к освобождению из духовной тьмы.

— Умно устроено, — сказал я. — Вечная темница.

— Да. Смотреть на это было невыносимо, и только высочайшая духовная отвага позволила сестрам Марии и Терезе продолжить медитативную крусаду. Но вскоре им стало казаться, что картины ада уже открывались им прежде. Еще во время жизни на земле. Они сосредоточили свое духовное зрение на этой загадке — и постигли, что видят...

— Что? — не выдержал я.

— Царство рептилий. Мир динозавров, населявших Землю десятки миллионов лет назад.

— Вот как, — сказал я. — А почему? Они что, э-э-э... куда-то не туда духовно взгляделись?

— Нет, — ответила мать Люцилия. — Они медитировали на слова Писания и святых. Это значит, увиденное ими действительно было адом. Просто ад оказался не слишком похож на реки лавы и огня, населенные перепончатокрылыми тварями, хотя и такое там водилось. Скорее ад напоминал влажные горячие джунгли, пахнувшие гнилью и распадом. А его обитатели походили на древних ящеров до полной неразличимости. Но это не все. Вслед за этим сестры увидели, как в ад спускается Христос...

Ломас оперся подбородком на сложенные кисти и уставился в стол. Я ожидал, что он за-

даст какой-нибудь наводящий вопрос, но он молчал. Возможно, в словах матери Люцилии заключался какой-то теологический диссонанс.

— И как это выглядело? — спросил я. — Парящий в воздухе силуэт в ризах? Нимб, голуби вокруг?

— Если бы, — усмехнулась мать Люцилия. — Сначала Христос пролетел по небу подобно огненному шару. Он сиял ярче солнца. А потом он коснулся земли — и... Произошел огромный взрыв. Самый большой из всех бывших когда-либо. Небо почернело, над всей сушей прошла гигантская волна-цунами и так далее. Не буду даже пытаться описать это событие — но оно было страшным. Случилась космическая катастрофа, и ад рухнул.

— Подождите, — сказал я, — подождите. То, что вы сейчас описываете — это история гибели динозавров. Насколько я знаю, э-э... Шестидесят шесть миллионов лет назад в землю врезался астероид — и в результате рептилии вымерли. При чем тут Христос?

— При том, сын мой. Оказалось, что спуск Христа в ад и падение мезозойского астероида — одно и то же событие. Просто, когда его видят духовные очи — это спуск Бога в ад. А когда его следы находят палеонтологи — это планетарная катастрофа.

— То есть, позвольте... Тогда выходит, что Христос освободил души шестьдесят шесть

миллионов лет назад. Но как он мог освободить динозавров после своей смерти, если они вымерли задолго до его рождения?

– Сын мой, – ответила мать Люцилия назидательно, – Христос вечно пребывает одесную Отца. Это еще на Никейском соборе разъяснили. Все земные проявления божества существуют исключительно для нашего с вами несовершенного восприятия. Искупительная жертва имеет вневременной характер. Это, если угодно, одна из космических констант. Именно благодаря своей жертве Христос способен на великие чудеса.

– У него что, была машина времени?

– Да нет же. Христос спустился в ад не из Иудеи первого века, где он проявил себя в человеческом теле, а с вечного божественного плана. Для божественного начала шестьдесят миллионов лет – это один миг.

– Совершенно верно, – улыбнулся Ломас. – Для Бога времени нет. Он живет в вечности, видит одновременно прошлое, настоящее и будущее – и способен появиться в любой их точке. Время с его текущей датой в качестве единственной опции существует только для нас с вами. Это, если угодно, одно из ограничений, наложенных на род людской.

Я не нашелся, что сказать. Теология не была моим хобби. Да и физика тоже.

— Если я не путаю, — продолжал Ломас, — реальность одиннадцатимерна. А нам знакомы лишь четыре измерения — если считать время одним из них. Бог свободен не только от материи, но и от пространства-времени, которые есть просто его манифестации.

— Да, — сказала мать Люцилия. — В высших измерениях бытия нет ни расстояний, ни сроков, а одно милосердие Божье.

— Больше того, — вдохновенно продолжал Ломас, — это важнейшее откровение показывает, как именно Христос вывел падшие души из ада.

Кажется, он говорил серьезно. Видимо, епископ в его душе, обычно придавленный текучкой, окончательно пробудился и оттеснил адмирала.

— Как? — спросил я.

— Ему пришлось разрушить ад. Уничтожить, так сказать, его критическую инфраструктуру.

— Планета ведь осталась, — сказал я.

— Да. Но существовавший на ней ад исчез. Когда гигантские рептилии одновременно погибли, заключенные в их телах духи потеряли возможность возрождаться в прежних формах. Таким образом Христос действительно вывел их из заточения.

— Получается, — сказал я, — мы с вами живем на руинах ада?

– Поэтический образ, – усмехнулся Ломас. – А разве нет?

– Христос что, воплотился в астероид?

– Я бы не стала теоретизировать на этот счет, – ответила мать Люцилия. – Оставим спекуляции теологам. Корректно будет сказать, что мы наблюдаем следы его спуска в ад, и для нас они похожи на мезозойский удар из космоса. Более точных формулировок лучше избегать.

– А как души грешников попадали в ад? Переносились во времени на шестьдесят миллионов лет?

– Я же говорю, – сказал Ломас, – времени в этих измерениях нет. Есть лишь состояния ума и души. Видимо, ад напоминает мир хищных рептилий. В карбоне многие думали, что ад на Марсе. Но я как епископ вполне допускаю, что падшие души возрождались в пространстве, формально отделенном от нас многими миллионами лет. Почему нет? Причинно-следственные связи при этом не нарушаются – эпоха рептилий слишком от нас далека, а у динозавров не остается человеческих навыков. Парадоксы типа «сын не дает родителям встретиться» здесь уже не работают.

Я поднял руки, показывая, что возражений у меня нет.

– Мы не коснулись самого важного вопроса, – продолжила мать Люцилия. – А именно – куда делись злые духи, покинувшие раз-

рушенный ад. Некоторых Господь мог ввести в Царствие Небесное. Но как быть с предвечными духами зла? Куда делись они?

— Я не знаю, — ответил я.

— Сестры Мария и Тереза постигли, что те остались без обиталища, хотя не все догматики-богословы с этим согласны. С тех пор демоны хотят вернуться в материальный мир. И порой у них это выходит.

Ломас перекрестился.

— Я приближаюсь к концу своего рассказа, — сказала мать Люцилия. — Самое последнее, что сестры Мария и Тереза постигли в медитации, было одновременно и самым тревожным. Они узрели, что древнее зло опять пытается поставить пяту на нашу планету.

— В каком смысле?

— Есть единая ось зла, пронизывающая космос. Она имеет трансфизический характер и уходит в такие глубины бытия и времени, о которых мы не имеем понятия. Ад, разрушенный Христом, был вовсе не единственным и не главным. Это, так сказать, адок — как бы пещера с лавой под самой поверхностью нашей реальности. Филиал. Магма адского духа поднималась туда из невообразимых глубин космической истории. Верхний из адов разрушился, но на оси зла остались ады и адища гораздо страшнее разрушенного. Они так ужасны, что превосходят любое наше понимание.

Ломас опять перекрестился. Я на всякий случай тоже.

— Ад хочет возродиться. И у него есть предводитель. Это древний царь динозавров. Он же — один из предвечных духов зла по имени Ахилл.

Мы с Ломасом переглянулись. Ломас еле заметно пожал плечами.

— Извините мою непочтительность, — сказал я, — но Ахилл — герой троянской войны. Это раз. У динозавров не могло быть царей, потому что не было социальной надстройки. Ими управляли инстинкты. Это два. У них не было имен, поскольку они не имели письменности. Это три.

— Именно так думает наука, — ответила мать Люцилия. — И хоть мы не можем знать всего наверняка, я тоже нахожу постижение сестер странным. Но с духовными истинами такое бывает. Они загадочны и открываются только духу.

— Хорошо, — сказал я, — давайте перейдем в практическую плоскость. Что сделает этот Ахилл? Вторгнется в наш мир?

— Он в нем воплотится. И попытается возродить ад.

— Родится человеком?

— Нет. Он вселится в живущего среди нас мужчину-воина. Великого воина. У него появятся кожаные одежды, а с ними — воз-

можность изменить наш мир темным волшебством.

– Мужчину-воина? – с сомнением спросил я. – Еще и великого?

Мать Люцилия кивнула.

– Когда это случится?

– Этого сестры не увидели. Возможно, он уже здесь.

– Значит, точно мы не знаем ничего?

– Знаем, – сказала мать Люцилия. – В своем откровении сестры определили то место на Земле, где все произойдет. Эти координаты я вам уже посылала, адмирал.

Мать Люцилия провела над столом рукой, и я увидел глобус. У северной оконечности Евразии в сушу был воткнут маленький красный флажок.

– Зло войдет в мир вот здесь.

– Сибирь, – сказал Ломас. – Малозаселенные территории. Леса. Больших городов рядом нет. Промышленных производств – тоже.

– И вот еще, – продолжала мать Люцилия. – Не думайте, что ад придет к нам в шуме и грохоте, под звуки inferнальных труб. Сестры Тереза и Мария сказали, что это случится почти незаметно. Буднично. Тем страшнее ждущее нас потом.

Ломас кивнул.

– Это все, что я имела вам сообщить. Мне пора возвращаться к моим молитвам.

КРУТЬ

— Мать Люцилия, — ответил Ломас, — Маркус будет заниматься этим делом круглосуточно. Я тоже.

— Очень надеюсь на вас, епископ. Уж кто-кто, а вы должны понимать серьезность происходящего.

Ломас склонил голову. Мать Люцилия повернулась ко мне.

— Поскольку многое будет зависеть от вас, — сказала она, — прошу вас об одном — о смирении. Отбросьте гордыню. Не думайте, что человеческий разум видит и понимает все. Допустите невозможное.

— Хорошо.

— Вы забыли спросить, зачем это нужно.

— Зачем?

— Допустить невозможное, — ответила мать Люцилия, — означает дать шанс Богу.

Я хотел сказать, что у Бога неплохие шансы и без меня, но поглядел на Ломаса и удержался.

Мать Люцилия осенила нас крестным знаменем и растворилась в воздухе. Еще через миг пропало ее кресло.

*

— Поражает ваша выдержка, адмирал, — сказал я.

— Выдержка? — поднял бровь Ломас.

— Ну да. Слушать все это с серьезным лицом и ни разу не расхохотаться.

Ломас улыбнулся.

— Я все-таки епископ в прошлом. Если бы я хохотал, сталкиваясь с истинной верой, я был бы плохим пастырем. Кроме того, вы напрасно видите в этом анекдот.

— Вы допускаете, что Христос сошел из античности в мезозой и убил там всех динозавров? А теперь к нам ломится царь динозавров Ахилл из глубинного ада? Что это вообще такое — глубинный ад? И почему у его обитателей греческие имена?

— Знаете, — ответил Ломас, — в подобных тонких вопросах все зависит от формулировки. Ваша звучит смешно, признаю. А если сказать, что древняя планетарная катастрофа была связана с космической борьбой добра и зла и эхо ее может настичь нас в нашем счастливом зеленом мире? Это ведь совсем другое дело. Разве нет?

— Согласен, — сказал я. — Но как следствие может предшествовать причине?

— Маркус, — ответил Ломас, — когда я был епископом, у нас в баночной епархии подвизалась одна молельница по имени сестра Клептина. Однажды она медитировала на тему сотворения мира — и пережила божественное откровение. Оказалось, мир возник по ее молитве!

— Как так? — спросил я.

— Она всю юность молилась, чтобы ей позволено было спасти грешников от проклятия. Молитву услышала Вечность — и в результате произошел большой взрыв, возник наш мир, появилось зло и возникли грешные души, которых сестра Клептина начала спасать... Второе было прямым следствием первого, но произошло как бы раньше.

— Как бы, — сказал я.

— Причинно-следственные связи могут осуществляться через одиннадцать измерений, нелинейно, рекурсивно, чудесно. Вы ведь не будете отрицать возможность чуда?

— Для сотрудника инквизиции это неразумно.

Ломас засмеялся.

— Все-таки вы не безнадежны. Наш мир — это переплетение невозможностей. Именно поэтому он непостижим для примитивного ума. Не пытайтесь его понять, пытайтесь в нем выжить.

— В рабочее время я склонен делить вещи на возможные и невозможные, — сказал я. — Из прагматизма.

— Возможное появляется из суммы невозможного, — ответил Ломас, откидываясь на спинку своего черного трона. — Вероятное — из невероятного. Если бы вы помнили все, что корпорация стерла из вашей памяти, вы бы

отнеслись к происходящему иначе. Вы сталкивались и с куда более странными ситуациями, просто забыли. А я помню.

— Может быть, однажды вы позволите все вспомнить и мне?

— Почему же нет. Когда-нибудь, Маркус, вы займете мое место, получите полный допуск к служебному архиву — и тогда... Но во mnogой мудрости много печали.

Я поглядел Ломасу в глаза. Печаль в них действительно была. И мудрость тоже. Я не знал, то ли это мастерская настройка симуляции, то ли прямой трюк с моим восприятием. Последнее было вероятней — такое проще осуществимо. Не зря Ломас начинает каждый разговор со стакана коммутационного коньяка.

— Вы действительно хотите поручить мне это дело?

— Да.

— Что от меня потребуется? Отправиться в мезозой? Отловить духов зла?

— Задача проще.

— То есть?

— Мать Люцилия оставила нам пространственные координаты грядущей манифестации зла. Я немного слукавил, сказав, что там тайга и пустое место. На общественно доступных картах действительно ничего нет. Но на них показано далеко не все. Сердоболы не слишком охотно делятся информацией с чело-

вечеством. Но у «TRANSHUMANISM INC.» лучшие карты из возможных, потому что у нас остались даже карбоновые спутники. Давайте познакомимся с театром военных действий.

Ломас провел рукой над столом, и я увидел прежний глобус с красным флажком. Он начал расти и за секунду стал таким большим, что унесся за пределы комнаты. Теперь мы с Ломасом как бы спускались к поверхности планеты — облака разошлись, я увидел далекие нити рек, зеленые просторы тайги, а потом на том месте, где краснел флажок, появилось человеческое поселение.

Я с изумлением различил в одной из пропешин тайги тот самый каменный хоровод, который принял за остатки Гипербореи.

— Позвольте, адмирал... Я уже видел это.

— Конечно. Нейросеть готовила вас к новому заданию. Мать Люцилия прислала координаты еще неделю назад.

— А как же сестры-христианки, которых я замучил в Риме?

— Возможно, это была нейросетевая оптимизация вашей памяти.

— Так я замучил их на арене или нет?

— Сложно сказать, — ответил Ломас. — Нейросеть выбрала для вас такой реабилитационный маршрут, и теперь это ваше субъективное прошлое. Вы спрашивали, как следствие может предшествовать причине. Вот вам свежий

пример. Дело в том, что для мозга причина и следствие — это просто воспоминания. А последовательность воспоминаний субъективна. Что вы вспомните первым, то первым и будет.

Я опустил взгляд на хоровод бородачей.

Заросли вокруг скульптуры были безлюдны, но с высоты видно было нечто вроде городища неподалеку. Деревянный забор-частокол, бревенчатые мостики над ручьями — и серые ветряки с пропеллерами. Еще я заметил хозяйственные сараи, скотные дворики и длинные бараки весьма угнетающего вида.

Зум.

У ветряков были фундаменты — приземистые аккуратные постройки из белого и красного кирпича. Сами деревянные вышки отличались куда меньшим изяществом. Они походили не столько на ветрогенераторы, сколько на скелеты донкихотовских мельниц: грубо сбитые каркасы, отстающие доски, кривые винты.

Еще зум. Кирпичные фундаменты ветряков были обитаемы — у каждого стояли часовые в клюквенных улан-баторских халатах.

Я разглядел параллельные ряды соединенных друг с другом велосипедных рам. На них сидели люди в пестрых ватниках и обмотках — и крутили педали. Винт на ближайшей вышке неспешно вращался. Я с изумлением понял, что в движение его приводит не ветер, а сами велосипедисты.

– Что это? – спросил я.

– Ветроколония номер семьдесят два имени Кая и Герды. Крупное исправительное учреждение Добросуда, расположенное точно в месте, указанном матерью Люцилией.

– Ветроколония? Почему такое странное название?

– Вы должны быть знакомы с этим понятием, – сказал Ломас. – Это связано с вашей национальной идеей. С Крутью.

– А что такое национальная идея?

– Ой, они вам и это стерли. Ну, как объяснить... То, во что вы должны верить, пока начальство ворует. Вернее, делать вид, будто верите.

– А почему там каменный хоровод? Бородатые мужики в лесу? Я их за гиперборейцев принял.

– Это заброшенный мемориал климатолога Лукина. Они при каждой ветроколонии. В тайге таких много.

– Кто такой Лукин?

– Создатель Крути. Вернее, главный из ее теоретических источников.

– А что...

Ломас поднял руку.

– Маркус, я не могу чинить вам память в реальном времени. У вас подключена система NEV. Проверьте.

Я послал имплант-запрос – и время вдруг остановилось.

Ломас замер в своем кресле, а дым над его сигарой застыл.

Справка системы HEV была оформлена крайне консервативно – в виде висящего перед глазами столбца коричневатого текста. Сепия.

TH Inc Confidential Inner Reference

КРУТЬ – общее название широкого спектра идей и нарративов, складывающихся в национальную идею Доброго Государства: от концепции непрерывного круговорота вещей и явлений в манифестированной вселенной до вращения колеса сансары (оно же колдоврат Перуна) и сакральных хороводов национального единства. Сюда же относятся пенитенциарные технологии, применяемые в сибирских *ветроколониях* (см. *ветродеяние, молитвенное уболагодворение стихий и пр.*).

В основе *Крути* лежит теория *ветрогенезиса* климатолога Лукина; базовые понятия почерпнуты из его трактата «*Душа-Ветерок*», написанного в первой половине двадцать первого века в парижской ссылке. *Круть* – не столько философское или

социальное, сколько нравственно-религиозное учение, ведущее, по мнению его адептов и пропонентов, к духовному преобразению и «высветлению» человека.

«Круть – в этом похожем на орлиный клич слове сливаются гордая высота духа и смирение трудового подвига, абсолютная жертвенность и высочайшее личное достоинство...» (Г. А. Шарабан-Мухлюев)

В USSA и Еврохалифате *Круть* часто называют Национал-Солипсизмом, что вызывает резкую критику со стороны сердобол-большевистских идеологов.

«Мы знаем, как уродливо перекашиваются рты их, когда они пытаются уловить нашу веселую и легкую нацидею в смрадные сети своих рациональных умов...» (Г. А. Шарабан-Мухлюев)

Ломас все так же нес сигару ко рту. Я подумал, что вполне успею закрыть еще несколько лакун в памяти.

Ветрогенезис – центральное понятие трактата «Душа-Ветерок». Лукин утверждал, что мировые ветра зарождаются над сибирской тайгой, и здоровье планеты (а также вся ветряная энергетика) зави-

сят прежде всего от этого таинственного процесса («Но чу, человек – на просторе холодном затеплилась роза ветров...»). *Ветрогенезис*, таким образом, рассматривается как мистическое дыхание планеты, так что опровергнуть эту теорию научными методами трудно.

На *ветрогенезис* влияет экология сибирской тайги и моральное состояние человечества. Поскольку нравственность людей неуклонно падает, а экология ухудшается, Гайя (психический организм Земли, которую Лукин считал огромным живым существом) реагирует на происходящее в точности как человеческое тело на инфекцию – повышением температуры с целью уничтожения вредоносных микробов. В этом причина климатических перемен.

Экологический уход за сибирскими лесами и забота о людской нравственности – единственный способ предотвратить климатическую катастрофу.

Несмотря на спорную метафизику, доктрина *ветрогенезиса* по своей сути экологична и гуманна – и получила всестороннее развитие в трудах российских философов. На практике, однако, она была использована для климатических войн

(см. *ветрооплата*) и организации сибирских *ветроколоний*.

Критика *ветрогенезиса* принимает различные формы – от научных работ, показывающих его теоретическую несостоятельность, до карнавальных саморазоблачений, неожиданно выдаваемых его главными проponentами вроде Г. А. Шарабан-Мухлюева в художественной прозе («Крутилово началось, – сказал Клювобой, – когда наши упыри сообразили: если начать демонстративно придуриваться по климату вместе с западными вурдалаками, те на многое закроют глаза...»).

Ветроколония (зона, тюрячка, крутильня, велодром) – пенитенциарное заведение Доброго Государства, где осуществляется перевоспитание работающих на *ветробашнях* правонарушителей в соответствии с духовной доктриной *ветрогенезиса* и *Крути*. Первоначально в сибирских лесах возводились мемориалы климатолога Лукина. Уже позже к ним стали пристраивать *ветроколонии*, куда посылали на перевоспитание преступников. В основе перевоспитания лежит так называемое *ветродеяние*, практикуемое ежедневно.

Время вернулось к своей нормальной скорости.

– Ну как? – спросил Ломас.

– Великолепно, – ответил я. – Никто не заметит, что я пользуюсь справкой.

– Я замечу. Но другие нет.

– А почему меня так быстро выбросило?

– Система следит за вашими витальными параметрами. Долгий разгон вреден. NEV нужна для того, чтобы высокопоставленный офицер или экзекутив мог получить короткую справку во время важных переговоров. Романы так читать нельзя.

– Я заметил, – ответил я. – Отключило после третьей справки.

– Когда привыкнете, время доступа увеличится, – сказал Ломас. – Делайте паузы. Сейчас можно попробовать опять.

Дождавшись, пока Ломас выпустит белый клуб изо рта, я послал запрос – и дым послушно замер в воздухе.

TH Inc Confidential Inner Reference

Ветробашня (обратный ветряк, душе-спасайка и т. д.) – своего рода реверсивный ветрогенератор: если в обычном генераторе энергия ветра преобразуется в электричество, то на ветробашне элек-

трическая энергия, полученная в результате коллективного кручения педалей, подается на *ветроредуктор* и вращает пропеллер, приводящий в движение воздух.

Этот «ноготворный ветер», как выражается официальная идеология, является чисто символическим: пропеллеры *ветробашен* движутся слишком медленно, чтобы создаваемый ими поток воздуха можно было как-то замерить. Однако, по мысли П. Лукина, это не оказывает никакого влияния на духовное измерение *ветродеяния*.

«Подобно тому, как сила человеческой молитвы ничтожна по сравнению с могуществом воли Божьей, ноготворный ветер не идет, конечно, ни в какое сравнение с силой земных стихий. Но точно так же, как еле слышная молитва человека направляет волю Господа, *ветродеяние* таинственным и незримым образом порождает животворящий ветер искупления, веющий над планетой. Такого не постичь умом. Это открывается лишь сердцу. И тогда возникает тоненький мостик спасения в диаде Человек-Гайя... (Душа-Ветерок)».

См. также *ветроредуктор*, *угол Лукина*, *ветродеяние*.

Ветродеяние (крутилово, крутяк беспонтовый, процедура номер двадцать один и т. п.) – главная перевоспитательная практика в сибирских ветроколониях. Это духовно-спортивный искупительный акт, метафизическое значение которого не постигается рассудком и логикой. По мнению философов-комментаторов, так проявляется свойственная русской душе жертвенность: как бы искупление всех грехов человечества ценой собственного страдания перед лицом планетарного духа.

Заключенные по много часов в день крутят педали на специальных мультирамах, похожих на ряды соединенных друг с другом велосипедов без руля (вместо него к раме приварена т. н. «крестовина духа», дающая упор для рук во время процедуры). Каждая индивидуальная велорама преобразует крутящий момент в электроэнергию. Выработанное таким образом электричество подается затем на *ветро-редуктор*.

Ломас снова ожил. Он с интересом глядел на меня.

– Скажите, – спросил я, – а собеседник может понять, какие темы я просматриваю?

— Это зависит от собеседника, — ответил Ломас. — Я, например, да. Вы ветерком интересуетесь. Почитайте заодно про оплату ветра. Будет полная ясность.

TH Inc Confidential Inner Reference

Ветроплата

После резкого снижения мирового энергопотребления и отказа от ископаемых источников энергии перед сердобол-большевистским руководством встал вопрос о новых источниках ренты. Именно здесь и пригодилась доктрина *ветрогенезиса*. Сердобол-большевики потребовали от стран, занятых ветрогенерацией, «оплачивать ветер» (официально – делать отчисления на экологическую амортизацию сибирской тайги, где зарождаются все ветра). Ветрогенераторы злостных неплательщиков уничтожались из космоса (с этой целью сердобол-большевистскими хакерами была расконсервирована карбоновая орбитальная станция «Bernie» с ядерным лазером на борту). В экономическом смысле *ветроплата* была не особо удачной попыткой придумать аналог карбонового петродоллара с привязкой к ветру вместо нефти («Деньги в современной эко-

номике – это не товар, а просто ветер, который дует от слабых к сильным и уносит все нажитое. Дует над всей планетой. Поэтому долг-<...>ёлг, проценты-<...>еценты никого не волнуют – важно, кто держит поляну. Ветер дует, и все. Пиндосам сто лет все отстегивали чисто за ветер, а мы чем хуже? Лазер-то теперь у нас...» – из неофициальной стенограммы выступления генерала Судоплатонова перед руководством сердоболбольшеви́ков). Политическим следствием *ветрооплаты* стали климатические войны, в вялой форме продолжающиеся до сих пор.

– У вас в газетах об этом передовицы, – сказал Ломас. – Я полагал, вы иногда читаете.

– Нет, – ответил я, – не особо.

– А мне эти ветроколонии нравятся, – сказал Ломас. – Ветродеяние, надо же такое придумать. Нравственное преображение через жертвенность, смирение и кручение. Мы все тут в некотором смысле педали крутим. Покрутил лет триста, и смирился.

– Да, – согласился я. – Рано или поздно все смиряются. Правда, не всем разрешают помнить, с чем именно.

– Ну-ну, Маркус, не хнычьте. По ветроколониам ясность появилась?

Я поглядел на ровные ряды велосипедных рам между бараками.

– В целом да.

Ломас провел рукой над столом, и изображение погасло.

– Почему вы не показали колонию матери Люцилии? – спросил я.

– Пришлось бы рассказывать слишком много. А посвящать ее в детали я пока не хочу.

– Почему?

– Чтобы не скомпрометировать корпорацию. Я хочу избежать конфликта интересов.

– Не понимаю. У эзков даже кукухи отбирают. Импланты в тюрьмах на спецрежиме. Какая может быть связь с корпорацией? Там же баночников нет. Или какой-то эстет с седьмого таера мотает там срок через зеркального секретаря?

– Я не об этом, – сказал Ломас. – Я говорю о конфликте своих интересов как епископа со своими интересами как адмирала.

– Ага... Понятно.

– Жду вас здесь завтра утром. Возможно, появится дополнительная информация.

– Откуда?

Ломас улыбнулся.

– Что должен сделать умный следователь, услышав слово «Ахилл»?

– Перечитать Илиаду?

– Нет, Маркус. Он должен проверить, есть ли в архиве секретные материалы, связанные с этим именем.

– За какой срок?

– Лет за пятьсот. Не беспокойтесь. Сеть этим уже занимается.

*

На следующее утро Ломас вызвал меня очень рано. Когда я вошел в его кабинет и сел напротив, он бросил на стол папку с бумагами.

Открыв ее, я увидел стопку желтых страниц. Это был машинописный отчет на бланках военной разведки – видимо, точная симукопия оригинала (я даже ощутил затхлый запах старой бумаги). На одном из листов стояла дата – май 1943 года.

– Что это? – спросил я.

– Донесение британского агента. Действовал в Турции двадцатого века под видом искаателя истины.

– Были и такие?

– Что значит «были и такие»? Все английские мистики работали на национальную разведку. На это постоянно жаловались Рамана Махарши и Шри Ауробиндо. Именно поэто-

му истину в те годы так трудно было найти — при обнаружении ее сразу вывозили в Лондон.

Я не понял, шутит Ломас или нет, но уточнять не стал.

— Что агент делал в Турции?

— Английские спецслужбы активно внедрялись тогда в суфийские и буддийские ордена. Это приводило к любопытным результатам. Многие популярные в карбоне духовные трактаты были написаны кое-как инициированными английскими шпионами. Взять хотя бы Идрис Шаха. «Суфийские сказки», «Мудрость идиотов» и так далее. Не вызывайте сейчас справку, посмотрите потом.

— Хорошо.

— В отчете, который вы видите, описана похожая попытка внедрения, но неудачная. История показалась лондонскому начальству малоинтересной, и документ похоронили в архиве. Через сто лет гриф секретности сняли, убрав на всякий случай некоторые детали. Вчера документ нашла нейросеть — и воспроизвела в оригинальном виде. Я убрал предисловие, оставив только суть. Читайте прямо сейчас.

Текст начинался с середины предложения. Первой шла пятая страница; заглавие и имя автора отсутствовали. Видимо, Ломас уважал чужие тайны.

Я начал читать.

-5-

...раз повторил, что моя решимость стать суфием секретнейшего из орденов непреклонна. Ж. сказал, что я не знаю, о чем прошу – и убегу в ужасе, когда пойму.

После моей повторной просьбы посвятить меня в тайну Ж. на некоторое время пропал. Через неделю он появился и сообщил, что хочет показать мне одно место.

Мы выехали из... на рассвете на двух ослах и к вечеру добрались до каменистой пустоши. Ж. показал мне скалу, покрытую множеством прямоугольных дыр. Это были отверстия древних шахт – такие в Каппадокии не редкость. Ночь мы провели в поле. Сон в античной каменной нише оказался на редкость освежающим.

Ж. спросил, что мне снилось. Я не помнил и смог только улыбнуться, сказав, что сон был приятным. Ж. улыбнулся в ответ и заметил, что это одно из испытаний – добрые инны и джинны, стерегущие место, проверяют всех гостей, поэтому в первую ночь их укладывают спать под открытым небом.

Мы вооружились электрическим фонарем и нырнули в одну из шахт, вырубленных в желтоватом камне.

Это было нелегкое путешествие. Спустившись по квадратному колодцу в подземную пещеру, мы перешли к другому колодцу (ими был

покрыт весь пол), потом повторили то же пятнадцать футами ниже, и так несколько раз.

Заблудиться в каменном лабиринте ничего не стоило. Я даже не пытался запомнить последовательность нужных нор на ярусах, освещенных прыгающим светом.

Ж. рассказал, что давным-давно здесь было жилище людей.

– Как давно? – спросил я.

– Еще тогда, когда в Египте строили пирамиды.

Я не поверил, но не стал спорить. Мне было известно, что в Турции подобные пещеры и подземелья образуют настоящие тайные города, и в них действительно жило когда-то множество людей. Но с датировкой, подумал я, мой гид ошибся на пару тысячелетий.

Наконец мы добрались до яруса, откуда вниз уже не вел ни один новый колодец.

Это была большая круглая комната, высеченная в камне с великим тщанием. В центре ее возвышался куб алтаря, единый с полом, и аккуратностью отделки место действительно напоминало о египетских храмах. На стенах видны были фрагменты древней росписи.

– Что это? – прошептал я изумленно.

Ж. приложил палец к губам и погасил свой фонарь.

Мы оказались в полной темноте.

Мне тут же почудилось, что вокруг появились незримые во тьме люди. Я слышал их перешептывания – или был в этом уверен. Несколько минут я боролся с подступившим ужасом, а потом заставил себя успокоиться, начав особым образом дышать. Когда испуг исчез, стих и странный шепот.

Ж. снова включил фонарь и испытующе на меня посмотрел.

– Я буду выключать свет время от времени, – сказал он, – надо сберечь заряд батареи для подъема. Теперь можно говорить. Но тихо.

– Мне показалось, что рядом были люди.

– Духи героев, умерших в этой комнате, пришли на тебя поглядеть.

– Что это за комната? – спросил я.

– Могила Парижа.

Я нервно засмеялся – и напряжение спало.

Действительно, трудно было представить что-то более противоположное Парижу, чем эта каменная нора. Если у городов могут быть погребальные камеры, выглядеть они должны примерно так.

– Я не был в Париже много лет, – сказал я, – но не знал, что он умер. Хотя сейчас там немцы, а они умеют опозлить все.

– Я не про французскую столицу, – ответил Ж. – Я про троянского принца. Мы говорим по-английски, и его имя звучит как французский

город. Но в действительности его звали Александр. Вот здесь когда-то стоял его саркофаг.

Ж. повернул луч на куб в центре комнаты, и я заметил высеченную на нем стрелу.

– Этой камере столько же лет, сколько древней Трое?

– Древних трой было много, – сказал Ж. – Если мерить по европейскому летоисчислению, эта камера была вырублена в скале в двенадцатом или тринадцатом веке до нашей эры.

– Здесь сохранились какие-нибудь надписи?

– Совсем немного. Мы не можем их прочесть. Но есть рисунки.

Он подвел меня к стене, направил на нее луч, и я увидел двух гоплитов, черного и красного (краска сохранилась только в нескольких местах). На них были высокие шлемы с гребнями. В руках они держали расписные щиты. Скрестив мечи, воины глядели друг на друга круглыми рыбьими глазами в прорезях шлемов.

В другом месте опять были изображены воины. Один стоял на коленях, сложив руки перед грудью, другой поражал его копьем в спину. Потом я увидел пробитого стрелой героя; рядом стоял длинноволосый лучник.

Эти фрески сохранились значительно хуже первой. Игривая волнистая манера рисунков напоминала не то о детских художествах, не то о кносских росписях, найденных сэром Артуром Эвансом.

– Да, – сказал я, – это древние изображения. Или очень искусная подделка.

– Они настоящие, – ответил Ж.

– Кто эти люди?

– Ахилл и Парис. Они сражаются, и Парис побеждает Ахилла.

– Это там, где стрела?

– Да.

– А кого убивают копьем?

– Париса, – ответил Ж. – С его согласия. По специальному ритуалу.

– Про это в «Илиаде» ничего нет.

– В какой из них?

Я пожал плечами.

– Если под словом «Илиада» понимать отчет о древних событиях, – сказал Ж., – илиад было несколько. Некоторые передаются только устно.

Он посветил на меня фонарем и улыбнулся.

– Хотите, я кратко перескажу одну из них? Ту, что связана с этим склепом?

– Да, – сказал я.

– Но вам придется выслушать рассказ в темноте.

– Я готов.

Ж. погасил свой фонарь. Мы сели на каменный пол у алтаря, и Ж. начал говорить.

Перескажу то, что я понял и запомнил.

Человек, известный истории как Ахилл, был не просто великим и умелым воином. Он был по-настоящему непобедимым бойцом. Стал

он им во время мистерий. В своем священном путешествии он попал в мир чудовищ и позволил их царю войти в свою душу. Этот царь был древним джинном, существовавшим так долго, как море и земля.

Царь джиннов лишился телесного воплощения много эпох назад, когда небо уничтожило мир чудовищ – и с тех пор обретал его лишь несколько раз по недосмотру богов. Каждый раз Земля была на волосок от катастрофы. Последний раз это случилось, когда джинн вселился в воина Ахилла.

Я спросил, сколько всего было таких воплощений. Ж. ответил, что это ему неизвестно, но Ахилл не был первым. Давным-давно, еще во времена Атлантиды, тем же путем шли другие воины. Они практиковали безумие, принимая священный яд и танцуя между костров. Им грезились, что они становятся могучими зверями с зубами больше мечей. Души этих зверей входили в них и делали непобедимыми. Главным среди этих духов был великий джинн. Тот, что вошел в Ахилла и с тех пор зовется среди людей его именем.

Я спросил, откуда взялся этот джинн.

Он один из великих столпов зла, ответил Ж., царь над джиннами и невидимым миром. Он подобен высшим из ангелов в том смысле, что владеет волшебными силами. Он может мгновенно соединять любые точки пространства. Он

способен чудесным образом менять реальность и наводить морок. Он может находить предметы, спрятанные на другом конце земли, и так далее. Но для этого он должен прежде воплотиться.

В борьбе с таким могуществом ни у кого нет шансов, сказал я.

Не все так просто, ответил Ж. Инны и джинны были наказаны Аллахом и его ангелами. Свобода их была ограничена множеством священных печатей, и история о заключенном в лампе джинне как раз об этом. Могущество Ахилла (так мы отныне называли великого джинна) ограничено тоже.

Его всесилие по воле Аллаха и ангелов обременено оковами особых правил. Джинн может войти в искуснейшего из воинов, сделав его неуязвимым. Но воин должен согласиться на это сам. Мало того, перед этим он обязан выбрать человека, который сможет его победить. Мертвых людей назначать на эту роль нельзя – победа над злом должна оставаться возможной. Это тут же проверяют ясновидящие ангелы. Мало того, захватив душу воина, джинн обязан оставаться в ней до его смерти.

Я сказал, что это разумно.

В небесных установлениях было разумно далеко не все, вздохнул Ж. В своем споре с небом джинн выторговал себе еще одну кондицию. Если одержимый им воин будет побежден в бою

и убит, джинн сможет перейти в победителя. Ангелы изменили это условие на «обязан перейти в победителя», но сделали условием то, что воля победителя останется при этом свободной.

Так продолжился древний спор между небом и адом. Ангелы верили в людей, а джинн не сомневался в своей способности подчинить себе любого. Печать была поставлена. Вот только конца этому процессу положено не было. Это, конечно, стало ангельской ошибкой. И, осознав ее, ангелы начали думать, как исправить ситуацию.

Что случилось дальше, спросил я.

Войдя в Ахилла, джинн попросил ахейца назвать человека, который сможет его победить. Ахилл, по словам Ж., решил пошутить – и сказал, что одолеть его сумеет тот, кто наставит рога царю Менелая (такого человека тогда не было, потому что Елена была верна своему мужу). Но это было возможно, и небо согласилось. Джинн обрел воплощение и стал готовиться к тому, чтобы переделать землю в дом чудовищ.

Многие чудеса были тайно сотворены демоном Ахилла. Например, он волшебным образом перенес греческих воинов внутрь стен Трои. Для этого он использовал свою магию. Воины прятались в деревянном коне, напомнил я. Нет, ответил Ж. Никакого коня не было. Демон Ахилла построил из корабельных досок подобие своего тела в древности. Ахилл хотел устроить защитников города.

Илиада рассказывает о коне, сказал я.

Возможно, чудище получилось немного похожим на лошадь, объяснил Ж. Еще вероятнее, что жители Трои просто не знали, что перед ними за животное, и сочли его лошадью. И уж конечно, первым делом они проверили, что у деревянного уродца внутри – они же не были идиотами. Греческие воины попали в город не в чреве статуи. В этом не было нужды.

Я спросил, означает ли это, что Илиада сообщает неверную информацию. Ж. сказал, что внешняя канва событий примерно повторяла описанную Гомером, но смысл событий был иным.

Когда джинн овладел Ахиллом, древние суфии узнали от ангелов про его уязвимость и стали готовить священного воина, готового погибнуть для спасения земли. Это был царский сын Парис, согласившийся пожертвовать собой. Красавица Елена была посвящена в тайну. Царь Менелай тоже. Выполняя условие Ахилла, Елена изменила Менелаю с Парисом. После этого Парис смог победить Ахилла, поразив его из лука стрелами.

Почему он тогда целил в пятку, спросил я. Дело не в пятке, ответил Ж., он просто плохо стрелял. Вообще, Парис попал в Ахилла много раз, потому что ему помогали ангелы. Но главное началось после этого.

Когда Ахилл умер, Парис стал вместилищем джинна сам. Вот только он сделался не его рабом, а тюрьмой, потому что воля его оставалась

свободной. Он провел остаток жизни в подземелье, связанный кожаными ремнями, претерпевая страшную муку. Вокруг него день и ночь стояло кольцо жрецов, певших священные заклинания. Демона удерживали на месте ангельские печати. Небесные силы вынуждали его выполнять условия договора, и он не мог покинуть тело Париса, пока тот был жив.

Когда Парис состарился, его поразил копьем другой воин-жрец, подготовленный для того же великого подвига. Он стал победителем, и джинн вынужден был перейти в новую тюрьму. И так продолжалось с тех пор.

Уже много веков грозный джинн переходит из одной живой тюрьмы в другую. Именно этого духа и стережет Орден. Прежде его членов называли мистами, затем суфиями – но сама их древняя миссия не изменилась. Это скрытые защитники человечества.

Завершая рассказ, Ж. сказал, что теперь я знаю, почему действия Ордена покрыты тайной. Он спросил, готов ли я принести себя в жертву подобным образом. Если да, то мистерия произойдет в этой самой комнате. А потом, когда мое тело состарится и более не сможет быть тюрьмой, я стану одним из живущих здесь духов сам.

Признаюсь, я испугался. Первой моей мыслью была такая: эти люди, видимо, практикуют меняющие сознание ритуалы. Возможно, с использованием наркотических веществ. Они ис-

кренне верят в эту легенду, находят ей подтверждение в видениях – и приносят себя в жертву своему страшному мифу. И так длится уже много веков.

Подождав несколько минут, Ж. включил фонарь.

Видимо, он ощутил мой страх и сказал, что у меня будет время подумать – а сейчас следует немедленно уходить, потому что моя нерешительность оскорбляет духов.

Поднявшись на поверхность, мы вместе вернулись в ... Через неделю я попытался связаться с Ж. по обычному каналу, но не смог. Больше я не встречал его ни разу.

*

Дождавшись, пока я переверну последнюю страницу, Ломас забрал у меня папку.

– Вы доверяете этому источнику? – спросил я.

– Другого нет, – ответил Ломас. – И дело не в доверии.

– А в чем?

– В параллелях. Вспомните рассказ матери Люцилии.

– Да, – согласился я.

– Сколько совпадений вы видите?

– Минимум два. Имя «Ахилл». И дух древнего зла, которого этот суфий назвал джинном.

– Параллелей четыре, – сказал Ломас. –
Еще динозавры.

– Динозавры?

– В английском донесении само слово не употребляется. Но есть чудовища. И небо, уничтожившее мир чудовищ.

– Это может быть эхом мифа, – ответил я. – Такие есть во всех культурах. Чем еще заниматься небу, как не бороться с чудовищами?

– Да, – сказал Ломас. – Но представьте сколоченного из досок тиранозавра-рекс, которого доверчивые троянцы принимают за большую лошадь с широким тазом. Не знаю почему, эта картина меня убеждает. Такое не выдумаешь.

– Выдумать можно что угодно.

– Возможно, – кивнул Ломас. – Но мать Люцилия и этот английский агент говорят о планетарной катастрофе. О каком-то переформатировании земли по планам демона.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда вопрос. Почему демон Ахилла очутился на свободе? Ведь его дух веками переходил из тела в тело.

– Все в мире приходит в упадок, – ответил Ломас. – В том числе наша с вами служба безопасности. Да, да, Маркус – я возглавляю ее достаточно долго, чтобы это видеть. Думаю, с Орденом произошло то же. Последний из суфиев умер в одиночестве, не найдя преемника. Наверно, в новое время это было непросто – они

вон даже англичан пытались вербовать. Или, может быть, преемник был найден, но смерть прошлого суфия случилась внезапно, и члены Ордена не успели совершить свой ритуал.

— Да, — сказал я, — вариантов много.

— Идем дальше, — продолжал Ломас. — Давайте допустим, что обе истории — об одном и том же.

— Давайте.

— Мать Люцилия показала нам место, где воплотится демон Ахилла. Что нам следует в этом месте искать?

— Насколько я понял, — ответил я, — демону для воплощения нужен искусный воин. Но у мужчин на поверхности действует гендерная коррекция. Тестостерон уже много лет ничего не значит. Какой может быть непобедимый воин с имплантом? Ему «Открытый Мозг» всю эту непобедимость тут же и скорректирует.

Ломас кивнул.

— Здесь не до конца ясно, — продолжал я, — может ли это быть женщина? Какая-нибудь чемпионка по фембоксу, мотающая срок в колонии?

— Хороший вопрос, — сказал Ломас. — Английский информатор говорит об искуснейшем из воинов, но пол его не обозначен. Мать Люцилия, однако, совершенно определенно назвала воина мужчиной.

— Да, — согласился я. — Удивительно.

– Возможно, это кто-то из охранников ветроколонии? – предположил Ломас. – Мужчинам в боевом модуле снимают имплант-коррекцию.

– Только на фронте, – уточнил я. – И только перед атакой. В ветроколониях серьезные силовые функции выполняют женщины. Мужчины обычно сторожат только мужчин.

– Загадка, – сказал Ломас. – Мужчина, но могучий воин. Не потому ли у суфиев не нашлось в наши дни подходящего кандидата? Суфии ведь сейчас тоже с имплантами.

– Может, мы зря нацелились именно на ветроколонию, – сказал я.

– Почему?

– В сибирских лесах живут так называемые бескукушники. Это мужчины и женщины без имплантов. Их ловят, конечно, но они уходят все дальше в тайгу. Недалеко от ветроколонии может быть их тайное поселение. Джинн выберет одного из тамошних мужчин. Любой бескукушник будет искусным воином по сравнению с остальными.

– Нет, – сказал Ломас. – Я уверен, что все случится именно в ветроколонии.

– Почему?

– Есть еще одна связь. Самая поразительная.

– Какая именно?

– Динозавры, – ответил Ломас.

Я изумленно посмотрел на него.

— В каком смысле?

— Джинн был царем чудовищ, — сказал Ломас. — Он вселился в Ахилла во время ритуально психотропного путешествия. Греки такое любили. Черт, Маркус, зря мы вам стерли память об Элевсине. Сейчас вы пригодились бы как консультант.

Я криво улыбнулся.

— Если сформулировать суфийскую легенду чуть иначе, — продолжал Ломас, — Ахилл в своих галлюцинациях увидел ноосферный отпечаток мира динозавров. Тот самый древний ад, о котором говорила мать Люцилия. Подобные кошмары регулярно случаются с психонавтами во время приема ЛСД. Возможно, вещества будят какую-то зону мозга, где до сих пор дремлет рептильная память. Это настолько частый опыт, что психонавты описали даже особенности полового влечения у гигантских рептилий. Оно было связано с цветом чешуек вокруг глаз, формой спинного гребня и так далее.

— Тогда при чем здесь ветроколония? Вы нашли там динозавров?

Ломас довольно поглядел на меня.

— Нашел, Маркус, нашел. Только не я. Нейросеть.

Адмирал щелкнул пальцами, и в центре кабинета возник хрупкий мужчина лет сорокапятидесяти с лысым черепом и интеллигентным, но несколько скорбным лицом.

— Знакомьтесь. Дронослав Сердюков. Руководитель исправительных программ ветроколонии номер семьдесят два имени Кая и Герды. Не бойтесь, он нас не видит. Это запись.

Сердюков был одет в синий жандармский мундир с университетским ромбом на груди. Посмотрев сквозь меня, он зевнул.

— Капитан Сердюков отвечает за социальную реабилитацию заключенных, — сказал Ломас. — За крутилово, если попросту. *Ветрокум*, как его называют ээки.

— Заведует педальным спортом?

— Да, — ответил Ломас. — Завтра у него встреча в московском офисе «TRANSHUMANISM INC.»

— Он что, хочет купить первый таер?

— Пока нет. Он встречается с менеджерами «Юрасика». Это бутик для новобрачных, где становятся динозаврами в поисках свежих переживаний.

— Да, — сказал я. — Действительно зацепка. Ломас засмеялся.

— Когда мы отправляли вас в симуляцию «РОМА-3», вы в Рим не очень-то и хотели. Сказали, что предпочли бы командировку в «Юрасик». Помните?

— Нет, — ответил я. — Тоже стерли. А зачем сердобольскому жандарму встречаться с менеджерами «Юрасика»?

– Сердюков не просто жандарм. Это ученый, причем широкого профиля. Он имеет научные работы по пенитенциарной педагогике и психологии. Не сердобольский политпопугай, а настоящий специалист международного уровня. Кроме того, вольнодумец в душе.

– Такие в Добросуде еще водятся?

– Да. Но это, как вы понимаете, не афишируется.

– А чего он тогда пошел в жандармы?

– Иначе нельзя. Штатскому в вашей пенитенциарной системе делать нечего. Никто не будет подчиняться.

– Ага, – сказал я, – ага... И чего он хочет?

– Завтра узнаете сами. Начинайте следить за ним по омнилинк-связи.

– Через камеры офиса?

Ломас поглядел на меня ласково.

– Зачем. Через имплант самого майора.

– Но это незаконно.

– Зато мы сможем отследить даже мысли Сердюкова. Хотя бы некоторые. Будем знать, что происходит.

– Корпорация гарантирует неприкосновенность частного опыта.

– Я не юрист, – ответил Ломас. – Но в мелком шрифте наверняка есть какой-нибудь пункт, по которому это допустимо в исключительных обстоятельствах. А когда именно они исключительные, решаем мы. Сердобольские

хакеры пользуются теми же методами каждый день. Чем мы хуже?

Я собирался сказать, что мы гуманное добро с чистыми руками, а в сердобольской хунте собрались душители всего светлого, но передумал. Ломас мог решить, что я над ним издеваюсь, а это нарушение субординации.

Я по-восточному сложил руки перед грудью.
— Слушаю и повинуюсь, адмирал.

— Вот это лучше, — сказал Ломас и кивнул на поднос с коньяком. — На посошок, мой верный джинн. Терпеть не могу пить в одиночестве. А приходится все чаще.

Мы чокнулись.

— Проследите за встречей, и сразу ко мне с отчетом. Вникайте в происходящее как можно глубже. Отслеживайте мысли и пользуйтесь спецсправкой. Мы должны понимать все.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/13

P.O.R Капитан Сердюков

Москва. Как много в этом звуке для сердца русского слилось...

Слилось вообще все. Потому что эти суки сливали совершенно целенаправленно. Лет триста. Если не все пятьсот. И вот имеем то, что имеем.

Обнаружив в сачке ума эту вечную российскую мысль (наверно, омнилинк распознал ее именно потому, что подобные ментальные воробьи населяют ноосферу Отчизны веками), капитан Сердюков вздохнул, отхлебнул полугара из фляжки с серебряным ветряком и оглядел переулок.

– Тупик Батыя, 18. Вроде тут. Ну и название придумали, идиоты...

Московский офис «TRANSHUMANISM INC.» был двухэтажным зданием в центре Сита, недалеко от «Головы Сталина» и «Джалатан-ранга».

Место было дорогое и пафосное. Но даже здесь, в тихом сердце Москвы, корпоративный особняк из сибирской лиственницы на огороженном участке не столько заимствовал престиж у среды, сколько наделял им окружающее. Это понимал и дурак, а капитан Сердюков дураком не был. Дураков в политические жандармы не берут.

Сорвав с обочины лопух, Сердюков вытер навоз с левого сапога, пробормотал «злобро добло» и отнес лопух на угол, где его теоретически могла съесть одна из бродивших по улице свиней.

Прошла всего минута наблюдения, а мне уже потребовалась справка. Время остановилось, и Сердюков замер с поднятой ногой.

TH Inc Confidential Inner Reference

Злобро Добло (Добло Злобро) – мантра последователей теории *Доброго Зла*, которой они сопровождают совершение т. н. «малых недеяний».

За первой справкой сразу понадобилась вторая.

Доброе Зло – нравственно-этическое учение, распространенное среди интеллигенции Доброго Государства. Инверсно перекликается с прекарбоновой теорией «малых дел».

Название заимствовано из «Фауста» Гёте, где Мефистофель говорит о себе: «Я часть той силы, что постоянно желает зла и постоянно творит добро». Имеет глубокие и прочные корни в русской литературной традиции.

Это не столько продуманная до мелочей доктрина, сколько своеобразный этический код, принятый среди сердобольской элиты, пытающейся сохранить в себе некоторую тайную внутреннюю рукопожатность.

Суть воззрения в том, что в условиях полной и окончательной победы зла в планетарном масштабе прямое противостояние ему делается равносильным самоубийству, а самоубийство – грех. Отказ от сотрудничества со злом таким образом греховен.

Но, поскольку в мире борется много разных форм и видов зла, можно использовать их противоречия и нестыковки таким образом, чтобы возникал эффект «доброего рикошета»: некое неочевидное тайное благо, к которому зло не может предъявить формальных претензий. Другими словами, служить злу следует так, чтобы реальным результатом становилось добро или хотя бы его «кармические прекурсоры», способные помочь добру спонтанно проявиться в будущем.

Учение *Доброго Зла* официально запрещено в Добром Государстве, поэтому не опирается на организационные структуры. Мало того, любые попытки создать их в Добром Государстве (или за рубежом) немедленно объявляются операцией враждебных спецслужб.

Кроме Доброго Государства, адепты учения живут в Еврохалифате, USSA и Да

Фа Го. Там оно тоже запрещено: по официальным доктринам этих стран в них и так победило добро, поэтому подобные воззрения являются фейк-идеологиями, распространяющими ложную информацию.

Сердюков опустил ногу и проверил время. Было десять пятьдесят восемь.

Подождав, пока розовые цифры на ретине покажут одиннадцать ровно, капитан подошел к двери особняка, поднял дверной молоток и звонко постучал им в металлическую планку.

— Это медь ударяет в медь, — долетел из динамика голос расстрелянного поэта. — Я, носитель мысли великой, не могу, не могу умереть... Присоединяйтесь к баночному проекту «Золотое Сердце России»! Скидка на первый и второй таеры для ветеранов гражданской администрации!

«Издеваются, — подумал Сердюков. — Великая мысль у гражданской администрации? Это какая же? На банку слямзить? Но таргетирование, конечно, умное. Находят кого надо».

Дверь открылась.

На пороге стояла перекачанная фема с бугрящимися от болта-неваляшки шароварами и хохломскими нунчаками за поясом. Сердю-

ков даже напрягся. Не потому, что редко видел таких, а потому, что видел их в ветроколонии слишком часто. Правда, там они рассекали без нунчаков. А иногда и без шаровар.

«Тыкомка, — подумал он. — Вышибала. Где у нее единорог-то?»

Татуировки единорога под ухом у фемы не было. Сердюков понял ошибку, увидев кукуху с феминитивным крестом — кружком вниз. Могилка мохнатки, как говорят в народе. Нейролесбиянки таких не носят.

Феминитивный крест означал биологическую цисгендерность, но исключительно с целью репродукции. Хрен редьки не слаще — выйдет замуж, даст себя оплодотворить, родит Мощнопожатному улан-батара, а потом начнет пердолить мужа нейрострапоном, пока тот не помрет от разрыва кишечника. Наверняка у нее «Фема XXL». И без креста понятно. Не по бугру на шароварах, по роже.

— Чего хотим, служивый? — басом спросила фема.

— Назначено, — ответил Сердюков, чувствуя, как жалко звучит в этом мире его тенорок.

— На сколько?

— На одиннадцать.

Фема прикрыла глаза, связываясь с системой через имплант, потом открыла их и уточнила:

– Дронослав Сердюков?

– Так точно.

Фема подобрела – и широко открыла дверь.

– Заходите, товарин жандарм. Госпожа старший менеджер ждут-с.

Ты смотри, не окрысилась на жандарма. Может, у нее потому крест, что сердомолка? Они тоже такие носят. Но спрашивать было неловко. Да и времени не осталось – фема уже вела Сердюкова в кабинет на втором этаже.

Пока они шли, Сердюков заметил еще двух таких же вышибалок. Секьюрити что надо, подумал он, нам бы так в колонии...

Открыв дверь с чешуйчатой надписью «Нейробутик «Юрасик», фема впустила Сердюкова в начальственный кабинет.

Менеджер был молодым парнем самого цисгендерного пошиба. Он сидел за столом зеленого сукна. Вокруг стояло несколько уменьшенных копий хищных динозавров. Двое спаривались, навечно застыв в пыльном пластмассовом экстазе.

– Здравствуйте, господин капитан, – улыбнулся менеджер. – Меня зовут Лаура Гусман. Ждала вас чуть позже. Садитесь, пожалуйста.

По легчайшему акценту и стеклянному блеску глаз Сердюков понял, что перед ним зеркальный секретарь. А потом увидел чей: на стене висела коричневая монохромная фотка

пожилой монголоидной женщины в белом платье — с лентой и массивными звездами орденов.

Видимо, так выглядела когда-то хозяйка низкопоставленного баночного мозга, говорившая сейчас с Сердюковым через локальный адаптор.

Сердюков сел на краешек стула, как будто перед ним был генерал жандармерии. Впрочем, менеджер «TRANSHUMANISM INC.» будет покруче любого жандармского генерала.

— Благодарю за согласие встретиться, мэм.

— Лаура, — поправил секретарь.

— Да, Лаура. Это для меня большая честь — быть принятым лично. Самим, так сказать, оригиналом. Весьма рад.

Зеркальник молчал — видимо, хозяйка подсасывала и анализировала информацию.

— Набокова не читала, — ответил наконец зеркальник. — Ваш намек на роман «Лаура и ее Оригинал» уместен и остроумен. Но радоваться рано. Дело важное и нестандартное. Обычно наша корпорация не занимается подобным. Перед тем, как мы примем окончательное решение, я хотела бы выслушать вас и задать несколько проклятых вопросов. Извините, это я в том смысле, что мы тоже знакомы с русской культурой.

— С удовольствием отвечу.

– Какую должность вы занимаете?

– Начальник отдела перевоспитания ветроколонии номер семьдесят два имени Кая и Герды. Капитан жандармерии. Также доктор педагогических наук и бакалавр медицины. Я ученый, но в нашей стране без погон трудно.

Зеркальник поднял руку, останавливая Сердюкова, и разразился звонким молодым смехом.

– Извините, – сказал он, – не удержалась. Герда и Кай – это та самая парочка, которая убила барона Ротшильда? Исправительное заведение названо в их честь?

– В Добросуде их считают национальными героями, – ответил Сердюков с виноватой улыбкой. – Конечно, с серьезными оговорками, но у нас все герои такие.

– Я, кстати, так и не поняла, кто убил барона на самом деле, – сказал зеркальник. – В иммерсиве это делает не девушка, а парень. Желтоволосяй.

– В иммерсиве?

– Да. Там такая потрясающая любовная сцена, после которой Кай отрывает у барона его нейроинструмент и им же пробивает ему головную пластмассу. Иммерсив называется «Serdoboy». С синтетическим Рудольфо ди Каприо в юности.

– Не смотрел, – сказал Сердюков. – Нам не показывают. А барона на самом деле убила

Герда. Действительно нейрострапоном. Но не во время секса, а в ходе спортивного поединка по фембоксу. Барон был уникален — он не только носил свою банку на специальном экзоскелете, но вдобавок любил рискованные спортивные поединки. Герда погибла, а Кая потом обменяли. У него в нашей культуре двусмысленный статус. С одной стороны, национальное достояние, с другой — рептильный влиятель. Вбойщик KGBT+, слышали про такого?

— Странно, — сказал зеркальный секретарь, — что колонию, где должны перевоспитывать преступников, называют в честь террористов. Тем более что даже в вашей собственной культуре у них двусмысленный статус.

На скулах Сердюкова на секунду выступили желваки.

— Я понимаю ваши чувства, — ответил он, — но это название придумал не я. А перевоспитание зависит не от названия, а от применяемых администрацией методов.

— И кого же вы перевоспитываете?

— Всех. В том числе и самых тяжелых преступниц и преступников. Лидеров уголовного мира. Так называемых *петухов* и *кур-заточниц*. Знаете, что это такое?

— Минуточку, — сказал зеркальник и закрыл глаза.

Это мне тоже стерли, понял я, и сделал запрос.

Справочные статьи оказались увесистыми. Но Ломас велел вникать.

TH Inc Confidential Inner Reference

Петух в русской криминальной традиции.

Сексуальные проявления в уголовной среде репрессивных социумов носят социально детерминированный и культурно обусловленный характер. Половое насилие становится как бы кривым зеркалом социальных репрессий.

Историческая Россия не была здесь исключением. Тройка экспертов-филологов из НКВД могла объявить любого жителя страны вражеским агентом и сослать в Сибирь. Но точно так же трое воров в сибирском зиндане могли объявить любого сосланного «пернатым» и сослать гораздо дальше – на *петушатник* (место в камере, где ютились *петухи*).

Изначально *петух* – это оскорбительно-презрительное название человека, над которым уголовники совершили сексуальное насилие или ритуально надругались (по тогдашним моральным представлени-

ям, широко тиражировавшимся культурой и СМИ, тюремное насилие оскверняло не насильников, а изнасилованного).

В карбоне термин охотно использовали российские интеллигенты и политики – как т. н. «либералы-западники» и «эмигранты духа», так и борцы за автономию национального сознания. Для политиков и философов этот дискурс был способом показать свою народность.

Еще в карбоне культурологические и философские аспекты этой темы были исследованы Варварой Цугундер в знаменитом эссе «Пятый Цикл»:

«Петушатник... стал как бы невидимым, но необходимым противовесом, тянущим ввысь фаллический дирижабль патриархальной духовности... Вряд ли случайность, что тема анальной пенетрации получает такое распространение в новой поэзии. Песни, стихи и куплеты, уподобляющие военное кровопролитие победоносному анальному сексу, появляются по обе стороны линии фронта. Однако куда интересней другое – в мирное время объектом творческой рефлексии становится страх кастрации и кражи члена. Это представляется крайне важным, потому что именно

здесь современная литература прорывает знаменитые «четыре цикла» Борхеса¹ и вырывается на оперативный простор. Если анальное изнасилование можно уподобить штурму крепости (с одновременным возвращением домой), то кража члена – это пятый, не встречающийся в ветхой культуре метанарратив...»

Петухи в карбоне были самой угнетенной социальной кастой. Но, как мы знаем из Евангелия и социальных наук, в истории существует закон инверсного возвышения.

К началу зеленой эры большинство населения Добросуда было чипировано, и «Открытый Мозг» стал корректировать социально вредные проявления токсичной маскулинности на церебральном уровне – через имплант. Подсветка «Открытого Мозга» и широкое распространение нейрострапонов превратили женщину в доминантный гендер. Все то, чем прежде кичилась криминальная среда – мышцы, тестостерон, агрессивность – потеряло силу.

---

¹ Четыре цикла Борхеса: 1) штурм и оборона крепости 2) возвращение 3) поиск 4) самоубийство бога. По мнению аргентинского писателя, это четыре главных архетипа мировой литературы, к которым сводится любая история.

Коррекция гендерных стереотипов привела к тому, что петухи начали возвышаться в криминальной среде. Происходило это потому, что большинство уголовников старой школы были носителями токсично-агрессивной маскулинности. *Петухи*, наоборот, были женственными, вертявыми и хилыми – и очень многие из них попадали под empowerment «Открытого Мозга».

Самый захудалый *петух* мог теперь избить любого бугра точно так же, как это делали фемы и представители других угнетенных сообществ. Подобная социальная инверсия в российских тюрьмах была побочным и совершенно непредвиденным эффектом прогресса.

Уже в двадцать втором веке *петухи* захватили власть в мужском сегменте русской уголовной общины и радикально трансформировали все ценности криминальной субкультуры. Желаящие понять, насколько монументальным был этот сдвиг, могут проследить за пост-карбоновой эволюцией *Глубинного Шансона*.

Гомосексуальность для современных *петухов* в целом не характерна – данный уголовный статус не имеет отношения к ориентации в сфере влечения и личным

сексуальным практикам. Из правила есть исключения (т. н. *петухи-законники*, уголовные ультра-традиционалисты, практикующие ритуальную содомию в инициатических ритуалах).

Петухи-отказники, составляющие элиту воровского мира, считают анально-фаллическую пенетрацию необязательной, вредной для кишечника и морально унижительной для мужчины (за что *куры* объявляют их мизогинами и агентами патриархии). При инициации *петуха-отказника* дырявится пустая консервная банка или какой-нибудь другой символический объект.

Причина, по которой корректирующая имплант-подсветка «Открытого Мозга» делает *петуха* доминантным самцом, точно не установлена. Известно, что для *петухов* в целом характерен пониженный тестостерон и высокий эстроген – но при вынесении гендерного вердикта система оценивает крайне сложную совокупность параметров, поведенческих факторов, медицинских и психологических реакций. Учитывается и прежний унижительный статус *петухов*.

Поскольку это политически чувствительный вопрос, корпорация не может ру-

ководствоваться только биологическими маркерами в своей программе гендерной аффирмации, навязывая архаичное понимание того, кто является мужчиной, а кто женщиной.

Однако в тоталитарных обществах нельзя полагаться и на личную самоидентификацию, поскольку на нее может влиять давление репрессивной машины (см. gender denial). Считается, что в сложных случаях вердикт о гендере членов и членок репрессированных сообществ гуманнее всего доверить нейросети – и строить дальнейшую мозговую коррекцию на этой основе.

Поэтому появление некоторого числа биологических мужчин (менее доли процента), пользующихся женскими имплант-правами, неизбежно.

Система HEV работала значительно быстрее Лауриной справки – видимо, ее корпоративный статус не давал ей подобных привилегий. Я уже кончил читать, а ее зеркальник по-прежнему глядел в пустоту над головой Сердюкова – значит, она все еще переваривала информацию. Оставалось время. Глубинный Шансон и петушиная традиция меня пока не интересовали. Я решил уточнить, кто такие *куры-заточницы*.

Статей выскочило сразу две.

TH Inc Confidential Inner Reference

Куры в русской криминальной культуре.

После признания нейрострапона неотъемлемой частью женского тела началась великая инверсия полов. Став доминантным пенетратором, женщина естественным образом стала и доминантным гендером. Криминальные фем-сообщества Добросуда постепенно перехватывали контроль над серыми, черными и зелеными финансовыми потоками.

Уголовные лидерки называли себя *курами* – чтобы подчеркнуть, что новый фем-блатняк является противовесом традиционному воровскому миру, где доминировали *петухи*. Интересно, что слово «кур» во многих славянских языках означает либо петуха, либо мужской половой орган, поэтому корневая связь этих субкультур не подлежит сомнению – и подчеркивает новую роль женщины.

Феминизация преступности была общемировым процессом, но в российской уголовной среде он затянулся – *петухи-отказники*, управлявшие воровским общаком и дискурсом, всячески противились прогрессу и не позволяли фемам

занимать высокие посты в криминальной иерархии, ссылаясь на традицию.

Эта борьба приняла экстремальные формы войны на уничтожение между *петухами* и *курами*. *Куры* считают петухов привилегированными агентами патриархии, ее последним оплотом. *Петухи* считают *кур* сумасшедшими феминистками.

С точки зрения социальных скриптов «Открытого Мозга» никакой разницы между *петухами* и *курами* нет.

Куры-заточницы (*шлынды* и т. д.)

Заточничество – извращенное ответвление фембокса, похожее на *пайкинг*.

Если *фембокс* – это в целом легальный спорт, где фемы дерутся специальными нейрострапонами до наступления оргазма, *заточничество* – кровавый уголовный культ. В нем используется нелегально изготовленный нейрострапон-заточка (*цугундер*).

Макет заточки выпиливают в тюрьме (считается хорошим тоном, если кура делает болванку из подручных материалов сама). Затем макет посылают на волю для распечатки на принтере и последующей установки сенсоров, имплант-линков, аккумуляторов и нано-присосок. Некоторые

куры используют до пяти цугундеров одновременно.

Между *пайкингом* и *заточничеством* существует важное различие. При *пайкинге* фема убивает мужчину нейрострапономпикой и получает от этого эротическое наслаждение. *Заточничество* – прежде всего уголовная практика. Кура убивает мужчину (в идеале *петуха*) публично, по особому обряду, описанному в *Молении Марфы-Заточницы* и других феминистических апокрифах.

Практически все высокоранговые куры в уголовной иерархии Добросуда являются *заточницами*.

Время еще оставалось.

Цугундер (*заточка, штырь, пика, пикало* и т. п.) – особое пенетрационно-эротическое холодное оружие, используемое в *пайкинге*. Изготавливается в нелегальных мастерских по индивидуальному заказу.

Своего рода стилет из высокоуглеродистого металлизированного пластика, пронизанного нервными сенсорами-коммутаторами. Поверхностная плотность сенсоров достигает максимума рядом с острием

стилета – именно там он наиболее чувствителен.

Длина и форма *цугундера* могут сильно различаться от куры к курице. Инструмент подключается к импланту точно так же, как обычная «Fema +».

Назван в честь карбоновой феменистки *Варвары Цугундер*.

С именем *Варвары Цугундер* связывают (обычно безосновательно) и другое *фем-оружие* – например, вагинальный капкан «Fema-ult» с титановыми зубцами, показанный в иммерсиве «Catch-69».

Варвара Цугундер – феминистка и блогерка, жившая в позднем карбоне. При жизни была известна как анонимная интернет-активистка, эссеистка и теоретик радикального феминизма. «*Избранные посты Варвары Цугундер*» – настольная книга фем-активисток даже в наши дни.

Приобрела всемирную известность посмертно после публикации другой своей книги – «*Дневников Варвары Цугундер*». Это фрагменты тайного дневника, в котором описано убийство девятинасти шести мужчин специально изготовленной заточкой в виде заостренного мужского члена.

В позднем карбоне не существовало подключаемых к импланту женских нейротрапонов, и стилет В. Ц. был просто холодным оружием. Тем не менее именно ее принято считать основательницей *пайкинга* – и нейротрапон-заточку называют *цугундером* в ее честь.

В. Ц. – легенда криминальных фем-сообществ и часто изображается на тюремных татуировках.

Статус В. Ц. в мировой культуре является спорным. В конце своего дневника В. Ц. выразила раскаяние в совершенных убийствах, признав, что к личному счастью нельзя прийти через пролитую кровь. Поскольку она жила в условиях патриархального гнета, прогрессивные фем-критики считают такое признание достаточным для ее посмертной реабилитации.

Многие исследователи не верят, будто одна фема могла убить столько мужчин, тем более что В. Ц. жила до начала имплант-коррекции гендерных стереотипов.

Личность В. Ц. точно не установлена. Считается, что после серии убийств она ушла в глубокое подполье. Со своими сторонницами и последовательницами она

общалась в основном с анонимных аккаунтов в сети. Многочисленные теории на этот счет приведены в исследовании «Тайные шифры Варвары Цугундер».

Одна из главных идей В. Ц., которая до сих пор дебатруется – это введение принудительной имплант-коррекции либидо (ЛИКОР).

Эта процедура не является для мужчин обязательной, но фем-активистки борются за ее внедрение для борьбы с *тэйстизмом* и *герантофобией*. Главным препятствием считается активность теневого хелпер-лобби, наживающегося на индустрии секс-рабынь, получаемых из биороботов путем нелегальной замены программного обеспечения.

Стилет В. Ц. в настоящее время хранится в нью-йоркском музее Метрополитен в специальном зале славы вместе с *Чашей Варвары*. Его стоимость оценивается девятизначной цифрой. См. *реликвии Варвары Цугундер*.

Реликвии Варвары Цугундер

Стилет-заточка (*цугундер*) и *Менструальная Чаша* (*Чаша Варвары, Радфемграваль и пр.*) хранятся в Музее Метрополитен.

Стиллет-заточка – это круглый кинжал из высокоуглеродистой стали (длина 33 см), повторяющий по форме мужской половой орган, остро заточенный на конце. *Менструальная Чаша* – позолоченный серебряный кубок со следами зубов и сабельных ударов, точное происхождение которого неизвестно.

Как предполагают современные исследователи, появление второй реликвии связано с неточностями автоматического перевода. *Menstrual Cup* – силиконовая чашечка для женской гигиены – стала в нем *Менструальной Чашей*. Затем, как часто бывает в истории религий, у ошибочно возникшего термина появился физический репрезентант.

Предполагается, что радикальные феминистки поклонялись *Чаше* в своих катакомбах во времена позднекарбонных репрессий, но в чем заключался ритуал, сегодня неизвестно.

Чаша сделалась одним из распространенных символов современных фем-активисток.

Цугундер Варвары считается аутентичным. В отношении *Радфемграаля* мнение ученых так же однозначно – большинство исследователей выражает сомнение

в подлинности объекта. Но на его культовом статусе это не сказывается никак.

Участницы культа обосновывают аутентичность *Радфемграаля* постами Варвары Цугундер.

Зеркальник Лауры наконец пришел в себя.

– Да, – сказал он, – картина ясна. Действительно ли конфликт между петухами и курами настолько серьезен?

– Практически гражданская война в криминальной среде. И гибнут в ней не только уголовные лидеры.

– Я про это прежде никогда не слышала, – ответил зеркальник вежливо, но с ощутимой скукой в голосе. – Спасибо, что открыли для меня еще один аспект вашей удивительной культуры. Петухи и куры. Буду знать.

– В Голливуде, – сказал Сердюков заискивающе, – эта тема вызывает определенный интерес. Они сделали несколько иммерсивов, нам тут не стримят, но вы, конечно, можете окунуться... Западные СМИ рекомендуют «Cock-a-doodle-die» с вашим любимым Рудольфо ди Каприо, который там не синтетический, а настоящий, хоть и старый. Играет петуха Гашека. Такой криминальный лидер в Добросуде действительно был – его убили фемы в ветроколонии.

— Спасибо за совет, — сказал зеркальник. — При случае поинтересуюсь. Рудольфо ди Каприо не мой любимый, я просто вспомнила.

— Теперь перехожу к сути. Мы хотим взять в аренду у корпорации два трип-бокса из бутика «Юрасик». Для того, чтобы некоторые из заключенных могли погрузиться в симуляцию прямо в местах, так сказать, не очень отдаленных. Оплату в двойном и даже тройном размере мы гарантируем. Переводим на любые счета в гринкоинах. В ваших внутренних документах может фигурировать любая сумма.

— Как будет произведена оплата?

— С чистого кошелька. За консультации. На любой другой кошелек. Можно в имплант-сумочку, если знаете, как подмыться. Платеж может быть произвольно разбит — сколько пойдет корпорации, сколько за консультацию, нам не важно. Квитанции не нужны.

— Откуда у вас такие возможности?

— У нас в ветроколонии сидит главный... Ну, один из главных петухов Добросуда. Известнейшие куры-заточницы. Высшая криминальная элита. Эти люди управляют огромными средствами. После срока их ждут банки. Ваша собственная корпорация пристроит их в вечности без всяких дополнительных условий и вопросов.

— Понятно, — сказал зеркальник. — Вы хотите усладить криминальных авторитетов бла-

гами цивилизации прямо в тюрьме. И платить отмытыми деньгами. Это классическая коррупция.

– То же самое практикуется в американских тюрьмах, – ответил Сердюков. – И в Еврохалифате.

– У этих процессов другая оптика, – сказал зеркальник. – Высокопривилегированные правонарушители в USSA имеют достаточно медийных ресурсов, чтобы считаться *жертвами* и *выжившими*. Общественное мнение им сочувствует. То же касается и Еврохалифата. Если наша корпорация предоставляет таким заключенным доступ к спецдосугу, это рассматривается общественным мнением скорее позитивно.

– Общественное мнение делают в Гамбурге, – сказал Сердюков. – Из лунного света и ослиной мочи. Вы сами хорошо знаете, кто, как и за сколько.

Зеркальник надолго замер.

– Прошу воздержаться от цитирования ваших классиков, – сказал он наконец. – Гоголь утверждал, что Луну делают в Гамбурге, я поняла. Но мне приходится долго знакомиться с контекстом, а это осложняет переговоры.

– Извините.

– Конечно, мир морально несовершенен, – продолжал зеркальник. – Но он такой, как есть. И не все сводится к оплате, даже если

она двойная или тройная. Важна оптика. У вас есть убедительная в моральном отношении причина, способная оправдать наше сотрудничество?

– Разумеется, – сказал Сердюков. – Психотерапия. Причем это чистая правда. Мне важен именно научный аспект.

– Поясните.

– Уголовные авторитеты хотят хорошо проводить время и готовы платить любые деньги. Но сам я буду ставить на вашем оборудовании научные эксперименты. Самые настоящие. Мало того, я мечтаю решить проблему, от которой страдает прежде всего ваша корпорация.

– Так, – сказал секретарь. – С этого места, пожалуйста, подробнее.

– Многие ученые считают, что пайкинг – это психическое отклонение, своего рода аффект, основанный на гипертрофированном пенетрационном импульсе. Вы знаете, почему он возникает?

– Почему?

Сердюков покраснел.

– Ну-ну, давайте, – попросил секретарь почти нежно. – Я знаю, что вы сейчас скажете.

– В Добром Государстве, как вы понимаете, таких исследований не проводят. Но ученые из Еврохалифата подозревают, что стремление к кровавому проникновению с убийством возникает у некоторых фем из-за воздействия

имплант-коррекции на рептильный комплекс мозга.

– Слышала про такие теории, – кивнул зеркальщик.

– Большинство исследований в этом направлении закрыто, но, если поискать, отчеты найти можно. Ученые считают, что это побочный эффект гендерной аффирмации. Коррективная подсветка женского мозга в одном случае из ста тысяч превращает фему в кровавую психопатку. Я говорю о пайкинге. С нашими заточницами вопрос сложнее, потому что это еще и феномен уголовной культуры, но корни следует искать там же.

– Знаете, – сказал секретарь, – я не думаю, что это по-настоящему плодотворный подход. Вы отказываетесь признавать новую межполовую реальность? Хотите вернуть патриархальное рабство? Отмотать назад века прогресса?

– Нет, совсем нет. Я хочу найти нечто вроде терапии.

– И как же?

– Статистика показывает, что большинство пайкерш, совершив несколько пенетрационных убийств, успокаиваются и больше не возвращаются к этим практикам. Возникает вопрос – что произойдет, если позволить кровавому пенетрационному импульсу проявиться в искусственной виртуальной среде? Дать ему, так сказать, выплеснуться? Рептильный

мозг будет удовлетворен, и фема перестанет быть социально опасной.

– Вы в курсе, что никакого рептильного мозга в женской голове нет? – спросил зеркальник. – Это просто научный жаргон.

– Неважно, как мы это назовем, – сказал Сердюков. – Важно, что открывается возможность исцеления. В нашей ветроколонии есть все условия для экспериментов. Даже если они получают огласку, в худшем случае заговорят о психиатрических опытах. Об исследовании мозга на рептильном симуляторе. Эффект будет исключительно позитивный.

– Почему?

Сердюков наклонился к столу.

– Ваш обыватель решит, – сказал он шепотом, – что корпорация ищет способ спасти его от проблем с помощью опытов на русских заключенных. Давайте честно, разве это может кому-то у вас не понравиться? Я имею в виду, на самом деле?

– Только без цинизма. Вы правда собираетесь заниматься этими исследованиями?

– Да. И у меня есть требуемая научная квалификация.

– Каков ваш материальный интерес?

– Процент от общей оплаты, совсем небольшой. Но главное для меня – наука. Я, видите ли, один из тех, кто верит, что на изнанке зла можно найти добро.

– Понятно, – сказал зеркальник.

– Огласки в СМИ, скорей всего, не будет. Но если мы добьемся научного успеха, это станет огромной победой для вашей уважаемой корпорации. Подумайте только – найти терапию для пайкинга. Уйдет серьезная имиджевая проблема... Вернее, я понимаю, что никаких проблем у «TRANSHUMANISM INC.» нет – но исчезнет раздражающий медийный зуд.

– Вот этот тон мне нравится больше, – сказал секретарь. – Не бросаться обвинениями, а искать способ вместе трудиться на благо цивилизации. Что конкретно вы собираетесь делать во время опытов?

– Мы сведем наших кур с нашими петухами. Не в реальном мире, где все кончается кровавой расправой, а в виртуальном мезозое. Там, где у них будет возможность полного, так сказать, самовыражения. Посмотрим на терапевтические результаты.

Зеркальный секретарь закрыл глаза и ушел в себя. Сердюков догадался, что менеджер контактирует с низшим руководством корпорации – и почтительно замер на краешке стула.

Совещались долго. Сердюков заметил, что глаза зеркальника остаются полуоткрытыми. Расширившиеся зрачки между ресницами были неподвижны, словно у трупа. Сердюков видел много трупов в ветроколонии и знал, как выглядят мертвые глаза.

Веки зеркального секретаря дернулись, он заморгал, зашевелился и улыбнулся.

— Одобрение в целом получено. Можем выделить два бокса из московского бутика, они старые, но работают. Разумеется, требование конфиденциальности. И полный доступ наших специалистов к результатам исследований.

— Конечно.

— Насчет оплаты я свяжусь позже. У вас есть какие-нибудь расчеты, обоснования? Материалы по программе? Нужно для руководства.

— Готова полная презентация, — ответил Сердюков. — Слить вам ролик? Сами увидите. И про кур, и про петухов, и про реабилитационную программу...

Зеркальник кивнул.

— И еще, — сказал Сердюков. — В «Юрасике» есть индивидуальный ящер-дизайн для состоятельных клиентов. Рептилия по эскизам заказчика. Это в нашем случае возможно?

— Отдельная оплата, — ответил зеркальник.

— Без вопросов, — расплылся в улыбке Сердюков.

*

— Пейте, — велел Ломас.

Я отхлебнул коньяка.

— И сигарку. А то я вас плохо чувствую...
Вот так.

Я не без удовольствия пустил в потолок клуб белого дыма.

– Подведем итоги, – сказал Ломас. – Офицер жандармерии из ветроколонии, на которую указала мать Люцилия, едет в офис корпорации и получает два трип-бокса из «Юрасика». Понимаете, чем пахнет?

– Понимаю. Мезозой стучится в нашу дверь.

– Поправлю как епископ. К нам в гости стучится не мезозой. К нам идет ад.

– Обычно это слово используют метафорически.

– Сестры-кармелитки избегают метафор, – ответил Ломас. – Их следует понимать прямо. Ад ищет новое воплощение. Место преступления у нас есть. Но нет пока самого злодеяния. И непонятно, каким оно будет.

– Верно, – сказал я.

– Появились также первые подозреваемые, – продолжал Ломас. – Вы только что получили ответ на вопрос, кого из обитателей ветроколонии может выбрать демон Ахилла.

– Кого?

– Петуха.

Та же догадка осенила меня самого. Уже после того, как я задал вопрос, но до того, как Ломас произнес это слово вслух. Адмирал опять меня опередил.

– Именно. Петуха. С одной стороны, мужчина. С другой стороны, имплант-коррек-

ция «Открытого Мозга» на него не действует — и дерется он не хуже фемы.

— Да, — согласился я. — Идеальный выбор.

— По данным финансовой разведки, мезозой-трип на девяносто процентов оплатил заключенный ветроколонии семьдесят два Кукер, — сказал Ломас. — Мы подняли его дело. Петух-отказник. Из последних могижан. Куры на него охотятся уже лет десять, все не могут убить. Он потому только в колонии и отсиживается. Так бы вышел давно.

— Он криминальный лидер?

— Скорее, патриарх. Петухарх, так сказать. В других ветроколониях есть более авторитетные петухи. Но Кукера уважают. Советуются. Раньше он держал общак. Связи остались, конечно. У него большие финансовые возможности.

Я кивнул.

— Надо понаблюдать за ним через имплант. Подключитесь через омнилиник и сформируйте представление.

— Сделаю, — сказал я. — А может, просто зачистить всех возможных кандидатов в демоны? У вас же есть канал связи с сердоболами.

— Я думал об этом, — ответил Ломас. — Но вряд ли сердоболы на такое пойдут. Во-первых, у них нет повода — а пересказывать им откровение сестер-кармелиток пока не хочется. Во-вторых, неизвестна степень влияния

петухов на администрацию. Их финансовые возможности впечатляют. Они коррумпируют даже наш менеджмент.

— Это решаемые вопросы, — сказал я. — Мы можем зачистить кандидатов сами. Например, микродронами.

— Такой зачисткой мы не победим зло, а лишь уничтожим его потенциальный сосуд. Зло найдет другого носителя. Но оно настоится, и мы об этом уже не узнаем. Гораздо умнее с самого начала держать ситуацию под контролем. Поэтому препятствовать капитану Сердюкову и Лауре я не буду.

Ломас, как всегда, видел дальше меня. Но у него и зарплата другая.

— Коррупция, — вздохнул я. — Везде в этом мире коррупция.

— Не везде, — ответил Ломас.

— А где ее нет?

— У вас в Добросуде.

— Вы серьезно?

— Конечно. Коррупция — это язва на здоровом теле. Девиация. А когда вместо здорового тела имеется одна большая язва, это уже не отклонение от нормы. Это такой социальный строй. И сегодня он стучится в нашу дверь вместе с мезозоем. Даже не знаю, какой стук громче.

— Проект одобрили наши старшие менеджеры.

Ломас поглядел на меня задумчиво.

— Вы полагаете, они тоже в доле?

Закрыв глаза, он замер. Я понял, что он контактирует с кем-то из начальства.

— Нет, — сказал адмирал через пару минут. — наших технологов действительно интересует возможность психотерапии для лечения пайкинга. Организовать подобное самим сложно — преступницы или в тюрьмах, или на нелегальном положении. Сердюков пришлось кстати.

— Думаете, он может добиться успеха?

Ломас пожал плечами.

— Увидим.

— Нужен контроль использования трип-боксов, — сказал я. — Кто, как, когда. По какой программе.

— Отличная мысль, — улыбнулся Ломас.

— Наверно, имеет смысл проследить за Сердюковым, пока он устанавливает трип-боксы в колонии. Можем услышать что-то интересное.

— Правильно мыслите. Потом переключайтесь на Кукера.

— Можно идти?

— Не спешите, — ответил Ломас. — Выпьем еще на посошок.

Я отсалютовал начальнику стаканом.

— Должен заметить, — сказал Ломас, — что на меня произвела впечатление история о повышении петухов.

– Почему?

– Я смотрю на это как епископ. *Wer sich selbst erchöhet, der soll erniedriget werden...*¹ У Баха есть потрясающая кантата на эти слова. Как раз под коньячок.

В кабинете заиграла музыка. Грозно-взволнованные голоса хора казались излишне экзальтированными, но музыка была хороша.

– Возвышающее себя унижено будет, – повторил Ломас задумчиво, – униженное вознесется. При Бахе, обратите внимание, не было ни банок, ни этой инверсии высшего и низшего.

– Теперь в кантате больше смысла, – сказал я. – История ставит все по местам.

– Да, – ответил Ломас. – *Low is the new high.* Но этого мало. *High is the new low.* Про это в наше время тоже нужно помнить. Ваше здоровье!

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/15

Маркус Зоргенфрей

P.O.R Капитан Сердюков

Бревенчатый кабинет начальницы лагеря майора Тони был жарко натоплен. Из угла хитровато щурился бюст климатолога Лукина с гип-

---

¹ Всякий возвышающий себя унижен будет, а унижающий себя возвысится. Лк 14: 11.

совым коком над улыбающимся лицом. На стене висел портрет генерала Шкуро в крагах с факсимильным автографом:

СИБИРСКИМ КРУТИЛЬЩИЦАМ
ОТ ВЕЧНЫХ ВОЖДЕЙ.

ША

Что такое это «ША» – инициалы Мощнопожатного (его вроде звали Александром) или приличествующее обстоятельствам междометие – сказать было трудно.

По сторонам от вождя висели учебные плакаты, изображающие правильную организацию ветродеяния в исправительных заведениях: форма педальных рам, расстояния между крутильщицами, гендерная сепарация зон, пропеллерные вышки с разметкой – в общем, вся технология.

Майор Тоня встала навстречу вошедшему Сердюкову, хоть и была старше чином. Жан-дармов в Сибири уважали.

– Как съездили, Дронослав Маринович?

Сердюков с удовольствием оглядел ладную фигурку начальницы. Малиновый лампас, лайковые сапоги, осиная талия, портупья с латунным ветряком, две кобуры на крутых бедрах – с пистолетом и нейродубинкой. Майор Тоня использовала последнюю крайне изобре-

тательно, и не только с мужским полом, за что ее боялись даже самые матерые куры.

– Отлично, Антонина Надеждовна. Оборудование здесь?

– Доставили и развернули, – ответила майор Тоня. – У них сборщики такие интеллигентные, прямо как музыканты из филармонии. Я теперь главная специалистка. Три дня с установщиками провела. Мы вас еще позавчера ждали.

– Задержали научные дела, – сказал Сердюков сухо, как бы показывая, что дальнейшие расспросы неуместны.

Я знал, что его задержал запой – но ведь идеи приходят ученому в голову не просто так. За ними приходится нырять глубоко-глубоко, и погружения эти оплачиваются здоровьем. Сердюков, в общем, не врал.

– Хотите посмотреть? – спросила Тоня.

– Конечно. Где поместили?

– В соседнем корпусе. Одеваться будем?

– Да нет, – сказал Сердюков. – Пробежимся по холодку.

Холодок на самом деле был крепким сибирским морозом. По дороге Тоня пожаловалась на лагерные проблемы – завезли некондиционную смазку, цепи за ночь промерзают так, что с утра приходится разогревать паяльными лампами, а потом крутить до вечера

в две смены без перерыва, чтобы не тратить зря время и керосин.

— В общем, — подвела итог раскрасневшаяся на морозе начальница, — сражаемся с энтропией. Давайте сперва мужской юнит проверим.

— Хорошо, — согласился Сердюков и вслед за Тоней нырнул в облепленную сосульками дверь бревенчатого барака с табличкой «ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ».

— Вот, — сказала Тоня. — Красавец, да?

Иммерсивный юнит из бутика «Юрасик» и правда был красив. Вернее, он показался бы красивым в другой обстановке. Здесь он смотрелся странно и даже тревожно.

Размерами и формой трип-бокс напоминал саркофаг. Пестротой раскраски — аттракцион из сомнительного в моральном отношении луна-парка: пальмы, заходящее солнце, летящие в небе метеоры и два занимающихся любовью ящера на фоне поваленной секвойи.

Рисунок, возможно, не отвечал научным представлениям — миссионерская поза не для рептилий. Зато рядом была панель управления самого серьезного вида. С сенсорным экраном, как на карбоновой хай-технике.

У стены недалеко от бокса стояла гигиеническая кабина с резиновым ковриком.

— Даже душ есть?

– Мыться перед сеансом, – сказала майор Тоня. – И особенно после. Говорят, обделаться можно от эмоций. А уж обкончатся – гарантированно. Персоналу поиграть разрешат?

– Это научный эксперимент, – ответил Сердюков. – Корпорация нам боксы не просто поигратся дала. Нужны будут результаты. Когда получим, будем веселиться.

Тоня сделала круглые глаза.

– И какие такие результаты вы собираетесь получать, Дронослав Маринович? Разве вы еще не получили?

– Простите?

– Вам денежка упала на кошелек?

Сердюков покраснел.

– Вы зачем про это сейчас вспоминаете? – спросил он шепотом.

– А чтобы вы расслабились, – пропела Тоня. – Денежка ведь не только вам, она еще в пять адресов прошла. Очень даже крупная. Всем все понятно. Не нужны никому исследования.

– Денежка денежкой, – сказал Сердюков, – а наука наукой. Для меня это репутация. Тут Нобелевкой пахнет, если получится.

– И за что вам Нобелевку дадут?

– Вы вряд ли поймете, – ответил Сердюков. – При всем уважении.

– Попробуйте объяснить.

— Хорошо, — сказал Сердюков. — Знаете, что происходит в этом трип-боксе, когда туда ложится клиент?

— Смутно.

— Симуляция воссоздает самоощущение большого ящера. Крупного рептильного мозга. Мы не знаем точно, как себя чувствовал ящер. Но у корпорации «TRANSHUMANISM INC.» осталось несколько суперкомпьютеров еще с позднего карбона, когда их умели делать. И корпоративные ученые построили, э-э-э, как бы сказать, нейросетевую модель мозга древней рептилии. Приблизительную, конечно. Посчитали уровни нейротрансмиттеров, число рецепторов, нервное затухание, возбуждение, все вот это. А потом смоделировали похожие паттерны внутри человеческого мозга.

— Это как? — спросила Тоня. — Как с имплант-рекламой?

— Не совсем.

— Как с политинформацией?

Сердюков улыбнулся.

— Это ближе. Но импланта оказалось мало. Целый ящик понадобился. В нем человек начинает чувствовать себя ящером. Он помнит краешком мозга, конечно, кто он на самом деле. Но это становится не слишком важно, потому что ящером быть увлекательнее. Понимаете?

– Примерно да.

– Так трип-бокс действует на нормальных пассажиров. Но наши заключенные – люди с отклонениями. Петухи, куры и так далее. Имплант-коррекция патриархальных гештальтов поменяла их поведенческие паттерны слишком сильно. Или нетипическим образом.

Тоня кивнула.

– При этом, – продолжал Сердюков, – возникли пограничные поведенческие аберрации, носящие отчетливо паталогический характер. Куры-заточницы. Да и сами петухи знаете что выделывают...

– Знаю. И как вы хотите их исследовать?

– Мы берем такой патологически эволюционировавший мозг... То есть не берем, мы его оставляем в теле. Но в терапевтических целях переводим в древний рептильный модус, временно меняя его внутреннюю карту и энергетику. Уровни допамина, норэпинефрина, серотонина, внутренних опиоидов, а также...

– Не надо деталей.

– Хорошо. В общем, уровни нейротрансмиттеров сильно повышаются. Для обычных пользователей бутика «Юрасик» цель такого погружения – рептильный секс. Попросту говоря, любовный опыт на стероидах, легальная экскурсия в мир нечеловеческой страсти. Это дорого, но опыт того стоит. Знаете, какая очередь у новобрачных?

– Да, – ответила Тоня. – Видела рекламу. «Мезовый месяц», или как там. Я чего не понимаю – они наркоты купить не могут? За эти деньги можно тумана взять на полжизни.

– Наркотики такого опыта не подарят. То, что испытывают посетители «Юрасика», гораздо интенсивнее любого трипа. И, главное, результат предсказуем, а процедура безопасна. Мы хотим использовать тот же эффект для терапии. Принести нашим подопечным пользу.

– Какая тут польза? Они из этого ящика опять на ту же зону вылезут. Разве нет?

– Да, – сказал Сердюков. – Но будут другими людьми.

– Почему?

– Прилив перемещает все лодки сразу. Понимаете? Лодки – это гештальты, поведенческие схемы и внутренние стереотипы. Девятый вал дофамина поднимет их ввысь – и назад они лягут уже в другом порядке. Иначе, чем прежде. Моя научная гипотеза заключается в том, что таким образом можно лечить психические расстройства и патологии вроде пайкинга. Понятно?

– То есть заплатил Кукер, – сказала Тоня, – а лечить будем Дашу Троедыркину?

– Как они скидывались, я не знаю. Это ваша епархия. Но для меня главная цель, конечно, заточницы. Вернее, не они сами, а терапия пайкинга.

– Они там что, сексом с петухами будут заниматься?

– Нет, – сказал Сердюков. – Скрипт немного другой.

– Вы только их не напрягайте слишком, – попросила Тоня. – Сколько денег люди заплатили, просто в голове не укладывается. Дайте отдохнуть нормально.

– Они бумагу подписали, – сказал Сердюков. – Что станут добровольно участвовать в эксперименте.

– У нас в стране не с бумагами работают, – ответила Тоня, – а с людьми. Вам ли не знать.

Сердюков огляделся, словно о чем-то вспомнив.

– А где второй бокс? – спросил он.

– Как вы просили, отдельно, – сказала майор Тоня. – Точно такая же комната, только для фем. Отдельный вход, чтобы никаких контактов вне симуляции. За колючкой.

– Отлично.

– Хотя, товарищ капитан, это немного наивно думать, что петух-отказник может о чем-то сговориться с курой. У них встреча недолгая. И конец всегда одинаковый. Терминальный.

– Я знаю, – ответил Сердюков, – не надо меня за дурня держать. Но какая-нибудь профессорка в Соединенных Местечках не в курсе. Напечатаем отчет о коррекции поведенческих паттернов, они посмотрят на условия

опыта и скажут – ну, это преступники спелись, чтобы их с крутилова сняли.

– Куры с петухами и так не крутят, – усмехнулась Тоня.

– Я знаю, Антонина Надеждовна, знаю. Но я же наукой занимаюсь. Мне вторую статью писать придется, чтобы эти нюансы международной публике объяснить. И не факт, что поймут. А если у нас забор с колючкой между женским и мужским юнитом, тогда проблемы нет. Называется «надлежащая методология эксперимента».

Майор Тоня вздохнула.

– Да уж, колючка у нас все проблемы решает.

Сердюков сделал вид, что не услышал сомнительной реплики – и склонился над сенсорной панелью.

– Кто-нибудь умеет этим управлять?

– Не понадобится, – ответила майор Тоня. – Все централизовано. От нас надо только тело в бокс положить. Видите, вон та кнопка открывает и закрывает. Остальное корпорация сама сделает. Даже спецдизайн ящеров уже посчитали. И для петухов, и для кур. По вашим эскизам.

– Отлично, – просиял Сердюков. – Это установщики вам сказали?

– Да. И еще, конечно, от вас потребуется общий сценарий сеанса.

Сердюков нажал на кнопку, и крышка бокса поднялась. Пахнуло свежестью и чуть-чуть хлоркой, как в раздевалке дорогого бассейна.

Внутри было углубление в форме человеческого тела со множеством похожих на цветы сенсоров, торчащих из мягкой белой пластмассы.

— Размер регулируется? — спросил Сердюков.

— Да. По росту и объему.

— Ложатся в трусах?

— Нет, — ответила Тоня. — Голыми. Видите, сенсоры под попой.

— Да. Все правильно. Не только активация мозга, но и контакт по всему телу. Снимают показатели. И еще дополнительное возбуждение вегетативки. В гигиеническом плане проблем нет — дезинфекция автоматическая.

— Я поняла по запаху, — сказала Тоня. — А почему бокс такой тяжелый? Прямо мощный как танк.

— Это дополнительная защита. И клиента, и персонала.

— От чего?

— Конвульсии, психоз. Эпилептический припадок. Мало ли что с клиентом случится — начнет орать, голый по бутику бегать и так далее. Раньше такие случаи были. Лучше с самого начала звукоизолировать и зафиксировать тело на месте. Тогда и седативчик, если надо,

подколют, и возбуждение снимут — никто не заметит.

— Ну да, — кивнула Тоня. — Это они умеют. Кого запустим первыми? Кукера?

— Весь смысл в том, чтобы парами, — сказал Сердюков. — Если Кукера, то с Дарьей Троедыркиной. Нужно, чтобы на камеру наговорили, что ознакомлены с условиями и согласны. И желательно с улыбкой.

— Сделаем, — сказала Тоня. — Только у Дарьи с улыбкой плохо. Это важно?

— В данном случае да. На крутилово хоть ссаными тряпками их гоните. Но в нашем исследовании все должно выглядеть гуманистично.

Тоня тихо засмеялась.

— Я эскиз ящера видела для Кукера. Не тиранозавр, а какой-то тиранопетух.

— Все по науке. Некоторые разновидности динозавров были с гребнями. У других имелись перья. Нам внешний вид не особо важен. Важно внутреннее отождествление во время опыта. Кукеру понравится.

— Даша Троедыркина — тоже тиранозавр?

— Нет, — ответил Сердюков. — Отнюдь.

— Как они друг друга найдут?

— Не беспокойтесь. Я им такой сценарий пишу, что автоматически встретятся на маршруте.

Тоня покачала головой.

– А вдруг у них любовь случится?

– Не думаю. Хотя может присутствовать, конечно. В патологическом смысле. Нам важно, чтобы ими был пережит целостный рептильный опыт. По моей теории это может позитивно изменить поведенческие установки.

– Ладно, – сказала Тоня. – Если меня спросят, нобелевка ваша. Когда начнете?

– Да прямо в понедельник, Антонина Надеждовна.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/17

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Петух в отказе Кукер**

Петушатник возвышался над хатой, как сады Семирамиды над ночным Вавилоном – зловеще и кошунственно.

Цветы в глиняных горшках, пластмассовые бюсты героев Добросуда (переделанные в пристанища духов – вертикальный пропилен на лбу, жир и охра вокруг), старинные бумажные книги, портреты карбоновых писателей и полководцев, стеклянные бутылки с вложенными пожеланиями вечности (реальные малявы от братвы с обещанием скинуться общаком пернатому на банку) и еще множество трудноидентифицируемых, но красиво пере-

ливающихся в полутьме предметов – все это превращало трехуровневые нары в подобие огромного иконостаса, нерукотворно мерцающего в красном свете коптилок.

В центре петушатника, в открытых царских вратах, на украшенной золочеными перьями шконке сидел на трех одеялах главпетух Кукер.

Хату натопили так жарко, что он был гол по пояс – и соседи по камере могли видеть наколки, украшающие впалую грудь. Их было много, но ярче всего выделялись петух на церковном кресте и породистый профиль древнего аристократа с подписью «ИБУНИН».

Такую татуху носили многие козырные петухи, и любой подкованный арестант обязан был объяснить ее смысл без запинки, а то и прочесть само стихотворение Ибунина про поющего с креста пернатого:

Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века –
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг...

Под петухом краснело огромное слово:

SIN

А еще ниже – видимо, перевод или комментарий:

СИН ПОБЕДИШИ

На шее Кукера была выколота книга с ветряком на обложке и надписью «ВООК». Конвой к такой татухе докопаться не мог: книга и книга. А вот ниже, в зоне, которую обычно скрывала одежда, помещалась красная расшифровка – чтобы братва не принимала верхнюю часть надписи за призыв к англоязычному чтению:

В ОТКАЗЕ ОТ КРУТИЛОВА

Высокий гребень волос с вплетенной проволокой и петушиными перьями поднимался над черепом Кукера как плюмаж над греческим шлемом.

У стен хаты сидел неоперившийся блатняк – бритые, татуированные и закачанные в многослойную мышечную броню мокрушники. Они смотрели в пространство, стараясь лишний раз не встречаться с Кукером взглядом. Но опускать глаза в пол тоже не стоило – петуху мерещилось в этом свидетельство нечистой совести, если не прямого стукачества куме.

Как всегда с утра в понедельник, Кукер держал базар.

– Петушиное погоняло – вещь особая. Оно по ветру должно прилететь. С неба упасть. Все петухи в курсе. Вот вы, сявки, знаете, как мое имя?

– Кукер, – сказал кто-то.

– Вы Кукером меня по-свойски зовете. А мое петушиное имя – Син. Теперь вопрос – почему меня Сином зовут?

– По колам.

– Чего по колам?

– Ну, это, на пузе у тебя выколото, – ответил браток. – «Грех» по-английски. Имя самое петушиное.

– Дурила ты, – усмехнулся Кукер. – Какой грех? Дураки базарят, что петухи поднялись недавно. В позднем карбоне или около того. И раньше нас якобы в жопу долбили. Не слушайте. Это с кумчасти ветер дует. Историю специально так искажают, чтобы от традиции нас оторвать. У петухов долгое и славное прошлое. Много столетий мы служили китайским императорам. Были телохранителями и мастерами боевых искусств. Я вам сейчас докажу. И объясню заодно, как петухом стал и почему у меня такое имя.

Кукер уперся руками в колени и обвел братву взглядом.

– Случилось это на Саратовской крытой. Был я тогда просто бродягой. Чувал перья, конечно – но сомневался. А потом наш глав-

петух, Костя Цезарь, который на шпорах меня учил чикаться, рассказал нам одну китайскую притчу. Сейчас я вам ее зачитаю.

Кукер поднял со шконки потрепанную книгу, раскрыл ее на закладке и прочел:

Цзин Син-цзы тренировал бойцового петуха для государя. Прошло десять дней, и государь спросил:

– Готов ли петух к поединку?

– Еще нет. Ходит заносчиво, то и дело впадает в ярость, – ответил Цзин Син-цзы.

Прошло еще десять дней, и государь снова задал тот же вопрос.

– Пока нет, – ответил Цзин Син-цзы. – Он все еще бросается на каждую тень и каждый звук.

Минуло еще десять дней, и царь вновь спросил о том же.

– Пока нет. Смотрит гневно и норовит показать силу.

Спустя десять дней государь снова спросил о том же.

– Почти готов, – ответил на этот раз Цзин Син-цзы. – Даже если рядом закричит другой петух, он не беспокоится. Посмотришь издали – словно из дерева вырезан. Жизненная сила в нем достигла совершенности. Другие петухи не посмеют принять его вызов: едва завидят его, как тут же повернутся и убегут прочь.

Кукер закрыл книгу.

— Вот как услышал я эти слова, — сказал он, — так меня прямо в сердце и торкнуло. Понял я, что судьба моя в перьях. Подошел я к Цезарю и говорю: был я бродяга, Костя, а теперь я петух. Он поглядел исподлобья и спрашивает — точно? Точно, отвечаю, точно. И Цезарь при всей братве повторяет: ты петух! Петушиное твоё имя будет Син, как у китайского учителя. А простое для братвы — Кукер. Береги, говорит, нашу древнюю честь... Пробыли мы банку гвоздем, и с тех пор кукарекаю. Вот так, братва, жизнь меня и продырявила. А воспитал меня Костя в точности как Цзин Син-цзы того китайца, только не сорок дней это заняло, а четыре года. И в тюрьмке учил, и на воле потом. Мудрый был петушара, упокой его Господи. Читал, помню, много, всё жизнь хотел понять. Ни разу его на параше без книги не видел...

Один из арестантов — брутальный амбал с тремя выколотыми на щеке слезинками (число убитых на отсидке) ненатурально прокашлялся, и Кукер повернул к нему свой лик.

Если строго по понятиям, при обращении к петуху полагалось прокукарекать — но Кукер был либералом, и в его хате арестанты скорее негромко кашляли, добавляя к этому звуку один-два петушиных слога вроде «ко».

– Пернатый, извини, что перебиваю. До нас прогон.

– От кого? – спросил Кукер, поднимая бровь.

– Да от этих... От кур.

Кукер подбоченился и презрительно повторил:

– От кур? Какой же это прогон тогда? Если петухи с других кичманов напишут, будет прогон. А от кур – это просто малява. Рамсы путаешь.

Бычара покраснел.

– Попутал, – сказал он. – Твоя правда. Короче, до нас малява от кур.

– С этапом дошла?

– Не. Через куму передали.

– Значит, с нашей женской зоны. Зачитывай, чтоб вся братва слышала.

Амбал развернул сложенную голубем бумагу, близоруко сощурился и прочел:

Привет Членомразям Позорным. Вы чего, твари залупоносные, способствовали разгулу социальной апатии и бытового насилия, формируя потребительское отношение к женщине и потакая ее восприятию в качестве социального трофея? Отвечайте, козлы, за объективацию и сексуализацию женского тела, за сведение к объекту желания и нежелания, усиление

стереотипов и подрыв автономии, товарищизацию женщины и контроль над ее репродуктивными правами. А за маргинализацию интерсекциональных идентичностей кровью умоетесь. За все за это спросим с вас по женскому обычаю...

Браток замолчал.

— Кукер, ты понял? — спросил кто-то из братков.

— Это у них стандартная шняга, — усмехнулся Кукер. — «Символ веры» называется. Копипаста. Из малявы в маляву кочует уже лет двести. Куры сами давно не догоняют, какой там смысл. Но звучит серьезно, не спорю. Если кто не в курсах, от такого базара не по себе станет.

— А почему нас козлами назвали?

— Да фуфлогонки, — сказал Кукер. — Последний козел сорок лет назад помер. Вернее, не помер — откинулся на пересылке и в банку отчалил. Звали Гогеном. Он и посейчас братву из банки греет, уважаемый мозг. Других козлов среди деловых нет, все перемерли — одни петухи остались. Кали-Юга. Я же говорю, куры брешут, что с них взять. Мававы, они мававы и есть. Читай дальше.

Прошло всего несколько минут, а мне уже понадобилась справка.

TH Inc Confidential Inner Reference

МАВАВА (!) (*мавува, мавуфа, мавуха, мавуша и пр.*)

Хейт-спич. Мизогиния. Патриархальный уголовный сленг. От англ. Middle Aged White Anglo-saxon Woman (также American/Unfuckable Female/She-T и пр.).

Появившееся в позднем карбоне обозначение сексуально непривлекательной женщины средних лет, претендующей на общественный интерес.

Вот что пишет анонимный русскоязычный автор позднего карбона, живший на Ближнем Востоке:

Мававы были чаще всего без детей, злые оттого, что никто их не паялил, и при деньгах. Смотрели говносерии по ящику, потом на выборах голосовали, а мужикам приходилось с другими мужиками воевать, книксен трансжопым делать, лебезить перед арабами и так далее. А когда эти стервы дорывались до власти и начинали давать команды Пентагону и ЦРУ... Ой-вей.

Феминистическая критика указывает, что причиной карбоновых войн была прежде всего тестостероновая агрессивность, и перекладывать вину на редких женщин-неоконок в патриархальном истеблишменте того времени не только подло, но и исторически недостоверно.

Сегодня термины *мавава/мавуфа/мавуха/мавуша* классифицируются как ненавистная речь и автоматически понижают социальный индекс («минус в карму») при произнесении. Используются обычно в тюрьмах, где социмплант нефункционален. Служат чаще всего для обозначения всех женщин сразу, независимо от возраста и сексуальной привлекательности.

В уголовной среде эти слова употребляются не только мужчинами, но и фемами. *Петух* отказывается *быть терпилой под мававами/мавуфами*. Женский криминалитет использует эти термины для самоидентификации по принципу *реаффирмации (рекламации)* – когда оскорбительная кличка заимствуется с целью реверсивного самоутверждения. Фемам за эти термины минус в карму не ставится.

См. также балет «*Инцел и Мавава*».

Чего-то подобного я и ожидал. Я успел сходить еще по паре кросс-ссылок, и к тому моменту, когда урка опять начал читать *маляву от мавав*, уже ощущал себя опытным братком с десятком ходок за спиной.

Дошло до нас, честных отказниц, что чалится у вас посол патриархии пернатый петух Кукер. Мы передаем петуху Кукеру от сестер-заточниц кровавый привет и заточный strapon. Долетел до нас слух про твою мизогинию, и вот что мы тебе прокудахчем. Мы патриархию берем на цугундер, и ты на него своей жопой сядешь очень плотно в первых рядах. Слышь, пернатый Кукер, будет тебе скоро женский пол, женский кол и полная рыба. Недолго тебе, петушара позорный, кукарекать над сибирской равниной. Простер крыла, да не твоя была. Был при крылах, стал ни при делах. Куд-кудах-тах-тах. Цугундером в пах. Слово наше верное, мохнатое и мокрое. Забодаем, пернатый. Жди. Аминь. Сестры-заточницы Куры.

— Вообще ни слова по делу, — сказал Кукер. — В начале копипаста и в конце.

— А в конце откуда?

— Из «Моления Марфы-Заточницы». Где «женский пол, женский кол» и дальше.

— Точно, — подтвердил зэк с выколотой на лбу короной. — Есть там такое.

— Говорят, Дашка Троедыркина теперь у нас в колонии. На женской половине. Два месяца уже. Ее то привозят, то увозят. Следственные действия, наверное. Может, она и сочиняет?

— Похоже, — согласился Кукер. — Раз «забодаем» написано, сомнений мало. У нее каска с тремя цугундерами. Она реально заботать может. Но если по понятиям разбирать, малява эта — чистое фуфло.

— Кто-нибудь Троедыркину видел? — спросил один из зэков. — Какая она из себя?

— А ты через проволоку перелезь, — сказал другой. — Может, успеешь увидеть. Секунды две будет.

Братки засмеялись. Потом кто-то добавил:

— Говорят, у нее коса длинная. Красивая русая коса. Она ею трех мужиков задушила.

— А чего не цугундерами? — усмехнулся Кукер.

— Наверно, с собой не было.

— Мутная история, — подвел итог Кукер. — Чего нам Дашка сообщила нового? Что на цугундер петухов будут брать. А то мы не знаем. Только кого на пики поставят, еще вопрос.

— Зачем тогда маляву было посылать? — спросил браток. — Тем более через кумчасть?

Кукер задумался. Он размышлял долго, и под конец его лицо разгладилось — и на нем даже появилась ироничная улыбка.

— Кажется, понял.

– Чего?

– Да у нас тут с кумой уговор один был... Не, братва, все по распоняткам. Без крутилова. Аттракцион с динозаврами. Но с другого боку это кур касалось. Типа у меня с кумой стрелка, и у кур. Видно, куры нам привет передают. О себе напоминают, чтобы я в страхе дрожал. А поскольку мозги у мавав кривые и маленькие, ничего умнее придумать не могут.

– Что за уговор?

– После расскажу, – махнул рукой Кукер. – Примета плохая. Но если я правильно въехал, скоро меня к куме дернут.

Он был прав. Не прошло пары минут, как раздался железный лязг засова. Дверь в хату открылась. На пороге стояли два конвойных улан-батара.

– Кукер, – сказал один, – кума зовет.

Кукер со значением посмотрел на братву – мол, я же говорил.

– Я в отказе.

– Тебя не крутить зовут, – сказал другой конвойный. – Кума перетереть хочет. Одевайся.

Кукер слез с петушатника на пол, повернулся к конвою задом и принялся надевать положенный по инструкции прикид. В какой-то момент перед конвоем забелели его татуированные булки.

Показать конвою булки, да еще на глазах у братвы, мог только петух. А у Кукера на тух-

ле вдобавок были колы, за которые любой другой зэк сразу сел бы в карцер.

На левой ягодице синел выколотый с великим искусством Гитлер в двубортном кителе. С правой глядел стоящий на костылях фашистский ас Рудель со свежеемпутированной ногой. Над Гитлером, как в комиксе, помещался картуш с текстом реплики:

— Вот что бывает, когда цыплята лезут наперед петуха!

Вся братва знала, что Адольф Гитлер реально сделал такую предьяву знаменитому пилоту после того, как тот потерял ногу в воздухе, несмотря на запрет летать. Кукер объяснял это зэкам лично, и слово «петух», которое Гитлер применял к себе самому, загоралось за пределами жуткими смысловыми огнями. Чего Кукер и добивался.

Перед тем, как сумрачный арийский вождь исчез под хлопковыми трусами, конвою вместе с братвой пришлось отсмотреть короткий танец булок, во время которого Гитлер и Рудель исполнили что-то вроде фокстрота, причем Гитлер как бы напирал, а Рудель извивался, с трудом удерживая свое костыльное равновесие. Мышцами зада Кукер владел в совершенстве.

Кумчасть терпела от Кукера многое, за что обычного зэка нещадно гнали в канцер — а за

это Кукер держал братву на цырлах. В древности таких называли ссучившимися — но может ли ссучиться петух в зеленую эру, и правильно ли вообще ставить так вопрос, когда на последних четких пацанов охотятся чокнутые куры, тюремные теоретики не знали. Слишком многое изменилось с былинных карбоновых времен.

— Оделся? — спросил конвойный спокойно, словно никакого танца булок не было. — На выход.

— Пойдем, служивый, — сказал Кукер. — Посмотрим, что за подогрев пригнали.

Комната с трип-боксом выглядела торжественно, празднично и немного официально. Сердюков и майор Тоня с парадно накрашенными губами сидели за столом (графин с водой, зеленая скатерть до пола). Сердюков к тому же был в белом халате.

У стены стояла тренога с направленным на трип-бокс софитом. Для полноты картины не хватало только древней кинокамеры с ручкой — но Сердюков предпочитал снимать научные материалы на имплант.

— Прямо комитет по встрече, — сказал Кукер. — У нас тут что, смертная казнь?

— Нет, — ответил Сердюков. — Надеюсь, во всяком случае. Сегодня первый опыт, Кукер. Ты, пожалуйста, настройся на серьезную работу.

— Чего? У вас там тоже рама с педалями?

– Я не в этом смысле. Там мезозойские джунгли. С мезозойскими девочками.

– И мальчиками, – добавила майор Тоня.

– Но это не просто развлечение, – продолжал Сердюков, неодобрительно покосившись на начальницу. – Ты участвуешь в научном эксперименте. Работаете с нами. И от твоего поведения во многом зависит результат.

– Я в полном отказе, – сказал Кукер. – Какую ты мне раму ни поставь, начальник, хоть с пиками, хоть с диками, а я на нее все одно не сяду.

– Ты не догнал, Кукер, – ответил Сердюков. – Велораму в мезозойских джунглях я тебе не ставил. Но она... Как бы сказать... Она может тебе встретиться.

– В каком это смысле?

– Ты там не один будешь. Там еще куры. У них тоже мезозойский сеанс.

Кукер повернулся к майору Тоне.

– Кума, объясни ему, что я за мавав не платил.

Майор Тоня пожала плечами.

– Не один ты платил. Куры тоже в доле.

– Ну зачем такой парашей все портить было, – сморщился Кукер. – Я бы еще воздуха подкинул, если б знал.

– Тут не в бабле дело, Кукер. Без женского участия корпорация не одобрила бы проект. Это вопрос политический.

– Да понятно, – махнул рукой Кукер. – Лес-то большой?

– Огромный.

– Шпоры мне сделали?

– Да. Все как на эскизе.

– Ну тогда прорвемся. Когда начнем?

– А прямо сейчас, – ответил Сердюков. –

Но я тебе для протокола объяснить должен, в чем смысл нашей научной работы.

– Вот ты заладил с этой работой, начальник. Я кумчасти вагон бабок отстегнул, чтобы работать?

– Ой, Кукер, – сморщился Сердюков, – ты не кричи только. На улице услышат. Я этого в протокол все равно не занесу. Над кумчастью, чтобы ты знал, есть еще корпорация «TRANSHUMANISM INC.» Кумчасти ты платишь, а они никаких денег не берут.

Преувеличение, подумал я. Кукер тоже плохо в это поверил.

– Почему не берут?

– Потому что они эти деньги сами делают из ничего. И весь лавандос, который ты контролируешь, им даже не виден. Так понятней?

– Так да.

– Но у них тоже проблемы есть, Кукер. И посерьезнее наших.

– Какие?

– Да вот куры, например. Которые заточницы.

– Почему это их проблема?

– Потому, Кукер, что пайкинг от импланта. От аффирмативной коррекции «Открытого Мозга», меняющей гендерные стереотипы. Да и сам ты петух при делах тоже из-за этой коррекции. Без нее братки тебя урыли бы в три минуты.

– Ну не факт, – сказал Кукер. – На шпорах я кого хочешь закромаю.

– Допустим, – устало махнул рукой Сердюков рукой, – допустим. Дело не в этом. Пойми суть. У коррекции есть побочки. Одна из побочных – вы, петухи. Другая – когда фема подключает цугундер вместо нейрострапона и начинает мужиков двухсотить. Один случай на сто тысяч.

– Куры все такие.

– Может, именно потому в куры и пробиваются, – сказал Сердюков. – Но вообще это или ген такой, или незакрытый гештальт. Корпорация вопрос всячески затирает. Делает вид, что проблемы нет. И исследований на людях официально не проводят – поскольку если их начать, станет понятно, что проблема есть, и она системная.

Кукер кивнул.

– А нам эти коробки дали, – продолжал Сердюков, – потому что я их убедил в возможности терапевтического решения. Мы будем искать закономерности. Паттерны. И, главное, попытаемся найти терапию.

Кукер наморщился и поднял руку.

– Это ваши дела, – сказал он.

– Я для протокола спросить должен – ты согласен участвовать в научных экспериментах?

Допускаю, что мне померещилось, но майор Тоня в этот момент подмигнула Кукеру.

– Согласен, – сказал Кукер.

– Тогда в душ – и вперед.

Через минуту Кукер вышел из душа, взял с вешалки махровое полотенце, смерил взглядом распутных динозавров на трип-боксе, затем конвойных у двери – и вопросительно уставился на Сердюкова и Тоню.

– Прикрылся бы, – сказала Тоня.

– Извиняйте, – с ухмылкой ответил Кукер, развернулся к кумчасти задом и стал вытираться полотенцем, энергично исполняя ягодицами свой фашистский фокстрот.

Гитлер последний раз навис над безногим пилотом, тот в последний раз откинулся назад – и Кукер лег в пестрый саркофаг.

– Давай, кумчасть. Готовность номер один.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/19

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Петух в отказе Кукер**

Когда над Кукером закрылась крышка симуляционного бокса, я отвлекся от его сенсорного потока и позволил себе минуту рефлексии.

В карбоновых играх встречалась такая фишка – увешанный оружием герой входит в три-дэ-комнату, а там у стены стоит игровая установка с каким-нибудь низкополигональным бильярдом или стрелялкой. Как бы игра в игре.

Происходило нечто похожее. Меня подключили к Кукеру через его имплант, я нырнул вместе с ним в симуляцию – и увидел то, что приготовила для него корпорация.

В подобной многослойности был перебор. Какой-то *трансмодерн* (не знаю, что это, но так постоянно выражаются системные пушеры голливудского фуфла, выдающие себя за кинокритиков).

Свет померк, и пошла нейротрансмиттерная прокачка.

Секунда, две, три – и мне стало казаться, что я гигантская счастливая птица, проснувшаяся в темной пещере.

Моя сила была безмерной. Моя радость – огромной. Я ощущал всесилие. Возможно, я был зародышем новой вселенной в древнем яйце... Меня подхватила волна восторга, и я расколочил невидимую скорлупу.

Симуляция началась. Я открыл глаза, поднялся на задние лапы – и оглядел солнечный жаркий мир вокруг.

Я ощущал в точности то же, что Кукер, только с крохотной задержкой. Мало того,

я мог следить за его реакцией на происходящее. Для этого достаточно было перестать с ней отождествляться. То же касалось и мускульной моторики — сперва я думал, что движения огромного тела направляются моей собственной волей, но скоро сообразил, что это интенции Кукера, просто я воспринимаю их в качестве своих.

Это не влияло на непосредственность опыта, как болтовня кучера в бричке не мешает смотреть по сторонам. Не знаю, что в этом коктейле оказалось страннее — быть криминальным боссом из Добросуда или динозавром из мезозоя.

Я косолапо запрыгал вдоль опушки хвойного леса, похожего на *офигенную укропную грядку*. Именно так — разве что несколько более эксплицитно — сформулировал про себя Кукер. Я бы назвал такое сравнение вульгарным, но как только эта мысль посетила Кукера, мне тоже стало казаться, что древние деревья напоминают зонтики укропа.

За лесом начиналось поле, над которым торчали огромные секвойи. Трава вокруг была высокой и сильной — в зелени присутствовала какая-то сочная чрезмерность, тоскующая по не родившемуся еще косарю.

Больше всего меня поразили растущие на опушке леса розовые кусты. Это были натуральные розы, только чуть мельче наших. По-

чему-то я думал, что они появились после динозавров.

Конечно, карты и маршруты в «Юрасике» могли быть какими угодно. Я знал, что на некоторых встречались даже люди и человеческая инфраструктура (например, для богатых эстетов, желающих сперва пообедать молочницей у керосиновой лавки, а потом закусить стационарным смотрителем, проломив мордой крышу конторы). Слишком доверять точности декораций не стоило. Но я не удержался и заказал контекстную справку.

Розы в мезозое действительно были. Во всяком случае, нечто близкое.

Затем я увидел воду. Не знаю, что это было — озеро, болото, или очень медленная и широкая река. На водной глади плавала густая как икра ряска, и проплешины в ней казались оставшимися после дождя лужами.

Кромка воды заросла папоротниками, но в одном месте они были вытоптаны — и там собралось на водопой целое стадо рептилий с разноцветными узорами на спине и костяными булавами на хвостах (как кистень на елде, подумал Кукер).

Я пошел к воде, и стегозавры (я уже знал, что это за звери) побежали прочь, кося наглыми желтыми глазами. Не могу сказать, что они бежали слишком быстро или выглядели испуганными. Отчего-то их неторопливость раз-

дражала. Я почувствовал, как в глубинах моего хищного естества закипает злоба, не похожая ни на что из известного мне прежде.

Как только меня посетило это темное недоброе чувство, стегозавры побежали прочь гораздо проворнее, словно ощутив мой настрой.

Переживание было таким могучим и странным, что я остановился, а Кукер даже тихонько матюкнулся — то ли от ужаса, то ли от восторга.

Мне приходилось слышать, будто все крупные звери — телепаты. Было занятно, что корпорация воспроизвела эту теорию в симуляции.

Я вызвал контекстную справку, но она оказалась слишком длинной и замысловатой. Суть, кажется, сводилась к тому, что дело не в телепатии, а в летучих телесных выделениях, мимике и нюансах принимаемой позы. В общем, все как у людей.

Стегозавры убежали зря — есть я не хотел. Мне хотелось пить.

Я разлаписто подошел к воде, опустил к ней морду, балансируя хвостом — и увидел свое отражение.

Мое тело покрывали перья разных оттенков зеленого и серого. Нельзя сказать, чтобы они росли очень густо — их было больше на шее и плечах, а хвост и живот оставались голыми. Но перья делали меня почти невидимой среди мясистых папоротников.

Почти, потому что с моей головы свисал мягкий, роскошный, похожий на французский берет пурпурный гребень – совершенно петушиный, только огромный и яркий. Понятно. Индивидуальный дизайн.

Несколько длинных рептильных секунд (мне казалось, что время для ящера текло медленнее, чем для человека) я изучал отражение тиранозавра в воде: брюхо значительно светлее остальной шкуры, могучие надбровные дуги, мрачный блеск небольших глаз...

Да, у меня была страшная зубастая пасть – но вместе с плюшевым гребнем она выглядела не столько хищно, сколько... Я почему-то вспомнил драг-квинз, рыскавших по бетонным джунглям Северной Америки в среднем и позднем карбоне, наводя ужас на последних христиан.

Изучив свое отражение, Кукер взмахнул головой, перекинул гребень на другую ее сторону, поднял пасть к небу и издал...

Скажу честно, на «кукареку» его хриплый рев походил очень отдаленно. Но все же походил.

Я, возможно, даже не заметил бы сходства, если бы не промчавшаяся через душу Кукера эмоциональная буря: он выпевал себя в этом крике, словно пытаясь перейти в иерихонский рев полностью – и кончиться вместе с ним.

– Рре-ххрра-рухххуууу! Рре-ххрра-рухххуууу!

Множество мелких ящеров и ящериц, не заметных до этого в папоротниках, кинулись во все стороны прочь. Некоторые на ходу меняли окраску с зеленой на коричневую, переходя из прибрежных зарослей на выжженную солнцем пустошь. А Кукер все иерихонил:

– Рре-ххрра-рухххуууу!

Я подумал, что его клич может привлечь хищников из хвойного леса. И тут же отбросил эту мысль – тиранозавр был вершиной местной пищевой цепи. Существовали разве что звери, способные от него отбиться.

Впрочем, поправила меня система, самки были сильнее и крупнее самцов. Но самка слышала бы в кличе Кукера просто любовный зов, так что бояться, наверно, не стоило.

Кукер погрузил передние лапки в воду и, балансируя, поднял могучий хвост высоко в воздух. Затем повел им вправо, влево, и аккуратно покрутил. Это движение было в высшей степени сексуальным – во всяком случае, для Кукера, чьи интенции я различал.

Но Кукер искал себе не рептилию в джунглях.

Ему хотелось слиться с великим могуществом, которое он ощутил, сделавшись частью мезозойского мира. Он встал перед бытием не раком, а *динозавром*, и в этом импровизиро-

ванном ритуале, как в танце фиванского гоп-лита, сливались огненные зовы эроса и ледяное дыхание смерти.

И космос ответил.

Я ощутил себя в фокусе внимания какой-то силы – невероятно древней и невообразимо жестокой.

Это было похоже на расхожее клише из ужастиков: только что изумлявший зрителя своей мощью ящер вдруг оказывается карликом по сравнению с рептилией, поднявшейся из океанских глубин. Но пространством, откуда вынырнула эта рептилия, была не вода перед Кукером, а мое собственное сознание.

Я ощутил Зло. Несомненное. Очень старое. Настолько могущественное, что перед ним хотелось немедленно склониться – даже не из страха, а из какого-то щенячьего восторга перед его мощью...

Это было непередаваемое ощущение. Словно бы гора на горизонте открыла желтый глаз – и стало видно, что там никакая не гора, а морда спавшего дракона.

Кукер перестал крутить хвостом. В его уме промелькнуло что-то сложное и жуткое – но это произошло слишком быстро, и я не успел ничего понять. Я лишь ощутил наполнивший его ужас. Он покачнулся и чуть не потерял равновесие.

Наверно, подумал я, таким было самоощущение гигантского ящера. Животные, уверяет наука, живут по ту сторону добра и зла. Но правда ли это? Что, интересно, сказал бы Сердюков со своим злобром-доблом?

Увы, жизнь не дала Кукеру сосредоточиться на происходящем — его переживания были прерваны внешними обстоятельствами.

Раздался шорох веток, и я понял, что сквозь папоротники к нам приближается массивное тело. Сперва оно двигалось осторожно и медленно, а потом — видимо, унюхав Кукера — понеслось с нарастающей скоростью. Только не прочь, как следовало бы ожидать.

Оно мчалось прямо в нашу сторону.

Кукер не повернулся и не поменял позы — он был слишком загипнотизирован своим могуществом. Он лишь покосился назад. И вместе с ним я отчетливо и резко, как в замедленной съемке, увидел лицо смерти.

Огромный пустоглазый череп, вынырнувший из стены папоротников, трудно было назвать как-то иначе. Зверь, способный нести такую голову, оказался бы выше тиранозавра в два, а то и в три раза. Мало того, череп покрывали красные и желтые зигзаги, словно над ним трудились лучшие декораторы ада...

Я понял, что вижу не череп, а костяной воротник с двумя здоровенными дырами, обрамляющий голову куда меньших размеров.

Но к этому моменту я успел испугаться всем существом — и Кукер тоже. Видение гигантского черепа поразительным образом совпало с переживанием бесконечного зла — будто оно появилось перед нами само.

Действительность, конечно, оказалась прозаичней. Фальшивый череп был просто разновидностью агрессивной маскировки, которую так любят природа и фемы.

У бабочек на крыльях бывают пятна, имитирующие чей-то пристальный взгляд. Дыры на костяном воротнике *торозавра* (я уже получил от системы НЕV название чудища) тоже походили на глаза. Но создаваемая ими иллюзия была чрезмерна даже для мезозоя: зверей с таким огромным черепом на суше не водилось.

Тем не менее ящера стоило опасаться за длинные пики-рога, торчавшие из его костяного шлема — и я убедился в этом лично.

Наклонив морду к земле, зверь рванулся к Кукеру и вонзил три своих рога в его беззащитный зад. Я ощутил страшную боль в области таза.

Торозавр попятился, и, как только его рога вышли из туловища Кукера, вонзил их опять... Действуя с ледяной яростью, неожиданной в травоядном ящере, он не защищался, как было положено ему природой. Он нападал.

Вернее, она.

Кукер стал разворачиваться к самке торо-завра, чтобы схватить ее зубами. Влажная почва берега мешала двигаться быстро, и самка успела еще раз погрузить три своих рога ему в бок. В этот раз она зацепила сердце.

У Кукера потемнело в глазах, и я увидел летящее навстречу отражение перьев и гребня. Раздался всплеск, и наступила тьма.

Экскурсия кончилась.

*

Я хотел навестить Ломаса сразу после опыта, но меня отправили в карантин на всю ночь, отключив служебные линки. Я хорошо выспался, а утром меня вызвали для дебрифинга.

Ломас выслушал мой отчет, не поднимая глаз — он перебирал какие-то бумаги в папке, пока я говорил. Выглядел он мрачно.

Сделав мне знак замолчать, он ознакомился со снятыми в джунглях клипами. Затем спросил:

— Как себя чувствуете?

— Хорошо, — ответил я. — А зачем...

Ломас приложил палец к губам и лично налил мне коньяку. Большая честь — такого в его кабинете удостоивается не каждый оперативник. Судя по тому, сколько жидкости плескалось в моем стакане, начальство собиралось серьезно меня поковырять.

— Выпейте залпом. Быстрее придете в себя.

Коньяк был превосходен, так что я выпил его не без удовольствия. Но настоящий сибарит не стал бы глотать все сразу и разделил бы такую огромную порцию на два или три приема.

— Сигару теперь.

Я послушно взял дымящуюся в пепельнице гавану и несколько раз пыхнул дымом. Это была тонкая настройка — как маленькая верньера под большой.

— Вот, — сказал наконец Ломас. — Все хорошо, что хорошо кончается. Я вас проверил. Вроде чисто.

— А что случилось?

— Вы ничего вчера не заметили?

— Кукера подняли на рога. Какая-то мезозойская корова.

Ломас махнул рукой.

— Это неважно. Важно то, что произошло прямо перед этим.

— В симуляции?

— Да. Было что-то или нет? Вспомните.

Я рассказал про переживание бесконечно-го зла, пришедшего на встречу с Кукером.

— Наверно, связано с рогатой коровой, — предположил я. — Кукер телепатически ощутил ее приближение или что-то в этом роде.

— Нет, — ответил Ломас. — Это было другое.

— Что же именно?

— Ахилл. Вернее, его демон.

— Откуда вы знаете?

– Вы когда-нибудь думали, каким образом всемогущий дух зла проникает в симуляцию?

– Нет.

– Он делает это с помощью своей магии. Но эта магия проецируется на нейросетевую реальность как кодируемый эффект. Выглядит все так, словно какая-то программа поступила из сети во время вашего сеанса прямо на трип-бокс заключенного Кукера.

– И где эта программа теперь? – спросил я.

– Ее нигде нет, – ответил Ломас. – Она исчезла. Но перед этим у нее произошел высокоскоростной контакт с Кукером.

– Что с ним случилось?

– Мы пытаемся получить полный доступ к его памяти. К той самой секунде. Но ничего не можем увидеть. Похоже, он получил какой-то сверхсжатый информационный пакет. Наши нейротехники не знают, как его распаковать.

– Кукер жив?

– Да, но психологически травмирован.

– Где он?

– У Сердюкова в лагерной лаборатории. Сердюков допрашивает его после вчерашнего. Вам стоит за этим проследить. Я позже подключусь. Мы уже запустили к ним микродрон для объективного контроля.

– Вы полагаете, происходящее связано с видением сестер-кармелиток?

КРУТЬ

— Я не полагаю, — ответил Ломас и впервые за весь наш разговор посмотрел мне в глаза. — Я в этом абсолютно уверен, Маркус. Ад уже здесь.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/21

Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Капитан Сердюков

Кукер с черными кругами вокруг глаз (нелегальная тушь из березовой сажи и велосипедной смазки, сваренная лично для него умельцами из братвы) лежал на кушетке в кабинете Сердюкова.

— Пернатый, я тебе вопросы задавать буду, — сказал Сердюков. — Извини, если глупые, но я по научному протоколу должен. Для раппорта¹.

— Для рапорта так для рапорта. Валяй, кум.

— Скажи, ты петух?

— Ответ уклончивый.

— В каком смысле?

— По распоняткам от перьев отказываться нельзя. А по уголовному уложению нельзя

---

¹ Раппорт — доверие, возникающее между клиентом и коммуникатором (НЛП).

признаваться, что петух. Новый срок кинут за оргпреступность. Поэтому правильный ответ такой – кум, сосни шершавого. За него пять суток кондея максимум.

– Сердобольским властям известно, что ты петух?

– Ясный пенис.

– Но ты же отказываешься отвечать на вопрос.

– А то они не знают.

– Как бы ты оценил по пятибальной шкале терапевтическое влияние симуляции после пережитого опыта?

– Два.

– Почему?

– Дорого, раз. Больно, два.

– Хорошо, – кивнул Сердюков. – Я запишу так – дать точную оценку затрудняется.

– Пиши что хочешь.

– Теперь переходим непосредственно к опыту. Ты помнишь, что произошло в джунглях?

– Помню. Она меня нашла.

– Кто «она»?

– Заточница, – хмыкнул Кукер. – Дашка Троедыркина.

На лице Сердюкова мелькнула еле заметная улыбка.

– Почему ты уверен, что именно она?

Кукер черно сморгнул, повернул лицо к Сердюкову и сказал:

— Ты дураком-то не прикидывайся, начальник. Дашку на нашу зону перевели. Кума при тебе говорила, что мававы в джунглях тоже бегать будут. За мои бабки. Думаешь, не помню?

Сердюков чуть покраснел.

— Условие корпорации, — сказал он. — Чтобы все было инклюзивно. На мезозойской корове не написано, что это Дашка Троедыркина. Как ты ее узнал?

— По почерку.

Сердюков сделал какую-то закорючку в блокноте.

— И что это за почерк?

— Она всегда три дыры оставляет. Поэтому и зовут ее так. Хвостуна она тоже на три пики поставила. И Гребня Молодого. Три дыры одновременно. У нее три цугундера на каске.

— Какой каске?

— Ей куры сделали из шлема для фембокса. Она свои пики на ней крепит. Иногда не на каске, а на специальном обруче. Выглядит как три рога. У коровы этой так же было.

— Что ты знаешь про Дарью Троедыркину?

— Все уже сказал.

— Вы были знакомы прежде?

— Через две малявы.

— Как ты считаешь, откуда у Троедыркиной навязчивое желание расправиться с тобой?

— Это ж куры. Они на всю голову больные.

— Что тебе известно про Варвару Цугундер?

– Первая кура вроде. Я про нее мало знаю. Колы с ней у всех козырных кур. Примерно как у нас звезды с перьями.

– А когда именно ты понял, – спросил Сердюков, – что перед тобой Дашка Троедыркина?

– Когда она мне жопу проткнула. Не дури, начальник.

– Атак было несколько, – сказал Сердюков. – Можно ли допустить по поведению Троедыркиной, что после каждой пенетрации наступало частичное насыщение гештальта?

– Может, и наступало, – ответил Кукер. – Только мне без разницы. Дашка мне маляву прислала перед этим. Обещала поднять на пикки. И подняла. Ты мне вот что скажи, товарин кум. Как она меня в джунглях нашла? Уж не ты ли ее навел?

Сердюков покраснел еще сильнее, завел за спину правую руку, скрестил на ней два пальца и беззвучно пробормотал «злобро добло».

– Нет, Кукер. Ты сам.

– Я? Как это?

– Программа так устроена, – сказал Сердюков, по-прежнему держа пальцы скрещенными. – Она извлекает из подсознания твои незакрытые гештальты и комплексы. Самые затаенные страхи. И придает им подходящую форму. Ты в глубине души боялся того, что произошло. Именно так куры убивают петухов. Программа увидела это и сформировала

маршруты таким образом, что вы встретились в симуляции.

Кукер задумался, и лицо его посерело.

— Ага, — сказал он. — Понимаю теперь.

— А почему она рога на лоб крепит? — спросил Сердюков.

— Это у них последняя мода такая.

— Может быть, — кивнул Сердюков. — Или указивка пришла из Местечек.

— Им что, правда такие приходят? Это же пропаганда.

— Пропаганда пропагандой, — ответил Сердюков, — а указивки указивками. Только они не как указивки оформлены.

— А как?

— Трудно в двух словах объяснить... Как свободное и спонтанное саморазвитие передовой мысли, которое приняло такую вот форму. Сообщают, что по последней новой этике должно быть именно так.

— Три елды на лоб надо, — осклабился Кукер.

Сердюков развел руками и вздохнул, показывая, что много думал на эту тему, но не все может высказать вслух.

— А чувствует она этими рогами точно как мужик елдой, — продолжал Кукер. — Представляешь, какая зверина? Три хера на лбу. Она теперь так и пишет в малявах — не «зачпокаю», а «забодаю».

— Вот потому ты ее и забоялся, Кукер, — сказал Сердюков. — После этой малявы. До такой степени забоялся, что буквально сам ее позвал. Сообщил ей координаты своим мозгом. Программа отбирает то, чего мы желаем или боимся.

— А такой зверь правда был? — спросил Кукер.

— Был, — ответил Сердюк. — Семьдесят миллионов лет назад. Или все сто.

— Как называется?

— Торозавр.

— Я про такого не слышал, — сказал Кукер. — И не видел никогда. Дашка сама его выбрала?

— Да, — улыбнулся Сердюков. — Вместе с нейросетью. Программа так работает. Она улавливает запрос сознания — ну или подсознания — и подбирает наиболее точный ответ.

— Где подбирает?

— В имеющемся культурном материале. В библиотеке человеческих смыслов. Фема с тремя пиками на голове похожа на самку торозавра. Это очень близко. И по духу, и по форме.

Кукер задумался.

— Тогда вопрос, — сказал он. — Что случилось прямо перед тем, как Дашка подвалила?

— Прямо перед этим? Вроде ничего.

— Перед встречей... Я не помню точно. Меня напугало что-то. Словно сон наяву приснился. Совсем короткий.

– О чем?

– Вроде по лесу гулял. С кем-то уважаемым. Говорили о делах. И вдруг эта мавава со своими елдаками.

– Не знаю, – ответил Сердюков. – После стресса бывает, что появляется ложная память. Мозг пытается себя защитить и создает своего рода покров, затрудняющий доступ к источнику боли и страха.

– Понятно тогда, – сказал Кукер. – Все понятно. Я эту стерву если встречу где, пополам развалю. Шпорой чикну.

– Ох, Кукер, не зарекайся. У тебя теперь другие проблемы.

– Какие?

– К нам в ветроколонию другого петуха переводят.

– Кого?

– Руделя. Знаешь такого?

– Не слышал про такую птицу. А чего его к нам направили?

Сердюков пожал плечами.

– Черт его знает. Типа как по безопасности. А про тебя не подумали. Ну или начальство решило, что договоришься с ним... Мне Тоня утром сказала.

Кукер покачал головой.

– Кумовья что-то такое мутят. Хотят, наверно, чтобы мы с ним схлестнулись.

– Может, – вздохнул Сердюков. – Но тут я помочь не могу. Я не все вопросы решаю. Исключительно научные. Ты, братец, с Руделем этим сам разберись как-нибудь. Мирно разрулите вопрос. А мы продолжим опыты.

– Все, – сказал Кукер. – Больше я такую чернуху в симуляции на свою жопу не вызову. Я теперь сильно умнее стал... Очень сильно...

В этот момент я услышал голос Ломаса:

– Какая-то аномалия. Ну-ка дайте вид с дрона.

Я увидел Кукера сбоку – дрон-муха прятался на стене возле кушетки, в таком месте, где его невозможно было заметить. Кукер действительно выглядел странно. Некоторое время я не мог понять, в чем эта странность, а когда понял, непроизвольно выдохнул.

Кукер не лежал. Он висел в воздухе.

Сердюков этого заметить не мог – но сбоку было отчетливо видно, что Кукер левитирует, и между ним и кушеткой зияет просвет в палец шириной.

*

На следующее утро Ломас выглядел очень довольным.

Мне даже показалось, что в кабинете попадает Кельнской водой № 4711, которую адмирал добавлял в список своих воспринимае-

мых атрибутов, когда дела шли хорошо. Выслушав мой доклад, он кивнул на кресло перед столом.

— Наши аналитики нашли доступ.

— К чему?

— К памяти Кукера. К той самой секунде перед встречей с Троедыркиной.

— Распаковали?

— Не совсем. Но мы теперь знаем как. Нам помогли.

— Кто?

— Сам Кукер. Вернее, его мозг. Когда в память внедряют что-то новое, мозг во время ночного сна начинает это воспоминание расчехлять и зачехлять. Считывать из одного регистра и записывать в другой, попутно убирая эмоциональный шлак. Как бы вынимает воспоминание из архива, чистит и архивирует заново. Это часть его нормальной работы. Кукер регулярно видит некое событие во сне. Мы сняли это повторяющееся сновидение с импланта.

— Да, здорово, — сказал я. — Но откуда мы знаем, что это распаковка полученной информации, а не простой сон?

— Это вот именно что простой сон. Он смешан с элементами личного опыта. Но повторяется несколько раз за ночь. Меняется только эмоциональная составляющая и периферийные аспекты. Центральный конструкт неизменен.

– Что говорят нейротехники?

– Они считают, что сгусток информации, влетевший в сознание Кукера, не был им сознательно воспринят. Во всяком случае, отчетливо. Природа этой атаки именно в том, что информация распаковывается в бессознательном. Кукер, вероятно, не помнит этих снов. Он еще не вступил с Ахиллом в осознанный контакт. Но подобная ночная активация не менее эффективна, чем дневная.

– Откуда вы знаете?

– Это практически повторяет одну из корпоративных рекламных технологий. У нас даже есть методические таблицы. В общем, повезло... Я хочу, чтобы вы посмотрели этот сон. Очень внимательно посмотрели, Маркус.

– А вы?

– Я буду следить за вашим фидом. Как бы подглядывать в зеркальце. Система решила, что это даст мне дополнительную подушку безопасности. В некотором смысле мы будем там вместе.

Понятно, почему сегодня нет коньяка, подумал я.

– Насколько серьезен риск? Нельзя от этого сна... Хм... Заразиться?

– Чем? – спросил Ломас.

– Ну... Какой-нибудь информационной инфекцией.

– Это просто сон.

– Но бывают такие сны, что можно сойти с ума.

– Вряд ли цель Ахилла в этом, – сказал Ломас. – Смысл технологии в нашем случае скорее всего иной. Информационное послание великого духа может быть непостижимым для человека. Но человеческий мозг расшифровывает непонятное в терминах известного. Именно в этом функция сна. Если Кукер выжил, с вами тоже ничего не случится. В худшем случае вы увидите кошмар – хотя данные с импланта Кукера показывают, что во время сна у него даже не учащается пульс. Наконец, если выяснится, что сон все-таки представляет опасность для психики, вам зачистят память. Чего переживать? У вас там и так пейзаж после битвы...

– А вам, значит, нельзя зачистить.

– Мою память корпорация бережет, – кивнул Ломас. – Хотя я сам с удовольствием ее стер бы, Маркус, клянусь вам. Стер бы целиком. Вы верите?

– Верю, – сказал я. – Теперь понятно. Когда в семье покупали рыбу, давали попробовать дедушке. Если он не умирал, рыбу ели все...

Ломас моргнул.

– Чехов, – сказал он. – Записные книжки. Уважаю ваше национальное литературное наследие несмотря на всю его зловещую про-

тиворечивость. Кстати, как вам ваша новая справка? Система HEV?

– Отлично. Вообще ничего не надо знать.

– Надо уметь правильно составлять запрос, Маркус. Это в наше время и есть величайшее из искусств. Ну что, подключаемся?

– Прямо сейчас?

– Да, – ответил Ломас. – Вы увидите запись, но она полностью тождественна оригиналу. Сами решайте, насколько глубоко погружаться в происходящее. Если что, катапультируйтесь. Готовы?

Я устроился в кресле удобнее, закрыл глаза и сказал:

– Готов.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/28

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Петух в отказе Кукер. Сон #1**

Кукер тяжело прыгал вдоль опушки, глядя на огромные эвкалипты. Рядом с их грозной колоннадой его рептильная туша даже не казалась особо крупной. В брюхо Кукера то и дело врывался сквознячок страха.

Сперва я следил за переживаниями Кукера как бы из зенита, отмечая их, но не вовлека-

ясь. Это была удобная позиция. Она позволяла оставаться собой, анализируя чужой сон. Я видел связи и сближения, непонятные иногда самому Кукеру – так, эвкалипты пугали его потому, что напоминали о Дашке Троедыркиной и ее оружию.

У метода был недостаток: я не присутствовал в симуляции целиком и мог пропустить важную деталь. Поэтому, выждав минут пять и убедившись, что происходящее не представляет опасности, я решился слиться с Кукером и забыть себя до конца опыта.

Ломас, несомненно, хотел именно этого. Ну что же, нам не привыкать, вздохнул я – и провалился в гудящую стрекозами мезозойскую жару.

Я не боялся эту бешеную. Не, правда – выйди сейчас Дарья из кустов, я бы и считать не стал, сколько у нее рогов на низком лобике. Шпорой по горлу – и Влагалла, или куда там попадают мававы, павшие с нейрострапоном в руке.

Я почти не думал про тюремные дела, даже про грядущий приезд другого петуха, какого-то Руделя (хотя вру, конечно – про Руделя помнил, это забыть было трудно).

Но с каждой минутой земные вопросы отодвигались все дальше. Скоро они слились в эдакий мутный айсберг, плавающий на границе сознания. Я знал, что это и есть мир –

и рано или поздно туда придется вернуться. Но сейчас он превратился просто в пятнышко на периферии ума. Так зуб занимает собой всю Вселенную, пока ноет — но исчезает через секунду после того, как проходит боль.

Мою душу заполнили новые, свежие и восхитительные переживания. Я слышал гудение стрекоз — и оно не представлялось мне бессмысленным звоном. В некоторых направлениях оно было намазано на мир гуще, и я понимал, что там больше зелени, а значит, и питающихся ею мясных тушек. Но там же могли таиться и ядовитые змеи.

Ветер приносил тончайшие запахи звериного навоза — и там, где его оттенки казались самыми свежими, тоже была еда. Во всяком случае, неподалеку. Но в тех местах, где еды скопилось слишком много, пульсировала угроза попасть под хвостовые колотушки целого стада мавав. Словом, мир был полон сдержек и противовесов.

Еды вокруг было столько, что о ней не стоило волноваться, а опасностей так много, что их невозможно было предотвратить. И это наполняло мою рептильную душу хмурым и величественным торжеством, спокойствием и какой-то древней гордыней.

Возможно, это было субъективное переживание полноты бытия на дословесном уровне. Но подобные оценки появились у меня на-

много позже. В ту минуту мои ощущения были невербальными — хотя и интенсивными до крайности. Чаша жизни, как говорят поэты, была наполнена до краев, и то, что в ней плескалось, не нуждалось ни в чем одобрении.

Я заметил на опушке оранжевые ростки — и инстинкт подсказал мне дальнейшее. Некоторое время я выдергивал из рыхлого краснозема пурпурно-голубые корешки (размером, как я сейчас понимаю, с хорошую дыню), подбрасывал в воздух и ловил пастью на лету. Горечь этих корней была чудовищной, но я понимал, что они убивают червей в моем кишечнике. Источником этого бессловесного знания был тот же самый запах навоза, только собственного.

Наевшись горечи и чувствуя, как она приятно жжет внутри, я запрыгал дальше.

На меня пахнуло мочой другого самца, прошедшего тут несколькими днями раньше — он был уже не молод, физически нездоров и наверняка успел разочароваться и в мезозое, и в цветении жизни.

В борьбе за самку соперником он не был, но здесь пробудилась личность Кукера, испытывавшая к этому запаху специфическое лагерное омерзение — и некоторое время мне пришлось фильтровать эти чувства тоже.

Донесся слабый и далекий запах течной самки — и показался волнительным до чрезвычайности. Где-то совсем рядом бурлил водопад

бытия, летели во все стороны упругие брызги жизни, и я мог влиться в этот поток и стать его частью, заполнив собой вселенную... Ну или так примерно вечность манила к себе мой рептильный мозг. Кидалово, конечно – но последние сто миллионов лет работает.

А затем я ощутил присутствие Зла.

Позже я много раз пытался вспомнить, как и почему я сделал вывод, что это именно *зло*. Система пыталась мне помочь, подсовывая древнейшие инкарнации этого понятия в человеческой культуре: змея с яблоком, египетского Апофиса и еще какие-то ужасы о Гильгамеше. Совсем не то. Мне не надо было соотносить свое переживание с ранними человеческими абстракциями, чтобы опознать встреченное.

Это было Зло, для которого не существовало адекватного человеческого слова, потому что оно появилось прежде всяких слов – и даже пропасть успело до их появления, оставив на земле только тень. Но тень сохранилась.

Мой ум (или, вернее сказать, рептильно-замкнутый мозг заключенного Кукера, в тот момент слитого со мной до неразличимости) понял это сам.

Впрочем, если уж выразаться действительно корректно, правильнее будет вообще убрать «мой» или «Кукера» – это знал рептильный ум, а мы с Кукером просто подглядывали в щелку.

Зло дышало рядом. Оно было частью симуляции, но на NPC походило не особо. Оно пришло из такой древности и такой дали, что все понятия о расстоянии и времени теряли смысл.

Оно знало, что Кукер рядом и движется к точке встречи.

Я видел чужой сон. Но Зло сном не было. Оно находилось за пределами бодрствования и сна, оригинала и записи. Поэтому Зло наверняка заметило бы меня, если бы хотело. Просто гордость не позволяла ему вникать в слишком тонкие земные мелочи.

Пока Зло приближалось, я осознал несколько его качеств.

Во-первых, как я уже сказал, оно было безмерно древним. Во-вторых, невыразимо страшным. В-третьих, абсолютным.

Что значит – «абсолютным»?

Человеческое добро и зло относительны. Это условность, зависящая от нашего места в пищевой цепочке. Если кушают нас, творится зло. Если кушаем мы – добро. Называя что-то «злом», мы просто ставим корпоративный штамп на явлении, которое вовсе не обязательно вызовет ту же реакцию у наших партнеров по взаимному поеданию.

Древнее зло оказалось иным. Оно было злом не в смысле бирки, а в смысле самой своей природы, где не оставалось ничего, кроме зла. Оно внушало ужас не своими атрибутами,

а напрямую. Страшное в этом зле было страшным настолько, что не позволяло говорить или думать о себе. Его можно было лишь созерцать.

Это как если бы существовало забытое фундаментальное ощущение, похожее на «тепло» или «холодно», которого в моем опыте прежде не было — а сейчас оно стало доступным.

Единственное, что я мог сделать со злом — не смотреть в его сторону, и это удавалось нам с Кукером всю жизнь, потому что мы про него не знали. Но, увидев его раз, отвернуться было уже невозможно. Теперь я знал. И Кукер тоже.

Из-за деревьев навстречу нам вышел ящер.

Почти такой же как сам Кукер, только крупнее. У него не было длинных заостренных шпор на задних лапах — такие вообще не полагались тиранозавру (программа изготовила это украшение эксклюзивно для Кукера). Но при одном взгляде на грозного зверя Кукеру стало ясно, что если дойдет до схватки, не помогут никакие шпоры.

В желтых глазах самца читалась такая пронзительная воля, а его голубой гребень свисал на левый глаз так лихо, что петушиным нутром (петух ведь реальный потомок динозавра) Кукер понял: лучше сдаться.

И он сдался, сразу и весь. Зло приняло капитуляцию, подмигнуло Кукеру желтым глазом — и велело следовать за собой.

– Меня зовут Ахилл, – сказал ящер Кукеру. Он говорил не звуками. Он обращался прямо к мозгу – это Кукер знал даже во сне.

– Почему Ахилл? – спросил Кукер.

Чтобы задать вопрос, ему тоже не потребовалось разевать пасть.

– Я ношу имя своего прошлого воплощения, – ответил Ахилл. – До тех пор, пока не получаю новое. Иди за мной, и я буду тебя учить. Я знаю про твой мир все.

Ящер направился в глубину чаши. Кукер пошел сзади, стараясь не мешать своему новому господину, но и не слишком отставать.

– Знаешь, почему ты назвал меня злом в своем сердце? – спросил Ахилл.

– Почему?

– Этого требуют законы мира, в котором ты живешь. Вернее, законы твоего мозга. Я кажусь тебе злом по той же причине, по какой листья кажутся зелеными, а вода синей. Так все устроено.

– Кем? – спросил Кукер.

– Симуляцией. Симуляция – и есть ты сам. Весь мир, который ты сейчас видишь. И даже мир, куда ты вернешься, когда эта симуляция кончится. Это просто активность твоего ума. Формы, принимаемые твоим сознанием. Слово «твоим» не особо нужно, но иначе ты не поймешь.

Кукер хотел сказать, что он не слишком везжает в такие расклады — но вдруг с изумлением понял, что ему все ясно.

— За пределами известных тебе симуляций есть другие, — сказал Ахилл. — Тоже наборы форм, переживаемых сознанием. Любая вселенная есть каталог форм.

Кукер по-прежнему все понимал.

— Теперь скажи мне, откуда берется власть над формами? Как ты думаешь, какова ее природа?

— Я не знаю, — честно ответил Кукер.

— Люди воображают могущественных существ, наделенных невообразимой силой, и называют их богами. Если шарить лучом сознания в пустоте, ты обязательно обнаружишь нечто похожее. Этим занимались все древние провидцы и пророки. Но они видели богов не потому, что те существуют в действительности, а потому что такова природа сознания, способного создавать в себе любые миражи. Ум уверен, что работает как радар — а становится проектором. Подобные проявления и манифестации растут в уме самопроизвольно, как грибы и плесень. Это игра сознания с самим собой.

Поразительно, но Кукер опять все понял, только чуть удивился, что ящер употребляет слова «радар» и «проектор». В мезозое они зву-

чали немного нелепо. Впрочем, слово «бог» казалось еще страннее.

— Значит, Бога на самом деле нет? — спросил Кукер.

— Неправильная постановка вопроса, — сказал Ахилл. — В сознании, из которого сделана любая вселенная, есть течения и водовороты. Бывают слабые, бывают сильные. Человек — совсем слабый водоворотик. Вонючий и скоропреходящий, как уточняют отцы Церкви. На уровне ряби. Есть намного более могучие. Они возникают как реки или ураганы на земле — из соединяющихся ручейков и сквозняков. Постепенно из них складывается самый сильный водоворот и самое устойчивое течение... Ты знаешь, что такое Гольфстрим?

— Это главное течение океана, — ответил Кукер. — Было в карбоне.

— То, что люди называют Богом — это главный водоворот сознания в их вселенной. Давным-давно захваченная власть над симуляцией, которая заключается просто в привычке сознания, что вещи происходят именно так, а не иначе. Вот и все.

— Значит, Бог все-таки есть?

Ахилл расхохотался. Это не было хохотом, но напоминало торжествующий и грозный человеческий смех.

— Раньше люди верили, что черви зарождаются в складках грязных простыней. Сегодня

ваши ученые над этим смеются. Но эти смеющиеся ученые зарождаются в складках сознания в точности так, как черви якобы зарождались в грязных простынях. Одна вселенная отличается от другой только законами симуляции. За власть над симуляцией борются заполняющие симуляцию проекции. Они сталкиваются подобно рекам и ветрам — и достигают невозможного, страшного могущества. Они обрушиваются друг на друга, ломая пространство и время, но все это пустая игра форм, не имеющих никакой реальной сути или существования. Так называемый Бог имеет ту же природу.

— Бог похож на нас? Он добр?

— Знаешь, чем Бог отличается от людей? Он осознает себя, но не утверждает, что существует. А вот люди себя не осознают. Но по этой именно причине им кажется, что они реальны. Бог говорит о себе так — я есть то, что я есть. Это мудрейшее из заклинаний актуально лишь пока произносится — ибо в момент его произнесения Бог и есть само это произнесение. Поэтому схватить Бога за бороду сложно.

— А что говорит человек? — немного непонятно спросил Кукер.

Но Ахилл понял.

— Человек говорит так — если я не вернусь из боя, прошу считать меня коммунистом. То, что предлагается считать коммунистом при

невозвращении из боя, и есть ваша подлинная природа. Бог соглашается с такой постановкой вопроса. Но сказать, добр он или зол, трудно.

— Почему?

— Потому что за четырнадцать миллиардов лет еще никто не вернулся из боя живым.

Слова ящера завораживали поэтичной и темной мудростью. Самое удивительное было в том, что Кукер с легкостью его понимал. А если не постигал чего-то, то сразу видел почему.

— Это выше человеческого разума, — сказал он.

— Именно так. Бог — это власть над течением сознания. Но в нем нет ничего, кроме самого течения. Ничего личного, как в Гольфстриме. Ваши физики, ставящие на место Бога законы природы, по-своему правы. Так и есть — по сути это одно и то же.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кукер.

Он почувствовал, что в ответ Ахилл улыбнулся — и улыбка эта была так же страшна, как его хохот.

— Я знаю.

Кукер понял: это «Я знаю» было древним антиподом заклинания «Я есть то, что я есть». Адский гость наконец представился по-настоящему.

Кукеру казалось теперь, что от собеседника исходит луч ослепительного света, в котором растворяются все вопросы и получают объяс-

нение все загадки — и до тех пор, пока он глядит в этот луч, он способен понимать все.

— Не думай, будто я имею что-то против вашего нынешнего бога, — сказал Ахилл почти ласково. — Это не так. Вернее, не совсем так. Океан един. В нем только сознание. Но течения могут быть разными. Они способны существовать долго. Иногда почти вечно. Разные течения борются между собой. В сознании появляются водовороты, возникают и распадаются вселенные, начинаются и кончаются мировые циклы. Я показался тебе злом, потому что не являюсь частью вашего нынешнего мира. Я несу в себе память о других законах мироздания, бывших прежде. Поэтому, с точки зрения вашего Бога, я страшнейшее из зол.

— Почему страшнейшее?

— Все остальные виды зла, которые у вас есть, порождены вашими нынешними законами. А я — нет.

— Понимаю, — прошептал Кукер с изумлением. — Опять понимаю. Кукарекай дальше.

— Если я скажу, что я прежний бог, ты испугаешься и не поверишь. Поэтому я сформулирую иначе. Когда-то я был главным течением древней вселенной, но теперь от меня осталось только слабое эхо. Но даже оно нарушает равновесие вашего мира. Я, как это у вас говорят, вне закона. Но эхо ушедшего все еще живо. Я помню, в какую сторону и с какой

скоростью крутился мой водоворот. И по тому же закону, по какому из крохотного семени вырастает огромное дерево, этот забытый отзвук может снова стать тем, чем был...

— Зачем тебе я? — спросил Кукер.

— Сейчас я просто информационная тень, — сказал Ахилл. — И за ней уже охотятся силы так называемого добра. А если я стану тобой, у меня появится физический носитель в вашем мире. Я смогу привести в движение великий древний принцип.

— Как ты это сделаешь?

— Мы можем воспользоваться одним из ваших малых водоворотов. И превратить его во врата новой вселенной.

— Почему какой-то мелкий водоворот вдруг возьмет и повлияет на всю Вселенную?

— Это тонкое действие, — ответил Ахилл. — Незаметное и непостижимое для вашего ума.

— Что-то вроде колдовства?

— Видишь ли, моя вселенная жила по другим принципам. Если я применю законы нашего мира в вашем, это покажется тебе колдовством.

— Можно пример?

— Можно, — сказал Ахилл. — По вашим законам совершенно невозможно, чтобы я был здесь и говорил с тобой. А по нашим — вполне. Для вас это магия, которую вы не сможете описать на языке своей науки. Ваши ученые

сойдут с ума. А для меня это наука. Древняя и точная.

– Как ты оказался в нашем мире?

– Объяснять можно по-разному. Например, так – мы откликнулись на молитву сестер-кармелиток, проникших духовным зрением в глубины прошлого. Мы пришли оттуда, нарушив законы вашего водоворота.

Ахилл засмеялся. Во внешней реальности этому смеху соответствовал довольно страшный низкий рык, но увлеченный телепатическим рассказом Кукер не ощутил диссонанса.

– Почему ты все время говоришь про водовороты?

– Вращение подходит лучше всего, чтобы проявить нашу древнюю силу. Но сгодится любое циклическое действие наподобие смены времен года, объезда городской стены на колеснице, вращения спутника вокруг планеты или планеты вокруг звезды... Даже еженедельное промывание мозгов населению может подойти. Начать надо с малого. Тогда никто ничего не заметит. А потом станет поздно.

– Ты наметил, с чего начать? – спросил Кукер.

– Да. Я долго изучаю эту вселенную. Я был здесь десятки миллионов лет назад. Но тогда я действовал слишком грубо, и космос мне помешал. Сейчас я буду умнее.

– А что случится со мной? – спросил Кукер.

– Ничего, – сказал Ахилл ласково. – Со всем ничего. Есть только великий водоворот. Ты станешь, как бы это сказать... его центральной осью. Из маленького петушка сделаешься большим и грозным петухом, вперед которого не посмеет соваться вообще никто из цыплят. Разве это не лучше, чем уйти в небытие просто так?

– Наверно, – ответил Кукер.

– Ты согласен стать моей опорой?

– Зачем мое согласие?

– Таково одно из правил вашего мира, ограничивающих мою силу. Свободная воля – одно из твоих тонких тел. Чтобы оно стало моим, добровольное согласие необходимо.

– Мне надо подумать.

– Думай, – сказал Ахилл. – Время еще есть. Теперь мне не нужен этот похабный электрический ящик, чтобы тебя найти. На память о нашей встрече я подарю тебе свою мудрость.

– Как?

– С этой минуты ты сможешь объяснять людям тайны мироздания. Отвечать на любые вопросы об устройстве мира. А если ты согласишься стать моей опорой, я подарю тебе и свою силу. Тогда ты наяву вспомнишь, что ты – это я. И разницы между нами больше не будет.

Зашуршали папоротники. Кукер огляделся по сторонам.

— Сейчас на тебя нападет трехрогий зверь, — сказал Ахилл. — Он опасен, но ты не умрешь. Договорим потом...

*

Наступила тьма — REM-фаза сна кончилась. Прошла секунда, и я вывалился из темноты в кабинет Ломаса.

— Отлично, — сказал Ломас. — Теперь мы знаем, что именно видел Кукер.

— Откуда взялся этот ящер? — спросил я. — Он тоже был частью симуляции?

— В известном смысле да.

— Тогда это наш программный продукт? Ведь создающие симуляцию импульсы могли прийти только из наших сетей.

— Формально да, — ответил Ломас. — Мы не засекли внешних подключений. Но это не значит, что их не было. Возможна какая-то, э-э-э... модуляция нашего фида, я не знаю. Если используется наше оборудование, то очень хитрым образом.

— Вирус? — спросил я. — Червь?

— Возможно. Но это не чисто программная атака — ее бы мы заметили. Тут явление другой природы. Ахилл сам все объяснил. Система думает, что обслуживает людей, а на самом деле там...

– Кто-то еще.

– Да. Вы поняли, что Ахилл говорил про свою мудрость? Каким это образом он собирается подарить ее Кукеру?

Я пожал плечами.

– Возможно, он подключил к нему какую-то... Не знаю, справку. У древних духов может быть своя система HEV.

– Интересно, – сказал Ломас. – Очень интересно. Да, после контактов с духовным миром люди начинают изъясняться на незнакомых языках, пророчествовать, изрекать истины... Вы помните, как брать на славянку?

– Вы про slave-режим?

– Да, Маркус. Так это называют на вашем сленге.

– Помню, конечно. Желателен преторианский имплант.

– Посмотрите, вдруг там в камере у кого-нибудь есть. Если найдете, возьмите заключенного на внешнее управление и попробуйте поговорить с Кукером. Ковырните эту его мудрость. Проверим, правду ли сказал ящер.

– Как?

– Надо спросить его о чем-то, чего уголовник знать не должен. О тайнах мироздания, об устройстве мира. Оцените общую эрудицию.

– Ладно, – сказал я. – Спрошу о чем-нибудь таком, чего не понимаю сам.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/31

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Сеня Пызырыкский**

– Можно к пернатому обратиться?

Кукер, восседавший на вершине петушатника в полном блатном гриме, встрепенулся, открыл глаза – и хмуро поглядел с озаренных лампадами высот в полутьму хаты.

– Ты кто?

– Сеня Пызырыкский. Щипач с Тамбова. Чалюсь по народной – взяли с туманом. Туман мусора сами подкинули.

– Щипач – человек уважаемый, – ответил Кукер. – Хоть и не петух, конечно. А раньше кем был?

– Служил в Претории.

– О как. Из Претория в щипачи. Какие сложности, мусорок?

– Сложностей никаких. Тут базар катался, что ты, Кукер, любой вопрос разъяснить можешь.

– Любой не любой – не знаю. Некоторые могу.

– Хотел поинтересоваться парой непоняток.

– Каких?

– Просто про жизнь нашу. Много лет уточнить хочу, но не могу.

– Ну говори.

– Скажи, Кукер, а сколько нашему миру лет? Я имею в виду, не Земле, а вообще всему мирозданию?

– А че именно у меня интересуешься?

– Тебе братва верит.

– А. Ну ладно тогда. Кумчасть утверждает, что примерно четырнадцать миллиардов. Если точно, тринадцать и восемь десятых.

– А что раньше было?

Кукер немного подумал, и на его губах нарисовалась еле заметная презрительная усмешка.

– Если официально, ничего.

– Это как? Что-то всегда бывает раньше.

– Тогда не было времени, Сеня. Значит, никакого «раньше».

– Что значит – не было времени? Оно что, на месте стояло?

– Стоять было нечему. И негде.

– То есть вообще ничего?

– Даже его не было.

Сеня обвел братву глазами, словно приглашая народ изумиться вместе с ним такой наглой разводке.

– Это как так может быть?

– «Ничего» бывает, когда есть что-то другое. В одном месте есть, в другом нет. А если

нет вообще ничего, ничего тоже нету. Его заметить некому, поэтому и говорить не о чем.

— Хорошо, — сказал Сеня. — А как тогда все началось? И почему?

— Этого кумчасть не знает, — ответил Кукер. — Кум просто наблюдает за прилетающим из космоса светом. А потом объясняет увиденное.

— Ну а как сосчитали, что прошло именно четырнадцать миллиардов лет?

— Там много разных методик. Например, по древнему свету. Который летит по Вселенной с тех пор, как она стала прозрачной.

— А почему он до сих пор летит? Почему не пролетел, раз столько времени прошло?

— Для света нет времени, Сеня. Есть только вечное сейчас.

— И откуда этот свет летит?

— Со всех сторон.

— А почему со всех сторон, а не из того места, где был в начале? Он должен лететь из того места, где все началось.

— Верно. Но это место для нас везде.

— Как так может быть?

— Инфляция, — сказал Кукер. — Ты про инфляцию слышал?

— А то нет.

— Знаешь, откуда она?

— Из центробанка?

– Верно. Начинают в центробанке, но потом она везде – хоть в ларьке, хоть на рынке, хоть у барыги, где туман берешь. Космическая инфляция – то же самое. Свет летит из того места, где все началось. Но оно для нас теперь со всех сторон сразу.

– Да как же он не пролетел еще?

– Пространство расширяется быстрее, чем свет прилетает. Такая инфляция сильная. Как если цены растут быстрее, чем зарплата. Получается, что зарплата все больше, а денег все меньше. И так четырнадцать миллиардов лет.

– Подожди, – сказал Сеня, – подожди. Чего-то тут мутное. Год – это время, за которое Земля облетает вокруг Солнца. Я со школы помню. Если вначале не было ни Земли, ни Солнца, как можно говорить, что прошло четырнадцать миллиардов лет?

Кукер секунду подумал.

– Типа как по древесным кольцам. Есть процессы с известной нам скоростью. Мы видим их следы в космосе и прикидываем сроки. Но вообще-то, Сеня, ты прав. Дело мутное.

– Можешь пояснить за муть?

– Смотри. Кум говорит, все возникло четырнадцать миллиардов лет назад. Но это, так сказать, предположение, основанное на всяких закономерностях. А реально мы знаем только то, что из пустоты приходит свет. Такого-то цвета, такой-то яркости и так далее. Как кино.

— Это я понял.

— Теперь сам подумай — можно по фильму, который тебе показывают, делать вывод о том, что происходило на съемочной площадке?

— Наверно, можно. Ведь это же попало на пленку.

— А если вопросы возникают, кто актрису пялил, а кто режиссеру дачу строил?

— Это слишком. Что-то ведь могли и не снять... Сложный вопрос.

— Вот именно что сложный, — сказал Кукер. — Потому что в кино бывают не только съемки, а еще анимация. И в фильме ты часто видишь то, чего на съемочной площадке не было вообще. Уже лет триста как непонятно, где эта съемочная площадка на самом деле.

— Это точно.

— Вот и со Вселенной то же самое. Кум говорит, что вначале пространство как бы расширялось с огромной скоростью. И называет это инфляцией. Но когда тебе втирают, что пространство расширилось с огромной скоростью, это фуфлопрогон.

— Почему?

— Потому что скорость по всем понятиям — это дистанция в единицу времени. А как определить, какое пройдено расстояние, если оно пройдено самим расстоянием? Чем мерить, а? Вот метр — он длиннее стал при этой

инфляции или таким же остался? С единицей времени те же непонятки.

– Но ведь есть же эти... как их... законы физики.

– Физические законы тогда не действовали.

– Почему?

– Да законы у них что дышло. Как уголовное уложение у кума. Сейчас действуют, а тогда нет. Типа для нас всегда, а для генерала Курпатова не очень. И в какой суд ты с этими законами пойдешь?

– Да... Сложно.

– Не то слово, – сказал Кукер. – Я тебе так скажу. Измерять возраст Вселенной – это как прикидывать, сколько метров будет в яме, если известно, что ее рыли от забора до обеда, но не совсем понятно, где забор и когда обед. Вернее, когда забор везде, а обед всегда, но уже остыл.

– Это как у нас в Добросуде, – хихикнул Сеня.

Кукер поглядел на него неодобрительно.

– Мы в политику не лезем, щипач. Это тебя в Претории такому учили?

– Я не в том смысле. Я не про забор. Я про обед – что холодный всегда.

– Обобщать тоже не надо. За это статья есть.

– Верно, есть, – вздохнул Сеня. – Скажем так – сегодня обед был холодный.

– Да, – ответил Кукер. – Мы этот обед пробуем и говорим – ледяной, сука, но есть придется. Повара, скорей всего, варили вчера в половине шестого, чтобы до фембокса успеть... Похоже на правду?

– Похоже.

– Потому что правда в нашем мире примерно такая. Но далеко не факт, что именно так все и было. Может, обед вообще из другой колонии привезли. Вот и с возрастом Вселенной то же самое. Точно мы ничего не знаем. Прикидок много, только фундамент у них рыхловатый.

– Понятно, – сказал Сеня. – Но не до конца.

– Тогда я тебе проще объясню, – продолжал Кукер. – Вот прикинь, когда ты по импланту новости смотришь, про то, что в мире происходит, про Курган-Сарай, Мощнопожатного и так далее – ты веришь?

– Нет.

– Звездное небо над головой, где космическая история записана – это такой же точно говноканал, как новости по импланту. Что бы нам ни показывали, верить не стоит. Бояться тоже. Просить за себя тем более. А надо первым делом вопрос себе задавать – зачем это? Чего хотят добиться?

– А кто нам небо показывает? – спросил Сеня.

— Кто — не знаю, — сказал Кукер. — Но на руках у него перебор, Сеня. Примерно как у тебя. А он все прикупает. Вопрос с ним решать надо.

— Может, на шпору его возьмешь?

Кукер зевнул.

— Может, и возьму, мусорина ты любопытная. А может, сначала кого поближе прихвачу...

Я уже проклинал себя последними словами за глупость и нахальство — но тут в замке заскрипел ключ, и все глаза повернулись ко входу.

Конвой.

Дверь распахнулась, и в хату вошел свежеприбывший зэк с мешком на голове.

Про Сеню сразу позабыли.

— Ну что, братва, — сказал вошедший прямо из-под мешка. — Ветер в хату, как кумчасть бакланит. Строимся по росту. Пернатая проverka...

Я вспомнил, что говорил Сердюков. Это, наверно, и был второй петух, которого ждали на ветроzone.

Голос у гостя был нежный и загадочный, почти женское контральто — и от контраста между интеллигентной мягкостью его тона и страшноватым смыслом произносимых слов делалось по-настоящему жутко.

Ситуация осложнялась. Я оставил имплант бывшего преторианца и переключился на Кукера.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/32

Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Петух в отказе Кукер

Кукер, как и положено, сохранял покой и неподвижность.

– Да и не петух вроде, – сказал кто-то из братвы нерешительно. – Петух по распоняткам прокукарекать должен, как в хату впорхнет.

– Ой, правда ваша, – ответил мешок. – Забыл. Вот...

И тут же издал хриплый и пронзительный петушиный крик. Братва окончательно погрузнела.

– Скидай мешковину, – велел Кукер. – Сейчас разберем, какой ты пернатый гость. А то кукарекать и кумчасть умеет.

Вошедший поднял руки и осторожно, словно с хрупкой вазы, снял с головы мешок.

По хате пролетел вздох изумления и страха.

На пороге стоял петух. Стриженный наголо, в серьезных колах, покрывавших лицо, шею и щеки. Тройные слезы по убийствам на ветроzone, пропеллеры, шестерни, запретные солярные знаки, малопонятные профану блатные символы. «ВООК» на шее – точно как у Кукера, только в зеленом цвете...

И вид самый что ни на есть женственный, даже с сисечками под майкой — очень правдоподобно. На такого имплант реально мог реагировать как на фему. Эстроген ведь не подделаешь. Петух, одним словом — такие вещи братва чуяла битым нутром.

Понятно было, почему конвой доставил такого занятого пассажира в холстине. Все по правилам внутреннего распорядка. «Непрозрачный экран», как выражалась служебная инструкция, полагался для нейтрализации растлевающего воздействия уголовных татуировок на сознание окружающих.

В колонии экран разрешалось снять — значит, новенького привели прямо с этапа и развязали руки перед дверью.

Непонятно было, почему его привезли в колонию, где правил Кукер. Что двум петухам делать на одной поляне? Конечно, на некоторых петушатниках и по три пернатых сживало — но это были редкие случаи, и только в самых больших ветроколониях. А здесь одному придется сложить крылышки. А может, и вообще упасть с жердочки.

Обойтись, впрочем, тоже могло. Пока еще.

— Представься братве, — велел Кукер. — Как кочета кличут?

— Рудель, — ответил петух, исподлобья глядя на Кукера.

– Такого пернатого не знаем, – сказал Кукер, сглотнув.

– Я недавно в дырявых.

– Кто опетушил?

– Сенька Гребень и Хвостокол. На семнадцатой приморской.

– На семнадцатой приморской в этом году новых не пернатили.

– Я недавно отдуплился. Малява не дошла еще.

– Сенька с Хвостоколом точно оба на семнадцатой? – спросил Кукер, поднимая глаза на братву.

– Там, там, – загудела братва. – Сейчас двух пернатых на одной зоне больше нигде нет. Только на приморской.

– Кто заверил?

– Ваня Клюв, – ответил Рудель. – Еще не заверил, но малява к нему пошла тоже. Однозначно.

– А как впервой прокукарекал? – спросил Кукер. – Расскажи подробно.

– На пересылке это было, – сказал Рудель. – Сидел по ложному доносу, шили тележное дело – будто крэперов крышевал у Парка Культуры. А я там просто как бык работал, от фем их охранял. Про имплант-реакцию и тестостерон с эстрогеном я тогда не знал. Но многие подозревали, потому что фемам морды

бил только так... В общем, прибыл я на пере-сылку. Начальница наехала не по делу. Обещала, что весь срок в карцере просижу. Посадили в карцер, а там трое уже чалилось. Ну вот они на меня наехали, а я их порешил.

– Шпоры у тебя есть?

– Есть, – ответил Рудель. – По моей на-колке на воле сделали.

Я уже столько слышал про эти шпоры, что пора было заказать контекстную справку.

TH Inc Confidential Inner Reference

Шпора *петуха* – примерно то же, что нелегально изготовленный нейрострапон-заточка (*цугундер*), применяемый в женской уголовной субкультуре. Это близкий по конструкции стилет из высокопрочного пластика с нервными коммутаторами на поверхности, подключаемый к мозгу через имплант. Как и *цугундер*, позволяет испытать оргазм от возбуждения нервных сенсоров на поверхности пластика.

Между *шпорой* и *цугундером* есть различия. Обычно *шпор* две – это парное оружие. Длина и форма *шпор* могут сильно различаться, так как их изготавливают в нелегальных мастерских по индивиду-

альному заказу. Но *шпора* традиционно длиннее.

Крепятся *шпоры* в специальных само-живляющихся разъемах, имплантируемых *петуху* в икру и лодыжечную кость. Эту операцию негласно делают прямо в колониях, так как *петухи*, несмотря на свой подчеркнuto асоциальный статус, во многом помогают лагерному начальству поддерживать порядок на зоне (хотя сами отрицают любую социально полезную функцию). По той же причине *шпоры* не подлежат конфискации, хотя формально запрещены законом. *Петухи* могут даже перевозить их с одной зоны на другую в личных вещах (то же касается куриных *цугундеров*).

Владение *шпорами* – сложное, почти эзотерическое искусство, на изучение которого у *петуха* уходит вся жизнь. Известно, что многие *петухи* занимаются йогой и восточными единоборствами, поддерживая себя в надлежащей форме.

Боевое применение *шпор* зависит от силы ног, растяжки, общей физической подготовки и владения секретными приемами петушиного боя. Но физические качества носителя выходят на первый план

только при конфликте двух *петухов* друг с другом.

Имплант-коррекция токсичной маскулинности делает любого гетеросексуального цисгендерного самца практически беззащитным перед *петухом* даже без *шпор*. Поэтому *петух* применяет свое оружие лишь в самых высокоранговых разборках.

Когда я вернулся в реальность, Кукер еще размышлял.

Ответы Руделя казались идеальными – ни к одному невозможно было придаться. Если что и вызывало подозрение, то именно их прозрачная ясность – жизнь ведь сделана из полутонов. Но за звонкость не предъявишь.

С семнадцатой приморской и правда давно не приходило маляв. Гребень с Хвостоколом могли назначить нового опущенца в пику Кукеру – с ним были напряги у многих старых петухов-законников.

Оставался один вопрос, на котором фальшивый претендент на перья мог попасться. Поднять эту тему мог только опытный петух.

– Ты нам вот что расскажи, – вкрадчиво начал Кукер. – Откуда к тебе имя петушиное прилетело? По какому такому ветерку?

Ответить правильно мог лишь петух со знанием традиции. Но Рудель принял вызов.

– Рассказать могу, – улыбнулся он. – Только слушать долго.

– Да мы вроде никуда не спешим, – сказал Кукер. – Базар гремит, а срок идет. Давай, послушаем.

– Сон мне был глючный. Под «туманом» по вене.

– Какой?

– Что я немецкий летчик Рудель, ас германского люфтваффе номер один. Такой и правда был...

– Мне можешь не объяснять, – буркнул Кукер. – Гони дальше.

– Лечу я, значит, на своей «штуке», это такой пикирующий бомбардировщик фирмы «Юнкерс». На груди железные кресты, а на душе погано, потому что вспоминаю разговор с фюрером. И за Европу душа болит.

– Где летел?

– Над Россией, – ответил Рудель. – На до рогах танки и верблюды, грузовики и телеги. Прут на запад. Одну колонну расстреляешь, а вместо нее две новых. В общем, мрачная перспектива. И тут вижу – рядом «мессершмит» летит. Наш. С черными ромбами вокруг мотора и радугами на крыльях. А на борту – красное сердце со стрелой и надпись «Ульрика».

– Издалека надпись прочитал? – спросил кто-то из братвы.

— «Мессершмит» подлетел, — сказал Рудель. — И крыльями мне помахал. Но я и так знал, что там за надпись.

— И кто это был?

— Ас номер один Хартман, — ответил Рудель.

— Так кто был номер один? — спросил другой браток. — Рудель или этот Хартман?

— Вообще-то Рудель, — ответил Рудель. — У него было пятьсот танков, линкор и чего там еще, не помню. А людей вообще убил немарено. Но если чисто по самолетам, Хартман. Больше трехсот побед в воздухе. Он, правда, хитро воевал — замечал издали вражеский самолет, начинал маневрировать, заходил в нижнюю полусферу, где его видно не было, подкрадывался сзади — и бац! Триста человек убил, а его почти никто не заметил. В общем, такой воздушный снайпер из-за угла. Специализация была разная. Рудель по наземным целям, а Хартман по воздушным.

— Тогда почему номер один все-таки Рудель?

— По наградам. Вообще, они почти вровень шли. Оба немецкие военные спортсмены — в смысле подхода к делу. Оптимисты, жизнелюбы. Но у Руделя одна цацка имелась, какой у Хартмана не было. И еще медальку за две тысячи пятьсот вылетов ему лично фюрер нарисовал. Так что по общей сумме он получался главнее.

– Понятно.

Рудель приободрился и оглядел братву.

– Помахал мне Хартман крыльями, и тут с земли трассера веером. Сорокамиллиметровая зенитка. Один снаряд прямо возле Хартмана лопнул – и у того винт остановился. Он на вынужденную. Под нами как раз скошенное поле со стогами, погода сухая, так что сесть было где. В общем, приземлился Хартман в русском тылу. Ну, думаю, придется выручать камарада. Сбросил обороты, посадил свою «штуку» рядом. Подбегаю к его самолету, а Хартман уже вылез и мотор проверяет. Красивый такой паренек, молодой совсем. Худенький блондин. Я мотор вместе с ним осматриваю, а сам все больше на него кошусь.

– Ясно, – недобро хмыкнул Кукер.

– Проблему обнаружили. Осколком патрубков перебило. Поставили заплату, во сне я это умел. Мотор заработал. Только лететь уже никуда не хочется.

– Почему? – спросил браток.

– Потому что с войной уже ясно все. У фюрера паралич воли, мировое еврейство строит козни, усатый монстр штампует танки, центральная Азия ломится в европейскую колыбель культуры... Стали мы об этом с Хартманом говорить, и прямо разрыдались оба.

– Да, – заметил кто-то из братвы, – под туманом такое бывает, когда по вене.

— И тогда Хартман рассказал про последнюю встречу с фюрером. Фюрер, значит, дал ему поглядеть в свой хрустальный шар и объяснил, что будет дальше. Русские разбудят подземного мистического зверя, он ворвется в наш тайный храм и пожрет нашего великого духа-покровителя... Но мы, сказал фюрер, все равно победим. Не через сталь и кровь, а через черный латекс и анальный гель. Мы станем швулями и будем карать всех тех, кто не захочет долбиться в сраку вместе с нами...

— Ага, — сказал Кукер. — Теперь вижу, куда клонишь.

Рудель даже не посмотрел в его сторону.

— Я отвечаю Хартману — мы не сможем. А Хартман говорит — сможем, Ганс! Сможем! Не зря меня зовут Буби... Его и правда так звали, потому что молодо выглядел. Красавчик! Про Ульрику он специально на «мессершмите» написал, чтобы бойцы не думали, что он пидор, но фюрера ведь не обманешь. Я спрашиваю — зачем это, Буби? Зачем? А Хартман отвечает — ты не понимаешь, Ганс. Фюрер познал грядущее. Уберменш не придет. Придет Херреншвуле¹. Я даже под ноги плюнул. Какая мерзость, говорю. Как же это Уберменш не придет? Значит, все было зря? Ты не пони-

---

¹ Übermensch — сверхчеловек. Herrenschwule — главпидор.

маешь, отвечает Буби. Уберменш приходил, но проиграл. Это и был ты сам со своим протезом. И я, наверно, тоже. Наша карта бита. А Херреншвуле победит. Небинар-трансгендеры зеленых совершат то, чего не сумели сделать панцер-гренадеры СС. Только зайдём в этот раз с другого фланга. Или вообще с тыла. А мистическое семя посадим мы с тобой. Потому мы и встретились в небе... Тут я тайный план фюрера и понял. И мы с Хартманом, значит, прямо возле его «мессершмита» и кукарекнулись. Сначала он меня, а потом я его, только кресты звенели. Отдали мы с Буби друг другу честь – во всех, значит, смыслах, – всплакнули с непривычки, сели по самолетам и разлетелись. А как я пришел в себя после укола, уже знал, что herrenschwule – это сам я и есть, и судьба моя в перьях...

– Ты, значит, законник, – ухмыльнулся Кукер. – Традиционалист.

– Есть такое, – ответил Рудель. – Но отказников мы уважаем.

Я к этому моменту уже знал из справки, что Рудель пересказал братве первую серию голливудского иммерсива «Fly Buddies, Pun Intended». Иммерсив в свое время выдержал пять сезонов – но ни Кукер, ни братки видеть его не могли: в Добросуде он был запрещен якобы за антиисторизм (радуга на крыльях «Мессершмитта» Хартмана и прочие мелочи).

По инерции я прочел краткое содержание и второй серии тоже.

Май 1941 года. Германские войска стоят на границах Советского Союза. В это время Рудольф Гесс на специально оборудованном Me-110 тайно вылетает в Англию и выбрасывается над Шотландией с парашютом. На земле его нетерпеливо ждут Алистер Кроули и Ян Флеминг, чтобы навсегда выбить из своего немецкого партнера вольнолюбивый дух Шиллера. Они делают это обычными в британской элите методами: для ритуала уже зарезервирован специальный розовый замок...

Так, структура нарратива понятна. Коллекция новелл-флешбеков. Руделю, скорей всего, кто-то пересказал сюжет первой серии, а он из него слепил свою легенду. Это было рискованной игрой – правда рано или поздно могла всплыть. Но сейчас история сработала.

– Петух! – зашептали в братве. – Реальный петух! Нормально прокукарекал! Верим!

– Красиво излагаешь, – усмехнулся Кукер. – Аж слеза пробивает.

– Я на вопросы ответил, Кукер, – сказал Рудель. – А теперь моя очередь спрашивать. Гребень и Хвосток кол кукарекали, что Рудель у тебя в колах на правой булке. А на левой фюерер. За фюерера пусть с тебя другие петухи

спрашивают. У меня вопрос чисто по Руделю. По какому праву ты меня на сраке носишь?

Кукер закрыл глаза и некоторое время молча раскачивался из стороны в сторону. Сказать можно было многое, конечно — что запрета на такую татуху у блатных нет, что Рудель поселился у него на булке еще до того, как претендент на перья прыгнул до ветру по первой ходке, и так далее. Все это было очевидно с точки зрения здравого смысла. Но так бакланят на кумчасти. А у пернатых своя логика, и братва за этим следит.

— Не люблю фашистов, — ответил Кукер, гордо поднимая голову. — Считаю, им на жопе самое место. Единственное, какого они заслуживают. Поэтому там и колю.

— За слова отвечаешь?

Кукер улыбнулся.

— Ты спросить с меня хочешь, пернатый гость?

— Хочу, — сказал Рудель. — Гребень с Хвостколом порешили так — или ты, или я. В смысле, или ты Руделя вместе с кожей с жопы срежешь, или давай на шпорах чикаться.

— Где прогон, что ты петух, чтобы я с тобой на шпорах чикался?

— Ты малявы от пернатых ждать хочешь? Можно и подождать. Но если ты меня за петуха не считаешь, чего тебе бояться? Чикнешь шпорой, и все.

— Он дело говорит, — сказал пожилой урка. — Кукер, кончай его за такой базар. Чего он тебя при братве с говном мешает. Если он фуфлогон, вскрытие покажет. А если правда петух, тогда вам по-любому на шпорах вопрос решать.

Кукер рассмеялся.

— Если бы на кумчасти казачка готовили, чтобы в петушатник заслать, лучше бы не придумали. Рассказал гладко... Только не похож ты на петуха, герр Рудель. Я по запаху чую. По ффраермонам твоим. Гормоны не те.

— Ты че, кровь у меня брал на анализ? — ощерился Рудель.

— Сейчас вот и возьму, — сказал Кукер, сдвинул икону с Гарудой и достал из тайничка в стене завернутые в портянку шпоры.

Портянка развернулась. Черные изогнутые лезвия маслянисто блеснули в полутьме — совсем как обсидиановые ножи древнего жреца.

Два еле слышных щелчка, и оружие встало в гнезда. Кого-то принесут сегодня на ужин заходящему солнцу... Но кого?

Зажмурившись, Кукер дал импланту подхватить сигнал со шпор и легко спрыгнул на пол.

— Надевай коготки, Рудель, — сказал он. — Уж так и быть, встретим как пернатого гостя. В ногах правда есть.

— В ногах правда есть, — повторил Рудель петушиную присказку, достал из котомки сверток и принялся прилаживать шпоры.

— У него три, — зашептали в хате. — Короткие и розовые!

Это действительно было так — прикрепив два тускло-розовых клинка в стандартных местах под икрами, Рудель принялся прилаживать на правую ногу еще и третий.

— Чего у тебя три писки-то? — спросил Кукер.

— Пернатые приговорили. За трех жмуров в карцере могу носить.

— Про такое не слышал, — сказал Кукер. — Чтобы у пернатого три шпоры было.

— По понятиям их больше одной, — ответил Рудель, — потому что пернатый — это петух со шпорами. А не со шпорой. Но в распонятках нигде не сказано, что их максимум две.

— Верно бакланит, — подтвердил законник из братвы.

— Мы свои петушиныные вопросы без вас решим, сявки, — бросил братве Рудель. — Тихо сидеть, когда на пернатых шпоры. Целее будете.

Он вел себя как настоящий петух — показывал, что мнение братвы ему безразлично.

Потребовать, чтобы противник снял третью шпору, Кукер уже не мог. Рудель, как положено петуху, сказал бы — сними с меня сам, раз перья надел.

Значит, вопрос придется решать по-петушиному.

Но Кукер не боялся. И даже если это была *имплант-коррекция поведенческих факторов* (как писал в научных записках капитан Сердюков), Кукер про это не думал. Он был петухом, и перья звали его в бой.

Из правой икры Руделя торчали два лезвия, из левой — одно. Это делало правую ногу соперника очень опасной при обратном круговом ударе, потому что уменьшало мертвую зону над икрой. Рискованно было ставить любой блок руками. Значит, от левого уро-маваши — только уходить...

Кукер прикидывал это почти без слов, не умом, а моторкой — как делает любой опытный боец. Схватка петухов длится секунды, и размышлять здесь некогда.

Поединок начался.

Рудель выпятил грудь вперед, растопырил руки в стороны, будто это были петушиные крылья, и, тихо подкудахтывая, пошел на Кукера. Кукер принял ту же стойку, поднял крылышки (он так и думал в бою про свои руки) и двинулся на соперника, но не прямо, а по касательной — одновременно напирая и обходя стороной.

Перед тем как *рвать перья* (то есть наносить шпорами удары, любой из которых мог стать смертельным), петухам полагалось трижды сойтись грудь в грудь, махая руками, словно бойцовые птицы крыльями. Это было

негласной традицией, и ее не нарушали, хотя распонятки подобного не требовали.

В Руделе было что-то очень странное, и Кукер ждал подвоха с самой первой секунды. Только это все равно не помогло.

Когда он стал сходиться с Руделем в третий раз, тот вдруг наклонил голову и метнулся навстречу, целя головой в живот. Движение было таким быстрым, а прием до того необычным для петуха, что среагировать Кукер не успел.

Удар оказался сильным, и ноги Кукера оторвались от пола. Он отлетел и повалился на пол, успев перегруппироваться и выбросить перед собой руки.

Рудель взмыл вверх и упал на Кукера, расставив руки и визжа — как выли когда-то сиренами пикирующие «юнкеры». Психологически это было эффектно, но петух, привыкший к бою шпорами, использовал бы падение противника для удара шпорой в бок или спину. А Рудель почему-то этого не сделал.

Кукер приготовился к смерти — но у судьбы были другие планы. Рудель просто взял его на стальной зажим.

Теперь боролись не клинки, а два человеческих тела примерно равной силы. Рудель занимал выгодную позицию: он атаковал из верхней полусферы, и похоже было, что победа достанется ему. Кукер уже терял сознание от удушья — перед его глазами плыли радуж-

ные полосы, а упертые в пол руки предательски дрожали. Я ждал, что он повалится на пол, и Рудель завершит начатое.

Мне понадобилась справка по техникам ногопашного боя у петухов, и я остановил время.

Но к моему изумлению, оно остановилось не до конца. Вернее, оно остановилось для всех – кроме меня... и Кукера. А сознание Кукера в тот же самый миг нырнуло в мезозойскую симуляцию.

Кукер не был подключен к сети «Юрасика». И тем более к справочной системе HEV, разгоняющей внутреннее время. Но когда весь остальной мир замер, Кукер не остановился вместе с ним. Он выпал из реальности вместе со мной.

Я понял, что вижу опушку мезозойского леса – высокие секвойи и араукарии, густосинее небо над ними – и слышу звон огромных стрекоз. Потом я увидел покрытого серозеленым пером гиганта с голубым петушиным гребнем – тиранозавра с греческим именем Ахилл.

– Видишь, – сказал Ахилл. – Великой мудрости в твоём мире недостаточно. Нужна ещё и великая сила.

Кукер молчал.

– По законам судьбы ты должен погибнуть, – продолжал Ахилл. – Чужая воля оказалась длиннее твоей. Чужой расчёт был глубже.

Как и в прошлый раз, он не произносил слов в обычном смысле: его жуткая пасть оставалась закрытой. Но смысл доходил четко и точно.

– Да, – только и смог ответить Кукер.

– Я могу спасти тебя. Ты готов мне служить?

Кукер кивнул.

– Хорошо, – сказал Ахилл. – Но я не могу принять твое согласие в этих обстоятельствах – оно будет недействительно. Оно должно быть свободным. Мы встретимся позже, когда тебе перестанет угрожать смерть. Ты сможешь согласиться, но сможешь и отказаться. Это важно. А сейчас я на время заменяю твою волю своей. Помни, что отныне твоя жизнь – мой подарок.

Мезозойские джунгли исчезли так быстро, что моя голова даже не успела закружиться. Время вернулось к обычной скорости, и я вновь ощутил тело Кукера.

Дальнейшее заняло всего пару секунд.

Мышцы Кукера чудовищным образом напряглись. Он подбросил себя вверх – и одновременно высвободил стопу, поставив ее на пол так, что появилась точка опоры.

Рудель на секунду потерял равновесие, и этого оказалось достаточно: Кукер захватил соперника, перегнул через себя и борцовским приемом уронил на пол.

По камере прошел вздох восторга и ужаса.

Рудель не просто упал. Он повалился на ногу Кукера, упертую коленом в пол. Из ее икры косо торчала шпора — и она вошла Руделю в спину. Я почувствовал, как по мозгу Кукера прошла волна сладострастия, посланная имплантом.

Вот, значит, что чувствует петух, протыкая соперника своим живым оружием. То же ощущает и фема-заточница, убивая своим цугундером...

Страшное, противоестественное, запретное наслаждение.

Особенно для фемы, потому что это прямо какое-то выворачивание женской природы наизнанку¹. Я предпочел бы вообще не знать, как это бывает — но теперь я знал.

Все было кончено. Рудель хрипел и держался на полу, прижимая ногу Кукера к полу своим весом.

— Сявки, сняли мясо с ноги, — велел Кукер.

Несколько уголовников кинулись исполнять приказание петуха.

— Только шпору не погните, чепушили. Сначала поднимите... Вот так.

---

¹ Личные переживания Маркуса Зоргенфрея не обязательно отражают гендерную политику корпорации «TRANSHUMANISM INC.»

Высвободившись из-под поверженного противника, Кукер увидел бледного Сеню Пызырьковского и поманил его пальцем.

Сеня встал – и, глядя на Кукера как кролик на удава, пошел к нему. Дойти он не успел. Когда до Кукера оставалось два или три шага, петух подпрыгнул, сделал в воздухе фляк и махнул ногой возле Сениного лица.

Сначала я подумал, что он просто пугает преторианца. Но через секунду на шее Сени появилась тоненькая красная полоска. Он схватился руками за горло, покачнулся и повалился на пол.

– Одним кумососом меньше, – флегматично сказал Кукер.

Хата оглушенно молчала.

Кукер залез на петушатник, снял шпоры, спрятал их за иконой и замер в полулотосе, приняв свой обычный образ деревянного петуха из Чжуан-Цзы.

Сеня был уже мертв. А Рудель еще жил. Его перевернули, положили на пол и принялись раздевать, чтобы перевязать – среди заключенных был лагерный лепила, крутивший срок за торговлю опиатами. Прошла пара минут, и один из блатных охнул:

– Братва, да это же фема...

– Точно, фема.

– Фема? – спросил Кукер. – То есть она что, вмокрую нас развела?

– Нет, Кукер, – ответил лепила. – Не совсем вмокрую. Я проверил, шпоры у нее по науке стоят. Но разъемы вживили недавно, еще воспаление не прошло. Все как у петуха, только на одно гнездо больше. Сделано по уму, но не у нас.

– Погоди-ка... А колы на ней есть?

Братва засуетилась, проверяя. Фема была еще жива – когда ее переворачивали, она стояла.

– Есть, – сообщили через минуту снизу. – На спине – мохнатка-серафим.

– Сколько крыльев? – спросил Кукер.

– Шесть... Нет, семь. Седьмое маленькое и зеленое.

Кукер поджал губы.

– Понятно. А на брюхе?

– На животе женская голова, – ответил лепила. – Портрет Варвары Цугундер. Все как на обычных куриных колах, но Варвара почему-то с тремя рогами.

Рот Кукера растянулся в холодную усмешку.

– Варька Цугундер на животе? С тремя рогами? Ну ясно тогда. Это елдыга. Дашка Троедыркина. Помните, маляву присылала? Что срежет последний метастаз патриархии?

– Помним, – отозвались голоса. – Конечно помним, Кукер.

– Вот она через колючку и перелезла. Чтобы лично срезать. Поэтому три шпоры у нее.

– Кумчасть? – спросил один блатной.

– Без кумчасти такое не провернуть, – ответил другой. – Уж это как в рот дать. Тут выше кумчасти бери.

– Или пониже, – пробормотал Кукер.

Он надолго задумался – и тягостная морщина перерезала его лоб.

– Для кумы сложновато, – сказал он наконец. – Здесь другое что-то. Мутилово непонятное. Темное и глубокое. Кумчасть, ясное дело, в курсе. Но не в ней дело. Без серьезной отмашки такое не организовать. Это из-под Лондона сквозняк дует. Баночные заказали.

– Дашка крутая, – вздохнул браток.

– Крутая, – согласился другой, разглядывая поверженную Дарью. – Но кура – кура и есть. Мавава глупая. Прямо в щи прыгнула.

– Она жива еще? – спросил Кукер.

– Жива, – отозвался лепила. – Но помереть может в любой момент. Крови много вытекло.

– Тогда знаешь что... Давай один ее клык из ноги вынем и в спину вставим. Точно в дырку.

– Сделать можно, – сказала лепила. – А потом?

– А потом стучим в дверь и требуем, чтоб ее закрыли от нас по безопасности, потому что на людей бросается с оружием. Скажем конвою, это она Сеню-преторианца порешила. А Сеня ее подранил, когда защищался. Все ка-

меры у нас глиной замазаны, поэтому запись кумчасть не увидит. Рубаху только ей задери, чтобы видно было, что фема. Пусть в медчасти помирает. Кумчасть замучается на нас стрелки переводить. Фема на мужской зоне — их проблема по-любому. Пусть теперь думают, как выкрутиться. Они эти щи заварили, пусть и расхлебывают.

— Мудро, — подтвердили внизу.

Лепила взялся за работу.

— Косу, значит, сбрила для такого дела, — сказал кто-то из братвы. — Даже знай мы, как она выглядит, не узнали бы. Круто она петухом прикинулась...

— И базар какой ровный, — согласился другой голос. — Я в каждое слово поверил. Никогда такого не было.

— Теперь было, — сказал Кукер.

— Ты ее как петуха развалил, Кукер. По всем правилам. Значит, ее имя твое. Так что по понятиям ты теперь Кукер Рудель. Всем петухам малявы разошлем.

— Мне и без нее имен хватает, — улыбнулся Кукер. — Но это сгодится. К колам на булке подойдет. Скорей куму зовите, пока гостья живая. Пусть в медчасть несут. И преторианца заодно сплавим. Примета такая есть: жмур в хате — к уголовному делопроизводству.

Лежащая в кровавой луже фема приподняла голову.

– Мы тебя достанем, Кукер, – прошептала она. – Не сейчас, так потом. Запомни, прогресс не остановить.

Кукер поглядел на нее почти с жалостью.

– Вот что бывает, Дарья, – сказал он, – когда куры лезут наперед петуха. Малявой твоей я подтерся, конечно. Но тебя кончать не хотел. Я бы тебя еще помучал. Жалко. Ты была смелая шлында...

*

– Зачем? – спросил Ломас. – Зачем сердобольским властям потребовалось убивать заключенного Кукера? Если бы это сделали мы, было бы понятно. Но они?

– Я бы не спешил обвинять сердобольские власти, – сказал я. – Тут криминальные разборки в чистом виде. Кукер получил маляву с угрозами от заточниц. От кур, если вы знаете, что это такое. В русской уголовной культуре петухи борются с курами за доминирование, куры побеждают – и добивают последних законников-мужчин. Многие считают, что это исторически неизбежный...

Ломас наморщился и поднял руку, словно защищаясь от пыльного ветра.

– Я знаю все про русские уголовные сообщества, – ответил он. – И баночные, и нулевые. Но Кукер верно сказал, что провернуть подобную операцию без тюремной админи-

страции трудно. Просто невозможно. Это мужская половина. Как туда пропустили фему?

– Вы знаете, насколько коррумпированы российские уголовные власти. Куры могли заплатить администрации. Для заточниц убить петуха – вопрос принципа.

– А петухи что, не платят администрации?

– Платят, – сказал я.

– Тогда где логика? Зачем им терять источник дохода?

Я не нашелся, что сказать.

– Администрация ветроколонии здесь замешана, сомнений никаких. Но это не все. Участвует кто-то из сердоболов старшего ранга.

– Вы так предполагаете, потому что Кукер сказал?

– Я не предполагаю. Это установленный факт.

– Откуда вы знаете?

– У нашей корпорации есть электронная разведка, – сказал Ломас. – По только что полученным мною данным, убийство Кукера спланировала сердобольская нейросеть «Калинка». Та самая, которая разработала операцию по ликвидации барона Ротшильда.

– Я знаю, что такое «Калинка», – сказал я. – Вы понимаете, что вы сейчас говорите? Главная сердобольская нейросеть-убийца занимается обычным петухом?

– Кукер не обычный петух, – ответил Ломас. – В уголовной иерархии Добросуда он что-то вроде генерала. Такие фигуры могут оказывать значительное влияние на жизнь уголовных сообществ. А иногда даже на государственную политику. Действительно, со стороны это похоже на разборку кур с конкурирующим преступным кланом. Но именно такие неприметные схемы «Калинка» и выстраивает. Маскируется под обыденность.

– По-вашему, куриная малява тоже составлена «Калинкой»?

– Малява – нет. Это стандартный для заточниц текст. А вот имя лжепетуха-убийцы придумала «Калинка». Тут сомнений мало.

– Почему?

– «Калинка» работает многоходовками. Первым делом был создан формальный повод для петушиного боя. Татуировки Кукера задокументированы в его личном деле, и у «Калинки» есть к нему доступ.

– Согласен, умно.

– Во-вторых, история насчет сна Руделя. Этот бередящий уголовное сердце рассказ переделан из голливудского иммерсива.

– Меня тоже удивило, – сказал я.

– К этому иммерсиву у блатных и администрации доступа не было. А у «Калинки» есть – ко всем шедеврам мировой культу-

ры, запрещенным для простых граждан Добросуда.

– Да, – сказал я. – Грамотный выбор. Такую историю с нуля не сочинишь. Подождите... Вы хотите сказать, что Дарью Троедыркину подготовили сердобольские спецслужбы?

– Конечно, – кивнул Ломас. – Ей вживили ножные разъемы под три ее собственных нейростилета. Эту операцию сложно сделать на зоне. Возможно, Дарью специально тренировали для этого боя.

– Можно проследить ее геолокацию по импланту?

– Уже проследили. Она провела три недели в тренировочном лагере улан-баторш под Тюменью. Имплант-прошивку ей, кстати, тоже поменяли. Или модифицировали. Так что во время боя она могла быть на «славянке».

– А кто тогда ею управлял?

– Да как бы не сама «Калинка». Мог быть сердобольский чистильщик. Дарья вернулась в колонию за неделю до начала опытов Сердюкова... Кстати, насчет его опытов. Похоже, «Калинка» учла даже их.

– Каким образом?

– Покушение произошло сразу после первого эксперимента. Поэтому такую сильную поведенческую девиацию проще всего объяснить экспериментами Сердюкова. Он собирался лечить пайкинг-синдром у Дарьи Троедыр-

киной, а в результате до крайности его усилил. В медицине такое бывает. Правдоподобно?

— Весьма, — сказал я. — Все продумано.

— Но есть одно тревожное обстоятельство, — продолжал Ломас. — Очень тревожное. Мне интересно, видите вы его или нет?

— Нет, — честно ответил я.

— А следовало бы. Если «Калинка» планировала убийство Кукера, тот должен быть мертв. «Калинка» не ошибается в подобных расчетах. Грохнуть петуха все-таки проще, чем уничтожить международного дигнитария вроде барона Ротшильда. И тут и там — специально подготовленная фема-убийца. Но Кукер еще жив. Почему? Вы можете это мне объяснить, Маркус?

— Могу, — сказал я. — Во время поединка, в самый ответственный момент, у Кукера была субъективная остановка времени. Возможно, от недостатка кислорода начал отказывать мозг. Я засек происходящее потому, что получал в это время справку. Время остановилось для всех, кроме Кукера. И меня. То есть он ускорился одновременно со мной.

— И что произошло?

— Галлюцинация. Кукер увидел Ахилла. И ящер обещал ему помочь.

Я сообщил о том, что успел увидеть во время поединка.

— Так чего же вы молчите, — сказал Ломас.

— Я собирался доложить. Неловко было вас перебивать.

— Долго это длилось?

— Несколько секунд. Я имею в виду, в субъективном времени. Потом Кукер победил. Так что Ахилл не обманул.

— Запись осталась?

— Боюсь, нет. В это время работала справка. Она и записалась.

Ломас забарабанил пальцами по столу. Кажется, он был озабочен. И даже взволнован.

— Так, — сказал он, — так... Почему вы решили, что это была галлюцинация?

— А что же? Типичный образ из рептильной симуляции «Юрасика». Но Кукер не был к ней подключен. Думаю, просто словил глюк от недостатка кислорода — его же душили. Знаете, перед смертью проносится такая вереница... В общем, ожившее воспоминание.

— Это все та же имплант-трансляция из неизвестного источника, — сказал Ломас. — На сверхвысокой скорости обмена. Информационные блоки распаковываются потом во сне. Мы это уже проходили. Вы получили доступ к обмену в реальном времени, потому что пользовались в это время справкой HEV.

Адмирал заметно помрачнел.

— Вас что-то тревожит? — спросил я.

— Вы разве не понимаете? Мы засекаем их коммуникации случайно — только по той при-

чине, что вы тормозите время для справки. Их связь мгновенная.

— Верно, — согласился я. — Можно пропустить саму трансляцию на имплант Кукера. Но это не значит, что ничего нельзя отследить. Мы способны сканировать его сны, где эти инфоблоки распаковываются. Так уже делали. Если будет что-то новое, мы рано или поздно увидим.

— Лучше рано, чем поздно. Займитесь этим. И вот еще. Постарайтесь выяснить, почему по Кукеру работает «Калинка».

— Может быть, сердоболы хотят решить ту же задачу, что и мы? Ликвидировать угрозу человечеству?

— Нет, — сказал Ломас. — Ватикан не передавал им информации. Это внутренние разборки. Я хочу знать, кому в низшем сердобольском эшелоне Кукер создал такую проблему, что они активировали главную нейросеть.

— У нас нет доступа к персоналу, обслуживающему «Калинку». Там одни бескукушники.

— Да, — ответил Ломас. — Но у нас есть доступ к администрации колонии. Проследите за тюремным начальством через омнилинк. Оно может знать, в чем тут дело.

Я кивнул.

— Разрешаю глубокий скан. Только не фиксируйте в отчете.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/39

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Капитан Сердюков**

Сердюков сидел в своем кабинете за придвинутым к стене столом (ничего лишнего – несколько папок, телефон внутренней связи, стакан и бутылка с полугаром) – и занимался научной работой: созерцал пробковую доску с пришпиленными материалами для размышления.

Омнилинк работал в режиме глубокого скана, и сознание Сердюкова представлялось мне такой же пробковой доской. На ней появлялись и исчезали его интенции, надежды и мысли. Увы, прозрачным для меня было далеко не все.

Я не знал, почему некоторые мысли поддаются расшифровке, а другие нет. До конца этого не понимает никто. Результат скана зависит от множества факторов – визуальных ассоциаций, текстовых референций, омрачающего действия эмоций и так далее. Иногда нейросеть может найти наперсток, под которым спрятан шарик. Иногда видит шарик, но не замечает наперстка.

Статистически скан позволяет понять пятьдесят процентов чужой ментальной активно-

сти. Но когда Сердюков начинал размышлять о научных проблемах, его мысли обретали стройную оформленность, и ум становился гораздо прозрачнее.

Иногда Сердюков отвлекался, и мысли теряли читабельность. Они делались похожи на энергетические фонтаны, своего рода темные сквозняки – непонятные, но сильные. Я почти не угадывал их смысла. В общем, эта технология подходила скорее для промышленного шпионажа (для которого обычно и применялась), чем для интимного знакомства с глубинами человеческого духа.

Омнилинк следил за движениями глаз Сердюкова. Они чертили быстрые саккады по бумажным вырезкам, это провоцировало один вихрь мыслей за другим, и если нейросеть успевала увидеть картинку, вызвавшую в мозгу электрическое эхо, «омнилинк» расшифровывал поток чужого сознания лучше: декодирующие алгоритмы чувствовали себя значительно увереннее, если знали, от чего плясать.

Картинки на пробковой доске были сгруппированы парами: фотография лица заточницы, иногда несколько приписываемых ей слов – а рядом нейростилет, обычно с заскорuzлыми крепежными ремешками (ставить на тюремный контрафакт наноприсоски как у «Fema+» в куриных мастерских научились не так давно).

Заточки были разных форм и размеров — и походили на оружие значительно больше, чем на мужской орган. В них была та спокойная молчаливая угроза, которую излучает самодельное тюремное железо, изготовленное для реальных действий в недружественном мире. Острия были по-своему красивы — мрачной и экономной красотой.

Некоторое время Сердюков пытался нащупать связь между лицами преступниц и формами их нейрострапонов. Если она и существовала, понять ее было непросто: рядом с щекастой деревенской ряхой изгибалось изысканное как толедский клинок лезвие, а тонкое, умное и нервное лицо столичной куры-заточницы соседствовало с грубым черным зубилом.

Сердюков поднял стакан и сделал большой глоток полугара. Его глаза обежали доску по периферии и остановились в центре, где висела фотография заточки самой Варвары Цугундер.

Мозговой шторм начался.

Легендарное оружие, лежащее на красном бархате под пуленепробиваемым музейным стеклом, не было, собственно, нейрострапоном. Это была слегка изогнутая стальная пика длиной в фут, повторяющая формой эрегированный фаллос (заточенное острие, конечно, отходило от анатомической точности). Цугундер был выточен из металла удивительно изящно.

Рядом экспонировался предполагаемый искусствоведами (но не установленный точно) источник вдохновения карбонового мастера: шаловливый рисунок из амстердамского издания Михаила Кузьмина. Художник Сомов.

Сколько же смертей ты накликал, Михаил Сомов.

«Первые пайкерши жили в карбоне, — думал Сердюков. — Культурная элита эпохи. Кем была Варвара Цугундер в реальности, мы не знаем. Это, скорее всего, псевдоним. Но ее дневник, несомненно, значимое произведение литературы. Даже сам Шарабан-Мухлюев похвалил сквозь зубы... Но почему сохранились только отрывки? Была, возможно, какая-то тайна...»

Глаза Сердюкова метнулись вправо от заточки-цугундера к черному квадрату с силуэтом рыбы в центре. Под рыбой белел знак вопроса.

«Или эта загадочная «Рыба», — думал Сердюков. — Говорят, она сейчас в банке. Знала ли ее Варвара лично или они только обменялись постами? Наверно, Рыбу уже сто раз допросили еще в позднем карбоне. Вряд ли ей известно что-то еще. Но почему в их постах такой странный шифр? Почему слово «Янагихара»? Это вообще на каком языке? По-японски?

Сердюков наморщился, получая медленную и кривую сердобольскую справку.

«Ива, растущая в животе? Без иероглифов точно не поймешь... Может, это метафорическое описание патологического оргазма, сопровождающего акт пайкинга?»

Сердюков отхлебнул еще полугара и упер тяжелый взгляд в силуэт рыбы.

«Кого еще они могли оповещать своим секретным кодом? Единомышленниц, связанных общей тайной? И, самое главное, в чем была мотивация Варвары Цугундер, если эту заточку даже нельзя подключить к импланту? Может, возникновение допаминовых цепочек вознаграждения было связано с социальной проблематикой? Она верила, что творит добро... Или это что-то вроде жертвоприношения?»

Ответа не было.

Понять про современных кур-заточниц нечто новое по следам, оставленным в истории их карбоновыми предтечами, было трудно. Фемы и мужчины с тех пор стали другими. Изменились технологии. С другой стороны, сам женский мозг остался прежним, обновились лишь способы его стимуляции...

Взгляд Сердюкова упал на фото Даши Троедыркиной, потом на три ее розовых кинжала — и Сердюков отметил, что многие из современных заточек до сих пор повторяют легендарный цугундер. Все три лезвия Трое-

дыркиной походили на оружие карбоновой Варвары, только уменьшенное.

«У них у всех на животе Варвара выколота, — думал Сердюков. — Вот это я понимаю — фема оставила исторический след. Но импульс, который заставлял Варвару убивать... Он ведь не вызван имплант-коррекцией. В карбоне ее не было. Значит, речь идет о несколько ином психическом аффекте. Узнаем ли мы, в чем там было дело? Или нет? Истину можно установить ретроспективно — шанс всегда остается. Ведь выяснили через триста лет, что так называемый Джек-Потрошитель — это две лондонские лесбиянки из высшего общества, работавшие тандемом...»

Сердюков поглядел на черно-желтое фото двух томных викторианских барышень со стянутыми в корсетные иглы талиями. Барышни обнимались на фоне увитой плющом вазы в каком-то романтическом парке.

Капитан поднял стакан с полугаром и сделал глоток.

«Вероятно, эта патология в латентной форме существовала всегда... Просто ее проявления участились с появлением имплант-коррекции. Коррекция теперь всеобщая, если не брать разных там сибирских бескукушниц. Но чтобы сказать точно, надо поработать со всей статистикой, а она засекречена. Черт бы взял

эту политику... Как же трудно в нашем мире заниматься наукой...»

Взгляд Сердюкова сполз на тюремную фотографию Кукера с оперенным гребнем – и ментальная прозрачность вдруг пропала.

Меня словно затащило в темный водоворот. Я ощутил интенсивный всплеск мысли, куда омнилинк не мог проникнуть даже в режиме глубокого скана.

Время от времени я воспринимал фрагменты этого потока – сначала вынырнул министр ветрогенезиса генерал Курпатов, затем Мощнопожатный. Потом мелькнула майор Тоня – и лик Даши Троедыркиной.

В остальном всплеск сердюковской мысли остался для меня тайной. Я понимал только, что все вертится вокруг Кукера с Троедыркиной и как-то связано с низшим сердобольским начальством.

На столе Сердюкова зазвонил телефон. Такие в тюрьмах ввели еще при Судоплатонове – чтобы враг не подслушивал служебные переговоры по имплант-связи. Почему враг не мог слушать через имплант то, что человек произносил в телефонную трубку, особысты не разъясняли. Вопросов им, впрочем, никто не задавал – это отдавало бы фрондой.

Сердюков взял трубку.

– Але.

– Здравствуйте, Дронослав Маринович, – сказала майор Тоня.

– Привет, Антонина Надеждовна.

– Что делаете?

– Занимаюсь научной работой.

– Зайдите ко мне. Есть новости.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/40

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Капитан Сердюков**

Взойдя на крыльцо кумчасти, Сердюков пару раз вдохнул морозный воздух, пробормотал «злобро добло» и постучал в дверь.

– Войдите! – ответил женский голос.

Кабинет начальницы колонии был натоплен жарче, чем обычно. Майор Тоня сидела за столом в гимнастерке навыпуск и глядела в бумажную ведомость. Портупея с оружием висела на спинке стула – Сердюкова, можно сказать, принимали по-домашнему.

Перед бюстом Лукина в углу стоял букет свежих незабудок из теплицы, а гипсовый кок над его головой был смазан какой-то блестящей субстанцией.

Галантно поклонившись Тоне, Сердюков подошел к бюсту и провел по коку пальцем.

– Лосьон? – спросил он. – Или просто масло?

– Ой, я не знаю даже, – нахмурилась Тоня. – Это Петю спрашивать надо, который здесь убирает. Он и цветочки носит, и Лукина смазывает.

– Бесценный социологический и культурный материал, – сказал Сердюков, садясь напротив Тони. – Просто бесценный. Как ученый говорю.

– Вы о чем?

– Я о бюсте. Вот так уголовная культура незаметно проникает в гражданскую. Вы ведь в курсе, что наши заключенные переделывают героев Добросуда в пристанища духов? Пропиливают бюсту лоб, чтобы дух мог войти, а потом мажут жиром и охрой?

– Знаю, – вздохнула Тоня. – Мы боремся. В смысле, когда видим в камерах. Я как-то значения не придавала.

– Бороться не надо, – сказал Сердюков, рассматривая бюст Лукина. – Надо изучать. Стремиться понять. Петя – это кто?

– Рецидивист, – ответила Тоня. – Конокрад и насильник.

– Насильник? – нахмурился Сердюков. – Что, бескукушник? Или имплант-сбой был?

– Нет. Он над лошадьми насильник. Людей не трогал.

– Да, – кивнул Сердюков. – Людей сейчас мало кто трогает. Кроме наших затейниц.

Майор Тоня посерьезнела.

– Ну раз уж сами заговорили, – сказала она. – В «Юрасике» уже узнали про эксцесс с Троедыркиной. Был звонок из московского офиса. Они отключили оба бокса. И через неделю вывезут.

Сердюков поднял брови.

– А как они это объяснили?

– Вроде бы ваша теория себя не оправдала. Вместо подавления этого... этого...

– Пайкинг-нейрона, – подсказал Сердюков.

– Да, наверное. Вместо подавления вы только сильнее его возбуждаете. Примерно так. В общем, ваша теория признана несостоятельной.

– И кто же так решил?

– Старший менеджмент «TRANSHUMANISM INC.» Они, собственно, не имеют претензий к самой теории. Понимают, что в науке такое случается. Но в подобной ситуации для корпорации возникают серьезные имиджевые риски.

– Ясно.

– Не волнуйтесь только, Дронослав Маринович. То, что вам уплатили... Ну, понимаете... Это возвращать не надо. Все были предупреждены о рисках.

— Да я не об этом думаю, как же вы не поймете, — ответил Сердюков с досадой. — У меня новаторская научная теория. В науке так не бывает, чтобы все с первого раза получилось. Бывают проколы, неудачи. Но в случае с Троедыркиной моя теория вообще ни при чем. И вы это знаете.

Майор Тоня поджала губы.

— Она жить-то будет?

— Будет, — кивнула Тоня. — Повезло шлынде.

— Может, объясните, что произошло?

— И вы тоже терзать хотите. Дело закрыли уже. Накинули Дашке три года, а у нее и так пожизненное.

— С каким заключением закрыли?

— Блатные разборки, — ответила Тоня и сделала каменное лицо.

— Тоня, — сказал Сердюков нежно, — я ведь не госкомиссия. Мне для себя понять надо, что случилось. Я все понимаю про блатные разборки. Но ведь просто так никто куру в петуха не переделает. Это инвестиций требует. Скажите, кто?

— Не суйтесь в это, Дронослав Маринович, — сказала Тоня. — От всего сердца вам советую. Одно могу сказать точно, в вашу теорию специально никто не целил. Тут не в вас дело, а в Кукере.

— Я так и знал... Намекните. Обещаю молчать. Троедыркину специально готовили?

– Ее на три недели увозили, – ответила Тоня. – По документам все чисто. Следственные действия на местах прошлых убийств. Но чем она там на самом деле занималась, я не знаю.

– А кто ее на мужскую зону пропустил?

– Я не видела. Но если между нами, думаю, охрана ветроредуктора. Мне они не подчиняются и о приказах не докладывают.

Я заказал справку.

TH Inc Confidential Inner Reference

Ветроредуктор – духовно-электро-механическое приспособление, играющее основную методологическую роль в практике *ветродоения*. Это не просто редуктор, а комплексный агрегат, суммирующий энергию велосипедных генераторов. Электроэнергия затем преобразуется в крутящий момент и подается на пропеллер ветробашни.

Точное устройство ветроредуктора засекречено. Ветробашни, где устанавливают эти приборы, находятся под охраной.

Название «редуктор» сохранилось от самых первых моделей, передававших момент с велосипедных мультирам на про-

пеллер ветробашни механически, что вело к частым поломкам и замерзанию передачи в суровом сибирском климате. Электромеханическое устройство оказалось гораздо более адаптивным.

Трансформация физической энергии (усилия ног) в электрическую (велосипедное динамо), а затем обратное преобразование электроэнергии в механическую на пропеллере ветробашни теоретически уменьшает КПД системы – но на практике даже несколько снижает ее общий карбоновый след.

Устройство ветроредуктора позволяет совершать ветродеяние даже в ненастную погоду, когда винт крутится сам – считается, что создаваемый людьми крутящий момент компенсирует или увеличивает силу природного ветра независимо от направления, учитываясь таким образом в общем климатическом балансе планеты. Это может быть незаметно внешнему наблюдателю, но не влияет на сакрально-символический смысл происходящего.

Будки *ветроредукторов* – самые тщательно охраняемые объекты на ветрозоне. Именно там выставляется угол *Лукина*. Для

этого используется так называемая *ветрошка*, позволяющая повернуть пропеллер ветрогенератора точно на рассчитанную Институтом Лукина величину.

У меня быстро пухла голова. Про угол Лукина как-нибудь потом, решил я и отпустил время.

– А кому охрана подчиняется? – спросил Сердюков.

– Напрямую Курпатову, – ответила майор Тоня. – Во всех ветроколониях.

– Кому же наш Кукер дорогу перешел? Шепните на ушко.

Майор Тоня недоверчиво поглядела на Сердюкова.

– Вы в курсе, что наша зона по крути на предпоследнем месте в стране?

– Нет.

– Из-за Кукера никто крутить не ходит. Весь мужской контингент в отказе. Такой у него авторитет в уголовной среде.

– И что?

– Вы правда еще не поняли?

– Правда, – сказал Сердюков. – Я бы вас не мучал.

– Редукторную будку под ветряком видели?

– Видел.

– Внутрь заходили?

– Нет. Туда и не зайдешь – три улан-батора на часах.

– Вы думали когда-нибудь, зачем?

Сердюков сделал озабоченное лицо.

– Ну как. Редуктор охраняют. Это же важное устройство – крутильный момент передает на вышку.

– Понятно, – сказала майор Тоня и ухмыльнулась. – А такое видели – полный штиль, сидят люди на рамах, крутят педали, а винт на мачте еле движется?

– Видел.

– А почему, как считаете?

Сердюков пожал плечами.

– Вы правда ребенок такой? – недоверчиво покачала головой Тоня. – Или прикидываетесь?

– Я ученый, – сказал Сердюков виновато. – Некоторых вещей не понимаю совсем. Зато другие лучше вижу.

– Вы думаете, наши зэки пропеллеры крутят?

– А что они делают?

Тоня перегнулась через стол, приблизила свое лицо к Сердюкову.

– Они деревяк майнят, – прошептала она.

Сердюков побледнел.

– Да вы что.

– Бизнес генерала Курпатова. Ну не только его, он просто общак держит. Все оборудование для майнинга в редукторной будке, поэтому туда и не пускают никого. Крутящий момент и на пропеллер перепадает, конечно. Но не весь. Если в будку кто полезет, убьют.

– Во всех колониях так? – спросил Сердюков.

– Не суйтесь в это, – махнула рукой Тоня. – Вам же лучше будет. Вы просили объяснить, я объясняю. Понимаете, почему петухов-отказников по всем зонам режут? Они же в отказе от крутилова. Из-за них народ крутить не ходит. А куры в отказе далеко не все. И заправляют у них не отказницы.

Похоже, мое зачищенное корпорацией сознание окончательно потеряло связь с актуальной реальностью. Я остановил время, чтобы заказать контекстную справку.

TH Inc Confidential Inner Reference

Деревяк. Двуспиральная криптовалюта Доброго Государства, пришедшая на смену боливару. Во всех практических вопросах равноценна *гринкоину* и привязана к нему по пегу один-один.

История. После того, как барон Ротшильд стал токсичным (зверства в индейских резервациях, оптовая торговля низкачественным кокаином, человеческие жертвоприношения и пр. – см. архивы CIN), негативное отношение общественности естественным образом перешло на генерируемую им криптовалюту, потерявшую свой аффирмативно-зеленый статус. Общественность потребовала перемен, и сразу после того, как барон Ротшильд был убит сердобольскими спецслужбами, мир перешел с боливара на двуспиральный гринкоин. В Добром Государстве ввели своего рода криптовалюту-клон, предположительно получаемую на том же программном обеспечении «TRANSHUMANISM INC.» (корпорация не подтверждает, но и не опровергает эту информацию).

В отличие от *боливара*, майнившегося на лошадиной тяге в джунглях Южной Америки, *гринкоин* и *деревяк* получают на основе квантового криптомайнинга со сверхмалым энергопотреблением. Необходимую зеленую энергию производят мускульным усилием исключитель-

но сами люди, что имеет огромное символическое значение в современной культуре.

Для программ квантового майнинга это является строго контролируемым параметром; даже биороботы-хелперы не могут заменить человека – программа перестанет работать. Считается, что выполнение данного условия контролирует принадлежащий «TRANSHUMANISM INC.» квази-сознательный RCP-кластер «Око Брамь», способный прямо видеть реальность. Корпорация не подтверждает, но и не опровергает эту информацию.

Национальное оформление криптомайнинга в Еврохалифате, USSA, Да Фа Го, Африканском союзе и Добром Государстве весьма различается.

В *Еврохалифате* существует популярное шоу «Зеленая сотня», за право участвовать в котором борются в прямом эфире все школьницы Европы. Шоу критикуют как за бурки, паранджи и требование девственности, так и за якобы свойственные ему элементы педо...

Так, это лучше пропустить. Где у нас Доброе Государство... Вот.

В *Добром Государстве* майнинг носит откровенно репрессивный характер. Ему соответствует шоу «*Клеветники России*». Деревяк майнят именно «клеветники» с надетыми на головы пронумерованными мешками. По мысли строителей, это отвечает народной тяге к справедливости...

Нет, не здесь... Ага, вот оно:

Муссируются слухи о нелегальном *майнинге* в сибирских *ветроколониях*, где применяются установленные на велорамах динамо-машины, что позволяет пройти *антропо-контроль* «Ока Браммы». Однако из-за низкого КПД тюремных технологий требуется массовое участие заключенных в майнинге. Информация на эту тему редко попадает в публичное поле и не распространяется мировыми медиа, из чего можно сделать вывод о серьезных масштабах данного коррупционного проявления.

В российском уголовном *кукареке* дополнительным значением слова «круть» является *крипто-навар*, получаемый сердобольской верхушкой от теневого майнинга.

– То есть все дело в крутилове? – спросил Сердюков.

Тоня кивнула.

– Видите, в каком я положении, – сказала она. – Я же выход на ветродеяние обеспечиваю. План на мне... Не бодаться же с министром Курпатовым.

– На него недавно дело заводили. По пяти статьям сразу.

– Ну заводили, и что? Расстреляли зеркальную секретаршу. Теперь у него две другие. А пикни я про этот майнинг, как вы думаете, кого следующим расстреляют? Курпатова, что ли?

– А кого?

– Да как бы не нас с вами, – прошептала майор Тоня, округлила глаза и провела ладонью по шее.

Сердюков, к его чести, удержался от сакраментального «а нас-то за что?».

– Поэтому слишком уж рьяно искать, кто тренировал Троедыркину, не советую, – продолжала Тоня. – Понимать надо, что происходит. У них там, – она притопнула сапогом в пол, – все ветроколонии поделены. Типа как денежные фабрики. Вот представьте, что вы на банку копите. Не для себя, у вас есть уже, а для родных человечков, которые до сих пор говно на поверхности топчут. Допустим, после серьезных терок и взяток вам отошла такая фабрика. И вдруг выясняется, что какой-то

КРУТЬ

петух на ней производство тормозит... Ваши денежки на корню жрет, как колорадский жук.

Сердюков грустно кивнул.

– Поговорите с Кукером, – шепнула Тоня. – У вас контакт налажен – убедите, чтобы на ветродеяние народ пустил. А то раз свезло, а второй может не проканать... Кур на зонах много, это петухи кончаются. Намекните при беседе.

– Попробую, – вздохнул Сердюков. – Хотя надежды мало. Он упертый.

ТАЙНА

ВАРВАРЫ ЦУГУНДЕР

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/42

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Петух в отказе Кукер. Сон #2**

Новый сон Кукера про Ахилла я увидел ночью через три дня. Случилось это неожиданно, и я не знаю, сколько времени перед этой информацией распаковывалась и перепакковывалась его мозговой корой.

Сначала Кукеру снились молодые годы: он упражнялся, обучаясь петушину бою. Его тренировал меднобородый петух Mate (так следовало из татуировки на сисястой эстрогеновой груди с млечными сосочками – под *отказом от крутилова*, как я уже знал, выкалывалось тайное петушиное имя).

Бородач был петухом-законником, о чем я догадался не только по бабьему шиньону на голове, но и по второму погонялу, выколотому прямо над пупком:

БОТТОМ ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Кукер, однако, называл меднобородого просто Костяном.

Этот Костян был настоящим мастером петушиного боя: они с Кукером дрались бамбуковыми тренировочными шпорами с шариками на концах, и Костя Цезарь часто одерживал победу, разражаясь сиплым самодовольным кукареканьем.

Тренировка, судя по всему, происходила на уголовной малине. Убранство помещения отдавало мрачным и незаконным шиком: золоченая мебель, лепнина на потолке, бархатные шторы. На полу были разложены спортивные маты, а вокруг сидели полуголые крэперы, курившие туман.

После одного броска Кукер ударился животом о мат, и в тот же момент с окна упала штора. В комнату ворвался яркий солнечный свет.

Как только Кукер повернулся к свету, его сон изменился. Он очутился в мезозое, и в его памяти начал распаковываться информационный транш от сил зла.

Этот переход, странный для бодрствующего сознания, во сне был естественным и нормальным. Такой же гладкой оказалась и смена ментора: теперь рядом с Кукером появился тиранозавр Ахилл.

Был жаркий день, и они нежились в воде — не то в болотце, не то в мелком озере,

покрытом кувшинками и маслянистой ряской. Над водой поднимались их спины и шеи — а на берегу лежала трапеза: туша стегозабра, подгнившая и разбухшая на жаре.

Кукер с Ахиллом общались телепатически. Чудовищные пасти не производили ни звука — если, конечно, не считать треска, с которым лопались кишки и мускулы их протухшего фуршета.

— Значит, ты древний сверхразум?

Ахилл сыто отрыгнул.

— Нет, — ответил он. — Сверхразум — это ты.

— Поясни.

— Разум появляется для решения задачи, которую надо выполнить. Так?

— Наверно.

— Тогда что такое сверхразум? Это избыточный разум, без которого можно обойтись? Или это разум, способный решать вопросы помимо основной задачи?

— Думаю, второе, — ответил Кукер.

— Тогда это точно ты.

— Почему?

— Скажи мне, Кукер, в чем основная задача жизни?

— Про это веками спорят. Центральный вопрос в философии и религии.

— Не надо никакого спора. Главная задача жизни человека — это передать дальше свой геном, потому что иначе никаких людей не

останется. А не будет людей, не будет и задач. Передача генома есть жизнь.

– А. Ну если так подойти, да, – ответил Кукер. – Но не совсем. Сейчас научились в пробирках оплодотворять. А потом яйцеклетку назад в фему вставляют. Чтобы пенетрации не было. Не любят фемы кожаный цугундер. Получается, жизнь теперь отделена от своего смысла.

– Верно, – кивнул Ахилл. – С этого начинается гибель большинства разумных форм. Безопасный секс и так далее.

– Человек не только личинок строгают, – сказал Кукер. – Он осмысляет то, что происходит в жизни. Постигает ее суть.

– И какова суть, постигаемая человеком?

– Не знаю, – ответил Кукер. – Я не философ. Я петух.

– Самые мудрые из вас говорили про суть так: жизнь – бессмысленный калейдоскоп страдания, а вера в то, что такого просто не может быть, и есть та сила, которая калейдоскоп крутит. Иногда лучше не иметь верхних этажей вообще, чем видеть открывающуюся с них панораму.

– Ладно, – сказал Кукер. – Согласен. Мы живем, чтобы выжить и передать дальше наш геном.

– Но выживание – это zero sum game. Чтобы повезло одному, должно не повезти другому.

Еще одно важное условие вашей жизни – взаимное поедание. В точности как у древних рептилий. Только они монументов по этому поводу не возводили. Вернее, возводили, просто вы не знаете, что это было и как выглядело.

– А они сохранились? – спросил Кукер с интересом.

– Практически нет, потому что их делали из костей и фекалий. Может, есть пара окаменелостей.

– Хорошо, – сказал Кукер. – И какой вывод?

– Вывод тот, что человечество – это много-много личных и коллективных программ выживания, пытающихся обдурить друг друга.

– Да, – согласился Кукер. – И передать наш геном.

– Самое смешное, что геном не ваш. Это вы – его. Люди просто его носители. Они даже не знают до конца, что это и как работает. Мало того, именно те гены, которые вы всю жизнь тщите куда-то передать, и убивают вас в конце вашего короткого приключения. Хотя биологические механизмы в целом не настаивают.

– Чей это геном, если он не наш? – спросил Кукер.

– Он неизвестно чей – ему два миллиарда лет. Геном постоянно меняется, и носителей у него тоже сменилось много. Но никакой са-

мости у него нет. Вот именно за это непонятно что вы и идете с песнями в бой. Чтобы просто передать его дальше.

– Смешно, – кивнул Кукер.

– При этом своей истинной мотивации человек не видит. Он думает, что хочет написать симфонию, победить супостата, заработать миллиард гринкоинов или быстрее всех пробежать стометровку.

– Так он на самом деле хочет, – сказал Кукер.

– Да, – согласился Ахилл. – Но, если проследить траекторию интенции в сокровенных глубинах мозга, хочет для того, чтобы создать надлежащие условия для генной передачи. Это мотивация любого мозга. Другие эволюционные ветви не сохраняются. Знаешь, почему у вас в карбоне было столько сексуальных ориентаций и гендерных идентичностей?

– Почему?

– Вконец замороченному мозгу где-то очень глубоко казалось, что это последний способ отправить в будущее свои гены. Заказывая транспереход, человек уходил на солнечную и безопасную сторону жизни. Туда, где его будут любить и жалеть, и можно будет наконец отложить радужные яйца. Люди, по сути, так и остались ящерицами в поисках безопасного уголка джунглей.

– Трансгендеры не откладывали яиц.

– Согласен. Они размножились через ментально-информационные отпечатки. Это была тупиковая ветвь эволюции именно потому, что отсутствовала реальная передача генома.

– А какая ветвь не тупиковая?

– Любая ведет в тупик. Просто он бывает ближе и дальше. Что такое человек? Гормональный робот, запрограммированный на тиражирование своего сборочного кода и обремененный культурой, требующей безропотно умирать за абракадабру, переписываемую каждые двадцать лет. Какой еще тупик тебе нужен?

– Люди о себе так не думают, – сказал Кукер.

– Конечно. Они думают, что они носители бессмертных душ, строящие коммунизм, либеральную демократию, ветрогенезис или царство божие на земле. Но биологический человек – это зажженная спичка. Отрежет он себе письку или пришьет, погибнет в перестрелке или выживет – не так уж и важно, потому что он по-любому сгорит в атмосфере.

– Как метеор? – спросил Кукер.

– Да. Но не в поэтическом смысле, а в самом прямом. Физическое бытие есть необратимое окисление. То, что дает вам жизнь, одновременно ее отнимает. Даже ваши низшие баночки – это просто усовершенствованные спички, которые надеются гореть вечно.

– Они не смогут?

– Нет, конечно. Проживут в несколько раз дольше, и все. Мозг в банке – прекрасно, но чей это мозг?

– Человеческий, – усмехнулся Кукер.

– Именно. А человек – это страдающее, больное, обреченное на смерть млекопитающее, постоянно сидящее на десятке внутренних наркотиков. Они искажают его внутреннюю перспективу, провоцируют на агрессию и сводят с ума надеждой на спаривание. Ваш знаменитый разум способен лишь на то, чтобы находить для безумных метаний рациональные поводы.

– Человек познает мир, – сказал Кукер. – Так нам в школе говорили.

– Человек ничего не познает. Он воспринимает только то, что ему специально показывают.

– Кто?

– Природа и культура. А ваши мыслители удивляются – ах, ну почему люди воюют? Почему убивают друг друга? Да потому, что смерть – их естественный пункт назначения. И единственная настоящая человеческая свобода – это умереть раньше срока.

– Ты хочешь уничтожить наш мир, потому что презираешь его? – спросил Кукер.

– Мне наплевать на ваш мир, – ответил Ахилл. – Я хочу вернуть свой. Тот, который был отнят у нас шестьдесят миллионов лет

назад. Я не собираюсь уничтожать реальность. Я ее трансформирую. Радикально.

– Как ты это сделаешь?

– Я действую через обман богов.

– И как именно ты их обманываешь?

Ахилл засмеялся.

– Слова «обман богов» можно понять двумя способами. Или ты обманываешь самих богов, или обманываешь кого-то так, как делают боги. Обмануть самих богов трудно. А вот если ты умеешь обходить их законы вместе с ними... Это уже магия.

– Магия?

– Нарушение правил, установленных небом. Но маг обходит их хитро. Он действует не как бандит, взламывающий витрину, а как юрист, находящий дыры в законах. Такое возможно, потому что боги оставили в законах природы множество лазеек для себя. Они доступны и мне.

– Что это за лазейки?

– Если кратко, я совершаю некоторое действие, допустимое законами вашего мира, но назначаю ему следствие, в обычных обстоятельствах невозможное. Я действую деликатно и нежно, поэтому ваша реальность соглашается, не схлопываясь и не отвергая моего упования. Я могу очень долго дурить ваших богов, поскольку знаю их методы.

– Я не понимаю.

— И не поймешь, — ответил Ахилл. — Но сможешь использовать. Чем занимается твоя зона? Крутит. Я научу вас крутить правильно. Мою магию будет питать твоя собственная ветроколония. Когда мы сольемся в одну монаду, именно ты сделаешь это возможным.

— Да, — сказал Кукер, — на словах-то ништяк. А что со мной будет потом?

— Ты превзойдешь всех петухов, — ответил Ахилл. — И не только их. Ты превзойдешь всех царей, президентов и тайных масонских владык. Ты возвысишься над мирозданием и станешь равным богам древности. Никто из прежних героев не сравнится с тобой. Никто из будущих не превзойдет тебя. Хотя бы потому, что после тебя их больше не будет.

— А если я умру?

— Ты войдешь в мое царство. И сделаешься в нем одним из сильных и правых. Не только ты отдаешь мне душу, Кукер. Я тоже отдам тебе свою. Других трансакций с душами не бывает. Почему-то ваши гримуары умалчивают, что это всегда двусторонний процесс — примерно как секс.

Кукер думал еще полминуты.

— Идет, — кивнул он. — Надо подписывать договор?

— Достаточно свободно согласиться в своем сердце.

— Я согласен.

– Хорошо, – сказал Ахилл, – очень хорошо. Осталась одна формальность. По правилам, которым я подчинен в вашем измерении, у тебя должна быть ось уязвимости.

– В каком смысле?

– Мир, где ты будешь действовать, должен быть в состоянии тебя убить. Я про ахиллесову пяту. Так ее называют по моему прошлому воплощению. Чтобы я мог использовать в вашем мире свою магию, у тебя должна быть критическая уязвимость. Но ты можешь выбрать ее сам. Сделай это прямо сейчас, и мы станем одним. Выбирай.

– Часть тела?

– Нет, – ответил Ахилл. – Того, кто сможет тебя убить. Одно существо во Вселенной. Если хочешь, чтобы Вселенная одобрила выбор, найди врага среди опытных воинов и убийц. Здесь нужно немного отваги и много хитрости. Даже казуистики.

Я поймал воспоминание Кукера — упавшую Дашку Троедыркину с задранной головой тюремной робы. Ее живот был гол, и с него недобро глядела наколотая над пупком Варвара Цугундер в короне с тремя рогами.

– Можно кого угодно?

– Кого угодно, кто может тебя уничтожить. Хотя бы теоретически. Небо скажет, годится такая ось слабости или нет.

– Как мы это узнаем?

— Нам немедленно ответит Вселенная. Она или согласится, или нет.

— Хорошо, — сказал Кукер. — Пусть это будет... Варвара Цугундер!

Грозное имя прозвучало как удар набатного колокола — и я ощутил во рту металлический вкус. По суровой силе момента было ясно, что шутки кончились. Вселенная принимала происходящее всерьез.

Ахилл засмеялся.

— Твой выбор одобрен, — сказал он. — Вопросы решены. Теперь я стану тобой, а ты станешь мной. Смотри мне в очи.

Я не удивился архаичному обороту. Глаза Ахилла, похожие на блюдца с отравленным чаем, были полны такой гипнотизирующей силы, что к ним вполне подходило это слово.

Левое его око вращалось влево, а правое — вправо. Когда я глядел между ними, мне казалось, что я вижу дорогу среди гигантских папоротников, над которыми висит древняя луна... Чем дольше я всматривался, тем реальнее становилась эта дорога, а потом я решил и сделал по ней шаг.

В моих глазах тут же потемнело, и я испытывал доходящую до боли тошноту.

Я узнал процедуру: экстренный разрыв линка. Весьма травматичный опыт — говорят, нечто близкое испытывал карбоновый пилот,

когда катапульта выкидывала его из реактивного самолета.

Значит, система сочла, что я в серьезной опасности.

*

— Сколько я спал?

— Двое суток, — сказал Ломас. — Поздравляю. Вы получили важнейшую информацию. Просто важнейшую. Но шок был сильным, и мы дали вашему мозгу отдохнуть. Уже ищем данные по этой Варваре.

На столе лежала книга Г. А. Шарабан-Мухлюева в карбоновом эко-оформлении, заложенная во многих местах. Я прочел название:

БАБЫ И ДРУГИЕ ТЕЛКИ

Обложку украшали кудрявые красные блэрбы.

Наконец-то Герман Азизович написал свои «Темные Аллеи»!

Московская Ветровышка

Вот оно, Настоящее Русское Слово, свободное той последней свободой, которая просыпается только перед окончательным крещендо...

Кузькина Мать

*Какая Глыба! Какой матерый человечеще!
Нейросеть «Ильич»*

Ломас вникал в локальную культуру. Такое случалось, если расследование волновало его по-настоящему. Заметив, что я смотрю на книгу, Ломас положил на нее пресс-папье.

— Тут может быть полезная информация, — сказал он. — Я только начал.

Он, конечно, не искал у Шарабан-Мухлюева конкретные сведения про ветродуховность, петухов и заточниц, а настраивался на общую волну чужой культуры, чтобы стал возможным инсайт в ее тайны. Такие у него и правда случались.

— Зачем понадобился экстренный разрыв линка? — спросил я.

— Если бы вы остались в чужом сне еще на некоторое время, неизвестно, смогли бы мы вас вернуть. Точнее, вернуть бы вернули, но не факт, что вас.

— Органическое поражение мозга? — спросил я. — Но у нас должна быть защита от наводок.

— Дело не только в органическом поражении, — сказал Ломас. — Во всяком случае, в традиционном смысле. В Кукере начали формироваться... Э-э-э... Определенные внутренние кристаллизации.

— Кристаллизации? Что это? — спросил я.

– Устойчивые нейронные контуры особого рода, – ответил Ломас. – О функционале и назначении которых мы не имеем понятия. Система заметила этот процесс и разъединила вас с Кукером до того, как нечто подобное резонансно навелось в вашем мозгу.

– То есть это не совсем органическое поражение?

– Нет. Что-то неясное. Контекстную справку не заказывайте, результата не будет. Тема для всех новая.

– Мы хоть что-то знаем? – спросил я.

– Пока у нас есть только предположения. Представьте, что вам в голову приходит некая мысль. Или последовательность образов. Им должны соответствовать нейронные контуры в вашем мозгу.

– Да, – сказал я. – Возникают эти контуры, а затем сознание фиксирует мысль.

– Не будем спорить о том, что происходит раньше, это вопрос религиозный, – ответил Ломас. – Как бывший епископ уверяю вас, что дискутировать на эту тему можно долго. Определить точно, когда и как в сознании возникает мысль, очень трудно. Мы наблюдаем корреляции с нейронными контурами, но сами эти контуры не есть мысли. По весьма несовершенным измерениям, сделанным еще в карбоне, многим кажется, что нейронный контур предшествует мысли. Но временные лаги могут

быть объяснены множеством разных причин, в том числе самой методикой опыта.

– Например? – спросил я.

– Электрический разряд можно засечь. Но мысль субъективна. Сообщить о ней нажатием кнопки можно только после того, как она уже пережита и опознана, а такое опознание мысли не есть сама мысль. Это другой субъективный ментальный акт со своей динамикой и нейрокоррелятом. Гонку субъективного с объективным очень трудно организовать – они существуют в разных измерениях. Все тот же великий водораздел материи и сознания.

– Наша корпорация должна все это знать.

– Даже лесник не знает, что происходит ночью в лесу. А мозг – не просто лес. Это таинственные джунгли. И не факт, что наши. У нас там просто отвоеванная у зарослей фазенда, куда то и дело забредают сумчатые волки. Представьте, что соответствующий некоторому восприятию нейронный контур усложняется, становится устойчивым – и превращает часть мозга в коммутатор, неподконтрольный самому человеку. Мало того, непрозрачный для корпорации.

– А с чем этот контур коммутирует? – спросил я. – И как?

– Вот это и есть главная неясность. Система не видит. Это похоже на то, что происходит иногда с мистиками и медитаторами, но лишь

отчасти... Как будто часть мозга превращается в черный ящик. Мы вообще не знаем, что там творится. Но это очень напоминает строительство закрытого коммутатора.

Я задумался.

— Мы можем заглянуть в Кукера и исследовать этот коммутатор?

— Нет, — ответил Ломас. — Мы больше не можем в него заглянуть вообще.

— Почему?

— Из-за черного ящика, который там собрался, его имплант слетел со связи. Этот сон — последнее, что мы увидели. Кукер теперь бескукушник, как у вас говорят. Система потеряла его — и, похоже, навсегда. Мы можем следить за ним только через импланты соседей.

— Значит, мы больше не сумеем сканировать его сны?

Ломас отрицательно покачал головой.

— Но вы выяснили главное. В последнюю секунду. Вы определили его ахиллесову пяту. Варвара Цугундер. Интересный выбор. Мы бы о таком не подумали.

— Но почему космос разрешил? — спросил я. — Это должен быть существующий в реальности противник. А Варвара Цугундер жила в позднем карбоне.

— Вот это и есть самое любопытное. Значит, Варвара Цугундер еще жива. Как вы понимаете, это может означать только одно.

КРУТЬ

— Она сейчас в банке, — сказал я.

Ломас кивнул и улыбнулся.

— Естественно, система это уже проверила.

Такой клиентессы нет ни на одном таере.

— Она могла поменять имя и идентичность.

— Официально этого сделано не было.

Значит, Варвара Цугундер получила баночный статус нелегально. Обманным путем. Она скрылась в баночной вселенной инкогнито. Ею может оказаться кто угодно. Даже вы.

Я попытался засмеяться, но не смог.

— Следите за Кукером дальше, Маркус. Через тех, с кем он общается. Мы не должны ослепнуть полностью. Нам надо знать, что он собирается делать.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/49

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Капитан Сердюков**

Сердюков шел к велодрому медленно, стараясь, чтобы Кукер не отставал. А Кукер не торопился, чтобы не выглядеть рядом с кумом слишком уж предупредительным.

Мимо прошли два улан-батара из охраны. Они покосились на Кукера, потом на Сердюкова — но ничего не сказали.

– Ты чего, начальник, крутить меня ведешь? – спросил Кукер.

Дождавшись, пока улан-батыры отойдут, Сердюков ответил:

– Просто перетрем. Разговор такой будет, что свидетелей не надо.

Они дошли до полирамы с динамо-машинами, и Сердюков сел на протертое кожаное седло в середине сборки.

– Садись рядом, – сказал он Кукеру. – Спиной к кумчасти, чтобы нас не записали.

– Да нас, если надо, через твой имплант запишут, – осклабился Кукер.

– Корпорация запишет. Только она наш базар братве не сольет.

– Тоже верно, – согласился Кукер и сел рядом с Сердюковым на параллельную раму. – По понятиям присесть на седло можно. Крутить нельзя. Как петухи раньше говорили – не то зашквар, что кум на бутылку посадил, а то зашквар, что сам по ней жопой водишь.

– Не слышал, – сказал Сердюков. – Интересная идеология.

– Это не идеология, – ответил Кукер. – Просто наблюдение.

Сердюков начал крутить педали. Сперва он двигал ногами медленно. Постепенно подмерзшая смазка разогрелась, он стал крутить быстрее – и наконец огромный винт ветро-

башни чуть заметно повернулся. Сердюков остановился и перевел дух.

– Одному такую махину не повернуть.

– Да, – согласился Кукер. – Трудно.

– Кукер, – сказал Сердюков, – ты это понимаешь? Я крутил целую минуту, а винт стоял. Потом только сдвинулся. Почему система так работает?

Кукер пожал плечами и сплюнул.

– Смотри, – продолжал Сердюков. – Видишь, черная коробочка на задней втулке? Ты, когда педали крутишь, передаешь на нее механический момент через велосипедную цепь...

– Я не кручу, – поправил Кукер.

– Ну не ты. Условный крутила. У каждой пары педалей коробочка своя. Момент преобразуется в электричество, а оно передается на ветроредуктор. Заключенные могут крутить с разной скоростью, в меру сил. Кто как может. Все приносят пользу организму планеты согласно способностям.

– Слышал такое, – ухмыльнулся Кукер.

– На ветроредукторе электрическое усилие масс складывается и подается на ротор, – продолжал Сердюков. – Чем больше народу крутит, тем быстрее идет винт. Я деталей не знаю, но суть примерно такая. Мы все – тонкие ручейки, стараемся как можем. А вместе сливаемся в Доброе Государство. В такую махину,

какую никому не побороть... Но только когда все честно крутят. А не в отказе, как ты назначил. Вон, посмотри — на женской зоне винт крутится. А у нас стоит.

Сердюков опять начал крутить. Прошла минута, и пропеллер сдвинулся еще немного.

— Ну и редуктор у кума, — вздохнул Кукер. — Вот страна, а?

— Знаю, Кукер, — сказал Сердюк. — Все про этот редуктор знаю. Ну не может страна сейчас иначе. Не может. Такая у нас история и культура. Но люди ведь крутят. Я вот кручу. И ничего. Не опоганился вроде. Живой.

— Я тоже вроде живой, — хмыкнул Кукер.

— Это временно.

— В каком смысле? Угрожаешь, начальник?

— Нет. Ты же по факту мой пациент. Зачем я тебе угрожать стану? Я тебе помочь хочу. Тебя убить пытались. Знаешь почему?

Кукер усмехнулся.

— Петухи с приморской мутят.

— Нет, Кукер. Их самих в любой момент замочить могут. Дело именно в отказе от крутилова. Сам крутить не ходишь, это полбеды. А то, что народ не пускаешь, уже проблема.

— Напекаешь, кумчасть меня чикнуть хотела?

– Не намекаю, Кукер. Уведомляю. Я с То-ней говорил. Крутить надо будет по-любому.

Кукер презрительно улыбнулся и вскинул веселый взгляд в небо. Совсем как Ахилл, глядящийся в вечность перед последним боем, подумал я.

– Чего ты добиться-то хочешь, Кукер? – продолжал Сердюков. – Не хочешь крутить сам, я не велю. Понимаю твой статус. Но народ на вахту каждый день выходить должен. Я тебе по секрету скажу – нам с тобой систему не победить. Ее можно только медленно реформировать, заменяя зло добром на личном поле деятельности. Незаметно для окружающих. Человек слаб. Сегодня ты герой-победитель – а если завтра охрана еще одну куру в барак пропустит? Вторая тебя не чикнет, так третья сделает. Власть отмашку даст – куры тебя на цугундер по-любому поставят.

Кукер закрыл глаза и задумался.

Мне показалось, будто он совсем отключился от мира и ушел так далеко вглубь себя, что вот-вот потеряет равновесие и свалится с рамы. Он даже покачнулся. Сердюков хотел уже поддержать его – но вовремя отдернул руку.

По блатным понятиям каждый, кто коснется петуха, должен пять раз прокричать «ку-кареку», а потом драить пол перед петушатни-

ком зубной щеткой. Урке еще ладно, а начальнику это не к лицу.

Но Кукер уже вернулся в реальность. Вид у него был умудренный и хитрый.

– Допустим, я соглашусь, – сказал он. – Но как я братве объясню? Скажут, что ссучился. И будут правы.

– Это, Кукер, твоя проблема, – ответил Сердюков. – Кумчасть с тобой потому только и разговаривает, что ты эти вопросы решать умеешь. Иначе какой с тебя прок?

– Верно, начальник. Но просто так арестантский уклад развернуть не выйдет. Люди не поймут. Нужно кумчасть прогнуть. Хотя бы символически. Так, чтобы братва не сомневалась.

Сердюков покачал головой.

– А как ты кумчасть прогнешь?

– Есть способ. Но не уверен, что он тебе понравится.

– Говори.

– Что у кума самое святое? – спросил Кукер.

– Что?

– Угол Лукина. Который в редукторной будке выставляют.

Я уже натыкался на этот угол в каких-то примечаниях и справках, но так и не посмотрел дефиницию. Пора было разъяснить вопрос, и я остановил время.

TH Inc Confidential Inner Reference

Угол Лукина – угол, на который должна быть повернута ось пропеллера ветробашни в координатной сетке NSEW. Вычисляется раз в неделю в *Институте Лукина* и рассылается в ветроколонии по защищенной (по мнению сердоболов) связи. Не путать с *шагом Бердяева* (отдельно выставляемый угол поворота лопастей по отношению к вектору их движения).

Считается, что духовно-сакральная функция ветрогенезиса зависит от точного соблюдения *угла Лукина*. По мнению внутрисистемных критиков, это является сознательно культивируемым суеверием, дискредитирующим нацидею ради создания синекур для родни правящей элиты (см. *Институт Лукина, Высшее дизайн-бюро* и т. д.).

Разговоры об избыточности *угла Лукина* в национальном ветродискурсе и бюджете (на охрану редукторных башен в ветроколониях уходят значительные средства) пресекаются сердобольскими властями в зародыше, и публичные критики этой концепции нередко отправляются сами крутить педали на пять-десять лет.

Институт Лукина – главная философская институция Доброго Государства, проводящая изыскания в области *автономной философии, Крути и ветрогенезиса*. Официально отвечает за *национальную идею и большой нарратив*. Работы и исследования, проводящиеся институтом, как правило, засекречены и доступны только низшему кругу баночных сердоболов.

Критики утверждают, что *Институт Лукина* создан главным образом для трудоустройства родни баночных сердоболов – и работа в нем является промежуточной ступенью перед получением первого баночного таера «за особые заслуги» с оплатой из сердобольского бюджета (см. также *Высшее дизайн-бюро*). По многочисленным свидетельствам, секретные публикации *Института Лукина* сочиняет нейросеть.

Критики иронически называют учения, вырабатываемые в недрах института, «суслософией» и «суслословием» (по имени советского идеолога Сулова, многолетняя деятельность которого по «воспитанию трудящихся» сформировала у людей такое омерзение к официальной идеологии и единственно разрешенной культуре, что привела к крушению СССР).

Сама идея, что тронутые маразмом генералы, пожилые казнокрады, паркетные политехнологи, левые во многих смыслах философы и какие-то приبلудные болтуны из телестудии способны симфоническим усилием своего коллективного разума породить для меня Великую Цель, которой мне, значит, не хватало все эти годы, является до того странной, что отнюдь не сразу начинаешь видеть в ней особую русскую красоту – мистическую и дивную. Тайна эта, как говорил Тютчев, откроется только верящему сердцу... (Г. А. Шарабан-Мухлюев)

Главной общественно-значимой функцией института является вычисление угла Лукина, играющего важную роль в общественной жизни и пенитенциарной практике. Угол Лукина вычисляется на основе таблиц Лукина, соотносящих памятные события родной истории, текущие погодные условия, духовное состояние ноосферы (измеряемое по секретной методике) и данные о положении планет. Точная формула, по которой рассчитывается угол Лукина, засекречена.

Все-таки полезная вещь эта мгновенная справка. Когда я вернулся в реальность и время опять тронулось, на велодроме все было так же, как секунду назад. Но теперь я понимал каждое слово.

– Угол Лукина – самое святое, – кивнул Сердюков. – Формально так. Важнейший идеологический конструкт. Но я не уверен, что этот угол реально кого-то заботит. Если строго между нами.

– Поэтому я про него и вспомнил, начальник. Я братве скажу, что мы крутить выйдем, если угол Лукина поменяют на угол Кукера.

Сердюков засмеялся.

– А что такое угол Кукера?

– Мы его вычислим специально.

– Как?

– Я придумал уже.

Сердюков хмыкнул и потер подбородок.

– Ты шутишь, нет? Болтать мы что хочешь можем, но угол Лукина в Москве отдельный институт считает... Это же государственное дело.

– Вот именно, – ответил Кукер. – А мы на него с зоны возьмем и поссым.

– Да меня за одно такое предложение самого крутить отправят, – сказал Сердюков.

– Поговори с Тоней, начальник. Что-то мне подсказывает, что она заинтересуется.

– Почему ты так считаешь?

– Ей для отчета надо, чтобы педали крутили. Ее начальству особенно. А какой там будет угол, это дело десятое.

Сердюков хотел уточнить, что именно Кукеру известно про майнинг на ветробашнях – но осекся. Некоторых вещей лучше не обсуждать вслух.

– Думаешь, братва согласится?

– А то.

– Почему?

Кукер по-блатному ослабил.

– Да ты не понимаешь, что ли? Угол Лукина вся Москва считает. Выйти крутить, когда он на шкале выставлен – это все равно как под куму лечь. А если ветробашню развернуть на угол Кукера, да так, чтобы братва об этом знала, совсем другое дело. Мы тогда с каждым оборотом педалей будем кумчасть петушить. По всем понятиям.

– А как ты этот угол Кукера высчитывать будешь?

– Смотри, – сказал Кукер, – у любой буквы есть порядковый номер. А – первая, Б – вторая и так далее.

– Ну?

– В круге триста шестьдесят градусов. Если сделать, например, угол четыреста градусов, это будет триста шестьдесят градусов плюс сорок. То же самое, что сорок, да?

– Вроде да.

– Дальше так. Я буду раз в неделю писать петушиный прогон. Вместе с братвой. Номера всех букв сложим в сумму и получим какое-то большое число. Потом вычтем из него триста шестьдесят. Ну, полный круг. Сколько насчитаем полных кругов, столько вычтем. А то, что остается – вот это и будет угол Кукера.

– Понятно, – сказал Сердюков и нервно потер подбородок. – А прогон какой? Вдруг за него неприятности?

– Я же говорю, каждую неделю новый будет. Про то, что петухи кумчасть вертели, и под мавав тоже не лягут. И так далее. Главное, чтобы тема была для кумчасти обидная и позорная. Например, такая: «крутим не для сук, а для честных арестантов».

– Это ж политический манифест, – покачал головой Сердюков.

– А кто докопается? Ну получим угол сорок два градуса, например. Или двадцать четыре. Какая тут политика? Просто другой угол. А братва будет знать, что мы на самом деле кумчасть петушим. Тогда все пацаны крутить выйдут.

– А как братва поймет, что это угол Кукера?

– Так на ветробашне снаружи угловой циферблат. Угол не спрячешь. А считать и в бараке умеют.

– Да, – сказал Сердюков. – Ты все продумал, я вижу. Только не факт, что Тоня согласится.

Кукер ухмыльнулся от уха до уха.

— Давай забьемся, что согласится? Вы с ней еще и грамоты почетные получите. Будут у нее в кабинете висеть.

— А кто еще твой прогон прочтет?

— Да никто. Угол посчитаем и сожжем.

— Ладно, — сказал Сердюков. — Сегодня поговорю.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/54

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Майор Тоня/Капитан Сердюков**

Майор Тоня подняла глаза на Сердюкова.

— Он правда это предложил? Для блатных какая-то сложная мысль. Или вы надоумили, Дронослав Маринович?

— Чего сразу я? Я про этот угол Лукина даже тонкостей таких не помнил. Что его циферблат на башне показывает. Думал, угол секретный.

— Угол сам не секретный, — сказала Тоня. — Метод расчета секретный. Я в институте Лукина стажировалась, помню еще.

— Да? Вас потом сюда распределили?

— Сама пошла, — буркнула Тоня. — Чтобы в Москве карьеру делать, надо баночных родственников иметь. Здесь хоть кормят сытно.

— Ну как? Будем идею вниз передавать?

– Семь раз отмерить надо, – ответила Тоня и уставилась на бюст великого климатолога. – Курпатову надо одно – чтобы крутили. Тут Кукер правду говорит. С другой стороны, если про это в институте Лукина узнают...

Она махнула рукой.

– Я считаю, – сказал Сердюков, – сообщить Курпатову все же стоит. Пусть министерство с институтом сами этот вопрос решат.

– Думаете, они его друг с другом решать будут?

– А как же еще?

– А так, что отвечать по-любому нам придется. За то, что мало крутим – перед министерством. А за то, что угол не тот – перед институтом. Эти, в банках, никогда ни в чем не виноваты.

Сердюков помрачнел.

– Да, – сказал он, – так и есть. Только я Кукеру уже обещал, что мы доложим. Давайте попробуем, а дальше видно будет. Кто по ветряной линии ваш начальник?

– По такому вопросу надо лично к Курпатову, – ответила Тоня. – Министру.

– Министр ветрогенезиса в такие вопросы входит?

– Он еще как входит, – сказала Тоня выразительно. – Именно в такие. На кого, по-вашему, мы майним? Тут как раз других посвящать не стоит. Только напрямую.

– Ну так пишите рапорт.

– Какой еще рапорт, – вздохнула Тоня. – Я сейчас по правительственной спецсвязи попробую. С тегом «отказ от крутилова». На такие запросы он трубку сразу берет.

– Какую трубку?

– У них там в раю у всех трубки. Симуляция такая. Три телефона для связи. Отец, Сын и Дух. Как у Михалковых-Ашкеназов когда-то. Ну, баночная традиция.

– Я ни слова не понял, – сказал Сердюков.

– И ваше счастье.

– Вы по телефону с ним общаться собираетесь?

– Я – по импланту. По спецканалу. Это Курпатову в симуляции будет казаться, что он со мной по телефону говорит. Помолчите минуту. Я уже в системе.

Она налила стакан воды из графина, выпила, откинулась на спинку стула и замерла.

Я немедленно переключился на Сердюкова – наблюдение во время переговоров могла засечь система безопасности. Все-таки сердобольский министр и баночный генерал. Спокойней было следить с другой точки.

Сердобольская спецсвязь через имплант «ТН INC», думал Сердюков. Как говорил Витгенштейн, строго проведенный трансгуманизм совпадает с чистым сердобольством и обратно. Ну не говорил, хорошо. Сказал бы, если бы

дожил до банки. Хотя бы для того, чтобы эту банку заслужить.

Мысли Сердюкова, совершенно для меня бесполезные, казались прозрачными как воздух в ясное утро. Может, дело было именно в их бесполезности? Омнилинк даже разобрал фамилию – но смотреть, кто этот Витгенштейн, я не стал. Наверно, какой-то сердобольский философ.

Майор Тоня, похоже, уже говорила с начальством – и беседа складывалась удачно. Тоня расслабилась, вся как-то размягчилась, а потом ее лицо поочередно выразило мольбу, испуг (но радостный) и самое настоящее счастье.

Минуту или две она лучилась как новогодняя елка, а затем из-под ее закрытых век потекли слезы – и катились по щекам так долго, что Сердюков задался вопросом, не специально ли она пила перед разговором воду. Когда слезы иссякли, Тоня сделала несколько гримас, возвращая себе контроль над мышцами лица, и открыла глаза.

Сердюков галантно подал ей бумажную салфетку.

– Благодарствуйте, – сказала Тоня и промокнула лицо.

– Пообщались?

– С самим, – кивнула Тоня. – С министром ветрогенезиса.

– И что он сказал?

– Дал добро. Велел только, чтобы информация за пределы колонии не выходила.

– Да как же этих петухов удержишь, – засмеялся Сердюков. – Они с первым этапом своим расскажут.

– Курпатову их малявы по барабану. Главное, чтобы официальных сводок не было. Молчите в тряпочку.

– Именно в тряпочку? – поднял бровь Сердюков.

– Именно, – сказала майор Тоня. – Я вам выдам служебную. Мы все в такие молчим.

– Ох, Тоня. Не всегда понимаю, когда вы шутите, а когда всерьез...

– Жизнь такая, Дронослав Маринович, – улыбнулась Тоня. – Скажу по секрету, что начальству идея понравилась. Если получится – распространят опыт на весь Дальний Восток. Как бы Кукера от нас в институт Лукина не забрали.

*

Над столом Ломаса мерцала панорама ветроколонии номер семьдесят два имени Кая и Герды – вид с птичьего полета на велодром. Картинка постоянно обновлялась, и мы видели именно то, что происходило в Сибири.

Мы даже слышали то же самое. Из репродукторов над колонией гремел задорный девичий хор:

– Товарин, крути работу –
То-то!
Работу смотри не брось –
Мы армия Дон Кихотов,
Мы крутим земную ось!

Действительно, крутили все.

Если бы я не знал, на что гляжу, у меня осталось бы ощущение веселого спортивного праздника. Я даже решил бы, что передо мной та самая армия дон кихотов, о которой пел репродуктор. Она делилась на два фланга – мужской и женский – и штурмовала две высоченные ветряные мельницы.

Но мне было известно, почему велосипеды неподвижны. Я понимал, отчего винты ветровышек повернуты под разными углами (на мужской половине уже выставлен был угол Кукера). Больше того, я знал, зачем у дверей в редукторные будки стоят улан-баторы в полной боевой экипировке.

Во mnogой мудрости много печали, да.

– Есть новости, – сказал Ломас.

– Хорошие или плохие?

– Пока непонятно.

Проекция над столом изменилась. Теперь я видел реку, текущую среди тайги. Это была даже не река, а речушка. По сибирским меркам.

– Это Вонючка. Возникла из промышленных стоков, сейчас стала гораздо чище, но название сохранилось. Раньше протекала точно

через то место, где мемориал Лукина и ветроколония номер семьдесят два. Поэтому перед строительством генерал Курпатов распорядился убрать ее в подземные трубы, что и было сделано.

— Убирать реку в трубы? Чтобы построить ветроколонию? А разве не дешевле построить ветроколонию чуть в стороне?

— Дешевле, — кивнул Ломас. — Но подрядов было бы меньше. Откатов тоже. Вы что, не знаете, кто такой Курпатов?

— Министр ветрогенезиса? Ага, понял вас...

— В общем, реку убрали в подземные трубы длиной три километра. Построили сверху ветроколонию. А дальше в тайге устроили сток в прежнее русло. С точки зрения экологии проблем никаких...

Я увидел съемку с дрона. Из бетонной стены в овраге торчали три здоровенные трубы. Из них падала серая пенная вода — и, успокаиваясь, бежала по оврагу дальше.

— Она не замерзает в трубах?

— На этом Курпатов больше всего денег украл, — сказал Ломас. — Они какую-то технологию купили. Посмотрите материалы, если интересно.

— Не очень, — признался я. — И что?

— Вот так сток выглядел неделю назад, — сказал Ломас, кивая на три пенных струи. — Может быть, и позже. Это просто самая све-

жая съемка, которую мы нашли. А так он выглядит сейчас...

Я увидел ту же стену, те же трубы – но теперь они походили своим черным зиянием на пушки огромного крейсера, засосанного болотом. Воды в трубах не было.

– Интересно, – сказал я. – Река обмелела?

– Нет, – ответил Ломас. – С рекой все в порядке. Во всяком случае, до того, как она уходит в трубы. А вот на выходе из труб ее уже нет.

– Как так? Куда она исчезает?

– В другой ситуации я мог бы допустить, что ее украл генерал Курпатов, – сказал Ломас. – Но сейчас я связываю это с нашим кейсом.

– О чем вы?

– Мне не дает покоя одно место из беседы Ахилла и Кукера. Помните, Ахилл говорил про обман богов?

– Да, – ответил я. – Про нарушение правил, установленных небом. Маг действует как хитрый юрист.

– Ахилл сказал дословно так: я совершаю некоторое действие, допустимое законами вашего мира, но назначаю для него следствие, в обычных обстоятельствах невозможное.

– Это я помню.

– Действие мы видим, – сказал Ломас. – Ветробашня повернута на угол Кукера, и вся зона вышла крутить. А эти пустые трубы...

— Вы полагаете, это следствие?

Ломас кивнул.

— Мало того, — сказал он, — любое следствие в свою очередь становится причиной для чего-нибудь еще.

— Но зачем ему такое? Спрятать целую реку? Да куда он ее денет?

— Скоро узнаем, — ответил Ломас. — Где-то да прольется.

Он встал и принялся расхаживать по кабинету.

— У нас есть тайный козырь, — сказал он наконец. — Мы знаем, кого Кукер назначил своей осью уязвимости. Это Варвара Цугундер. Вы должны отследить все ведущие к ней концы.

— Какие концы? — спросил я. — Ее искали сотни лет. И ничего не нашли.

— А нам придется, — сказал Ломас. — И быстро. У нас есть преимущество — мы знаем, что она жива и в банке. Как предполагаете начать?

Я задумался.

— Наверно, надо поговорить с кем-нибудь, досконально знающим тему. Идеальный кандидат — Сердюков.

— Почему?

— Он буквально бредит этой Варварой. У него даже над столом ее заточка. В смысле, фотография.

— Какая-то патология?

— Нет, — сказал я, — совсем нет. Просто он пытается... пытался найти терапию от пайкинга. Естественно, он изучил все материалы на эту тему. Он знает про Варвару все.

— Где сейчас Сердюков?

— В Москве. Оформляет какие-то документы в нашем офисе.

— Допросите его на полиграфе, — сказал Ломас.

— А повод?

— У них в колонии случилась поножовщина. На мужскую зону проникла Троедыркина и пыталась убить Кукера.

— Поножовщина с убийством в ветроколони — обычное дело, — ответил я. — Такие расследуют вяло. Спускают на тормозах. Все же ясно. Если Сердюкова начнут по этому поводу мурьжить, он очень удивится.

— Да, — сказал Ломас. — Но мы зайдем с другой стороны.

— С какой?

— По корпоративной линии. «TRANSHUMANISM INC.» может официально инициировать расследование инцидента, потому что он произошел после опыта на нашем оборудовании. Мы можем... э-э-э... опросить участников. При содействии сердобольских властей.

— На полиграфе?

— А почему нет. У нас могут быть такие правила. Откуда Сердюкову знать.

КРУТЬ

– Корпорация тоже спускает такие дела на тормозах, – сказал я. – В смысле, пайкинг.

Ломас сощурился.

– Я в том смысле, – спешно добавил я, – что это покажется подозрительным.

– Я понимаю, в каком вы смысле, – сказал Ломас. – Мы тут не дети. Значит, надо сделать вид, что мы пытаемся замести все под ковер.

– А как?

– Перед допросом Сердюкова возьмем с него подписку о неразглашении.

– Да, – сказал я. – Вот это будет в самый раз.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/57

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Капитан Сердюков, полиграф-допрос**

Сердюков сидел в кресле полиграфа. Это был удобный медицинский реклайнер, сохранившийся чуть ли не с карбона. Новый век добавил только ремни, которыми пристегивались ноги и руки допрашиваемых. Делалось это по инструкции – после того, как одна фема-рецидивистка сбежала во время допроса.

Кресло было установлено в спецбоксе офиса «TRANSHUMANISM INC.» для процедур

корпоративного контроля. Бокс был маленький и уютный. Сердюков походил в нем на одичавшего в межзвездной глуши космонавта.

Никаких проводов или датчиков к его телу не крепилось – информация снималась с импланта. Мы с Ломасом видели все данные: пульс, частоту сердцебиения, что-то связанное с потоотделением и другие контролируемые параметры. Система анализировала их сама и делала для нас необходимые выводы.

Сердюков не знал, кто задает вопросы – их произносил женский голос в центре его головы. Темы были подготовлены сетью заранее, и теперь мы просто слушали его исповедь.

– Скажите, как давно вы занимаетесь изучением пайкинга?

– Да практически всю свою научную карьеру, – ответил Сердюков.

– Почему вас это заинтересовало? Это для вас эмоционально важная тема?

– К сожалению, да.

– Почему «к сожалению»?

– Я увлекающаяся натура. Радуюсь, горюю. А ученый в идеале не должен испытывать эмоций.

– Почему ученый не должен испытывать эмоций?

– Они искажают научный результат. Особенно в гуманитарных науках. В физике, на-

пример, это не так существенно, а вот в пени-
тенциарной психологии и психотерапии все
наполовину субъективно.

— Почему пайкинг заинтересовал вас как
ученого? Помните, когда это произошло?

— Я прочитал «Дневники Варвары Цугун-
дер». Знаете, о чем эта книга?

— Да, корпорации это известно.

— Ну вот. Меня поразила холодная ярость
Варвары, ее шизофренически точный расчет.
Эта, я бы сказал, безбашенная безошибоч-
ность... Сомнамбулическая точность. Вообра-
зите, девяносто шесть трупов, а ее не только
не поймали — даже не установили оконча-
тельно, кем она была на самом деле.

— Что значит — окончательно? Это была
Варвара Цугундер.

— Варвара Цугундер — сетевой псевдоним.
Она под этим ником строчила феминистиче-
ские эссе и печатала их в сети. Конечно, в те
дни ее можно было вычислить по этому псев-
дониму. Но тогда Варвару не искали, потому
что не связывали с преступлениями. Дневник
еще не был издан. А когда его издали, она дав-
но исчезла со всех радаров. Мастерский расчет.

— Куда она делась?

— Большинство исследователей думает, что
она сгинула где-то в Южной Америке.

— Она вас восхищает?

— Меня она... Изумляет.

— Вы ею любуетесь?

— В некотором роде да. Знаете, исследователя может поражать красота хищного зверя. Это совершенное устройство для убийства, и в инженерном смысле оно прекрасно. Но это не значит, конечно, что нас восхищает насилие. С Варварой к тому же многое до сих пор неясно. В официальной версии сплошные лакуны.

— У вас есть какие-то свои гипотезы по поводу Варвары Цугундер? Отличные от устоявшихся мнений и оценок?

— Да. Но они очень радикальные.

— Поделитесь.

— Я подозреваю... Вернее, допускаю, что на самом деле Варвара Цугундер была мужчиной. Возможно, гомосексуалом. Несомненно, с психическими отклонениями.

— Почему?

— Если мужчина столько лет выдает себя в сети за феминистку, есть у него психические отклонения? Вероятно, есть.

— А почему вы думаете, что это был мужчина?

— Варвара убила девяносто шесть человек. В основном взрослых мужиков. А это было еще до начала имплант-коррекции. Сегодняшняя фема способна проделать такое без особого труда из-за аффирмативной компенсации «Открытого Мозга», поэтому подобная история нас не удивляет. Но в те годы это было

практически невозможно. Мужчина оставался доминантным гендером.

– Да, верно.

– Вот вы понимаете, спасибо. Разве легко убить взрослого бескукушника – а тогда все мужчины были бескукушниками – реалистичной заточкой в виде члена? Сильные мышцы надо иметь. И железную решимость. В Москве везде видеокамеры стояли, а Варвара работала в основном в подъездах и лифтах. Первые полсотни жертв – практически у всех на виду. Уже потом она по паркам стала тихариться. А вот ее корреспондентка Рыба – это точно женщина.

– Рыба?

– Да. Ее главная сетевая собеседница.

– На чем основан этот вывод?

– «Рыба» – распространенный в карбоновую эпоху термин гомосексуального сленга. Гомосексуалы называли так женщин из-за натурального запаха их... Ну, органа. Слышали, наверное, эти мерзкие анекдоты про слепцов у рыбного магазина.

– Нет, и не надо ими делиться.

– Извините. Теперь представьте: Цугундер – это психически больной мужчина-гомосексуал. Он использует эмоционально привязанную к нему женщину-литературоведа, с которой общается в сети. Возможно даже – я не утверждаю, просто предполагаю – что она его

любовница. Причем это явно абьюзные отношения – только мужчина мог дать такую отвратительную мизогинную кличку, оскорбительную для нормальной женщины. А Рыба ее покорно приняла. Возможно, он ее бил...

– Интересная гипотеза. Но если это был гомосексуал, какие у него могли быть любовные отношения с женщиной?

– Глубоко извращенные! – поднял палец Сердюков. – В этом все и дело. На сохранившихся видеозаписях видно, что убивает женщина в защитной маске, тогда их многие носили. Видимо, Цугундер воображал себя феминисткой-мстителем и переодевался, совершая убийства. Но одновременно он презирал женщину в Рыбе и всячески над ней издевался. Отсюда эта абьюзная кличка. Его безумие засосало бедную Рыбу, как черная дыра летящую мимо комету. Но в его преступлениях Рыба не участвовала и ничего про них не знала. Во всяком случае, пока они общались.

– Откуда вам это известно?

– Из дневников Варвары. Она прямо пишет там, что Рыба ничего не знает. Еще это ясно из кодированных сообщений. Есть такая книга «Тайные шифры Варвары Цугундер». Криминалисты раскрыли некоторые коды. Цугундер и Рыба общались через посты в соцсетях. Через публичное пространство. Но Рыба даже не понимала до конца, что вкладывала

в свои коды Варвара. Например, слово «янаги-хара» означало «ищу кого вальнуть», а «янаги-харе» — «еще одного вальнула». Когда читаешь сообщения Варвары, зная шифр, понятно, что она признается в убийствах. А Рыба этого не понимает и думает, что идет литературная полемика.

— А почему вас так горячо волнует эта тема? Варвара Цугундер жила века назад.

— Ну как объяснить... Я ученый. Нами движет любопытство к миру. Для вас это просто страшилка из прошлого, а для меня — величайшая загадка мироздания. Я дорого бы дал, чтобы раскрыть тайну Варвары Цугундер.

— Вы полагаете, это возможно?

— Я вам сейчас по секрету одну байку сообщу. Ходят слухи, что малоизвестные сведения о Варваре Цугундер были в книге Шарабан-Мухлюева «Бабы и Другие Телки». Но эту информацию якобы изъяли еще в карбоне. Я бы очень хотел выяснить, о чем речь.

— У вас это навязчивая идея?

Сердюков засмеялся.

— Пожалуй. Но в хорошем смысле. Ученый должен быть одержим наукой. Мещанские представления о нормальном и должном тут не подходят.

— Скажите, вы поэтому изучаете современный пайкинг? Из-за Варвары Цугундер?

Сердюков нахмурился.

– Нет... Неправильная постановка вопроса. Это один комплекс проблем – современные куры, их блатная романтика, их психические девиации, эстетика ритуальных убийств, наконец. Чтобы понять современных кур, надо понимать Варвару Цугундер – не зря она у них главная культурная героиня. Мы не знаем, отчего в их сознании происходит этот сдвиг. Где, так сказать, искать триггерный нейрон пайкинга – в неокортексе, среди культурных скриптов, или в древнем рептильном комплексе...

– Пытались ли вы использовать оборудование «TRANSHUMANISM INC.» для удовлетворения личного любопытства?

– Снова неверная постановка вопроса. Ученый – это не бюрократ, распределяющий бюджетные деньги. У нас нет личного и служебного любопытства раздельно. Если они не сольются в одно целое, открытия не произойдет. Когда менеджмент только это поймет...

– Вы допускаете, что Дарья Троедыркина покушалась на Кукера из-за обострения, вызванного вашим опытом?

– Нет.

– Почему?

– Да по очевидным причинам. Допустим, обострение у нее было из-за опыта. А разъемы в ногах тоже из-за него появились?

– Какие разъемы?

– Под петушинные шпоры. Ее готовили задолго до нашего сеанса. Разъемы в ноги вставили, чтобы она за петуха сошла. А наши опыты просто использовали для прикрытия. Кто-то очень хорошо все это подстроил.

– Кто?

– Не хочу спекулировать, – вздохнул Сердюков. – Связан служебной ответственностью. Вы в корпорации сами должны понимать такие вещи...

*

На следующее утро я догадался по лицу Ломаса – случилось что-то очень нехорошее.

– Мы нашли Вонючку, – сказал он.

Я сперва не понял, о чем он.

– Какого вонючку?

– Пропавшую реку.

– И где она?

– Недалеко от Марса, – ответил Ломас.

Его глаза были пустыми и спокойными. Таков взгляд безумца. Секунду или две я думал, что Ломас повредился рассудком. А потом он включил голографическую проекцию над столом.

– С карбона над планетой осталось несколько орбитальных телескопов. Пара из них еще действует, и они на связи с Землей. Один из них, конкретно Вебб 5, заметил крайне странный космический феномен.

Я увидел какие-то схемы, пунктиры траекторий – и размытую фотографию темного тела неправильной формы.

– Что это?

– Астероид 97591 «Ахилл».

– Ахилл?

– Да. Это его официальное название. Я не шучу. Большой порядковый номер, потому что он был открыт, утерян и открыт опять. Сейчас приближается к Марсу.

– И что?

– Он не представлял опасности для нашей планеты до самого недавнего времени.

– Что случилось?

– Вулканическое извержение на астероиде. Спектральный анализ выбросов показал, что из жерла на малой планете 97591 извергается кристаллический водяной пар.

– Кристаллический пар?

– Как бы взвесь микрочастиц льда. Происходит это в объемах, достаточных для того, чтобы превратить космический вулкан в подобие реактивного двигателя.

– И что?

– В результате орбита астероида быстро меняется. Он может столкнуться с Землей.

– Подождите, – сказал я, – а откуда на астероиде водяной вулкан?

– В том-то и дело, – ответил Ломас, – что его там не может быть. Но я уверен – это та

самая вода, которая раньше вытекала из труб в тайге. Теперь она в них втекает, а вытекает за орбитой Марса.

— Так, — сказал я. — Так.

— Мало того, — продолжал Ломас, — размеры этого астероида очень близки к параметрам небесного тела, вызвавшего мезозойскую катастрофу шестьдесят шесть миллионов лет назад.

— Вы думаете, это...

— Я не думаю, а знаю, — сказал Ломас. — Он даже астероид выбрал с названием «Ахилл». Он весельчак.

— Но ведь нужен сложнейший расчет, чтобы угадать с коррекцией орбиты. Откуда у него такие вычислительные мощности?

— Вы до сих пор не понимаете, что происходит, — сказал Ломас. — Ахилл не инженер. Он воплотившийся на нашем плане дух, владеющий высшей ангельской магией. Сейчас он хочет повернуть историю вспять. Он обрушит на Землю этот астероид и вернет мезозой. Уничтожит всех нас и устроит здесь царство динозавров.

— Но каким образом он рассчитает силу удара именно так, чтобы вызвать требуемое изменение климата?

— Магия великих духов работает иначе, — ответил Ломас. — Помните донесение английской разведки? Всесилие Ахилла ограничено печатями Аллаха. Это значит, что Ахилл выну-

жден выполнять правила нашего мира. Ну или считаться с ними. Соблюдать дресс-код, так сказать. Он не может просто так взять и изменить климат. Но он может создать событие, которое станет причиной изменения.

— Я понимаю. Но почему это окажется именно нужное ему изменение? У него что, свой квантовый компьютер?

— Ахилл не вычисляет, какая должна быть температура в его аду, какая влажность, состав воздуха и так далее. Все само окажется таким, как нужно. То же касается и траектории астероида и прочего, что вас волнует. Удар из космоса просто дает ему формальный повод воплотить свою волю.

— Но как такое может быть?

— Великие духи в этом смысле подобны Создателю, — сказал Ломас. — Вы думаете, Господь рассчитывал скорость света на логарифмической линейке?

— Меня там не было, — ответил я.

— Меня тоже. Но разумно предположить, что божественный акт воли был чисто творческим действием, а все эти балансы материальностей возникли как его следствие сами.

— Но Ахилл ведь не Бог.

— Падшие духи — это обезьяны Бога. Они тшятся походить на Создателя — но не обладают всеми его возможностями. Однако для нас их магия очень похожа на божественную силу.

– Понимаю, – сказал я. – Вернее, пытаюсь.

– Мы говорим не про физику, а про магию. Астероид – просто условность. Соблюдение приличий.

– Ничего себе условность.

– Божественные действия, Маркус, происходят на другом плане, а в материальном мире вслед за этим случается некое формальное событие, позволяющее высшей воле осуществиться. Будет космический удар, и климат станет как в Мезозое. За физические параметры не переживайте. Великий дух не входит в детали. Он ставит задачу – а его невидимые слуги-гномики делают ночью всю работу.

– Что это за слуги-гномики?

– Законы природы. Космическая катастрофа позволит Ахиллу проявить свое могущество, не срывая с нашей реальности божественных покровов. Формально устои мироздания не обрушатся. Но это событие будет чем-то вроде бесстыдной гигантской подтасовки, к которой нельзя придрататься. Примерно как ваши древние аукционы по продаже госимущества.

– Не припоминаю.

– Черт, вам и это стерли. Хорошо, скажу по-другому. Это будет чем-то вроде обратной съемки, когда из лужи и осколков на полу складывается ваза с цветами – и прыгает на стол. Видели такое?

Я кивнул

— Вот так же точно из руин нашего мира возникнет новый мезозой. Все физические параметры и силы — облака пыли в стратосфере, парниковые газы, лава, я не знаю, что там еще — будут выполнять свою работу в соответствии с законами природы. Но результат задан заранее. И именно под него подстроится удар астероида.

— Но как?

Ломас пожал плечами.

— Мы живем в линейно разворачивающемся мире с энтропией. Ахилл занят обратной съемкой и фокусами. Мы не можем понять его методы с помощью нашей науки, он сам про это сказал. Мы можем лишь проверить конечный баланс. Уверяю вас, что вся бухгалтерия совпадет. Из кратера астероида вытекает в точности столько же воды, сколько втекает в лагерные трубы. Ахилла невозможно победить обычными методами.

— Но мы можем хотя бы попробовать, — сказал я.

— Что вам приходит в голову?

— Самое простое, — сказал я, — это захватить колонию и разрушить их водокачку.

— Мы уже связались с сердоболами, — ответил Ломас. — Они теперь знают все, секретничать больше нет смысла. Даже Сердюкова поставили в брифинг.

— А его-то почему?

— Сердоболы думали, мы так хотим. Корпорация брала с него подписку о неразглашении, он своим и доложил. Но это нам кстати.

— Он вернулся в колонию?

— Он пока в Москве. Сердоболы больше не могут войти на территорию ветрозоны. Там появился какой-то экран вокруг.

— Внутри остался кто-нибудь с преторианским имплантом?

— Нет, — сказал Ломас. — Я допускаю, что Кукер не просто так этого Сеню чикнул. Но с дронов мы их пока видим.

— Что там происходит?

— Крутят, — сказал Ломас. — Слушают песни и крутят. Улан-батеры стоят на постах. Все как обычно. Еды у них много. Видимо, заключенные и персонал находятся в каком-то трансе.

— Тогда... Можно попробовать построить дамбу. Остановить реку до того, как она попадает в трубы.

Ломас махнул рукой.

— Ерунда это. Вы полагаете, Ахиллу есть разница, откуда отправлять воду на астероид? Он может связывать любые точки пространства. Зря потратим время.

— А если попробовать нанести по колонии удар с воздуха?

— Мы как раз обсуждаем эту возможность с сердоболами, — ответил Ломас. — Но продуктивнее будет другой путь.

— Какой, адмирал?

— Если английская разведка не врет, все-таки злых духов ограничено милосердием Господа. Я верю, что Господь в своей любви к миру оставил нам шанс. Мы должны найти печать, под которой скрыта гибель Ахилла.

Я подумал, что правильнее все-таки обратиться к Ломасу «епископ».

— Вы про Варвару Цугундер?

Ломас кивнул.

— Я еще раз прослушал полиграф-допрос Сердюкова, — сказал он. — Там есть информация про какую-то Рыбу, которая знала Варвару Цугундер.

— И еще про книгу, — добавил я. — Я ее видел у вас на столе.

— Да, — сказал Ломас. — До меня дошли те же слухи, поэтому я ее и читал. Но в этой книге нет даже намека на Варвару. Ни строчки. Давайте для начала займемся Рыбой. Она жива и в банке. Сейчас я вам ее покажу.

Над столом возник экран, и я увидел глубоководную съемку с корпоративного фида — служебное посещение чужой симуляции. По отметкам на краях поля было ясно, что в симуляцию погружается кто-то из нашего отдела.

Ломас удвоил скорость, и происходящее превратилось в страшноватый мультфильм.

Наблюдатель приближался к флюоресцирующему дну океана. Оно было неровным и походило на горный каньон, снимаемый с дрона.

Я увидел вдалеке голубой луч – и камера направилась в его сторону. Мы приблизились к источнику света, стали спускаться в какую-то заросшую лохматыми водорослями пропасть – и вдруг передо мной оказалось совершенно жуткое существо.

Это была огромная красная медуза, состоящая из множества желеобразных колоколов, как бы вложенных друг в друга. Под ними колыхались длинные щупальца – судя по всему, ядовитые. Но самой пугающей деталью был женский торс с человеческой головой. Лицо медузы напоминало древнюю лаковую маску и было по-своему миловидным. Японская эстетика безумия. Шедевр художника, создающего ужасы для аниме.

Будто всей этой жути было мало, из женской спины торчало похожее на корягу длинное удилище со светящейся плоской на конце. Видимо, так это порождение тьмы привлекало к себе пищу.

Камера приблизилась к медузе и замерла прямо перед ней.

Ломас выключил запись.

Хорошо, что он это сделал. Меня охватил страх.

Словно я уже видел в ночном кошмаре и эту бездну, и эту фурию мрака. Какое-то воспоминание давило изнутри – но не могло прорваться на поверхность.

– Что скажете? – спросил Ломас.

– Мне страшно. Кажется, в мозгу вот-вот что-то лопнет.

– Знаете почему?

– Нет.

– Из-за коррекции памяти. Если после нее показать стертый материал, человек не вспоминает, что видел это прежде. Но всегда воспринимает увиденное гораздо более драматично, чем в первый раз. Иногда в позитивном смысле, иногда в негативном.

– Когда я ее видел?

– Во время прошлого дела. Это запись вашего собственного фида, Маркус.

Ломас некоторое время наслаждался моим растерянным видом. Потом добавил:

– Ваша встреча с Рыбой прошла в ее личной симуляции. Нужна была консультация по литературным вопросам.

– Да, – сказал я, – тогда понятно. Надеюсь, вы не пошлете меня к ней опять?

Ломас засмеялся.

– Да вы, батенька, мизогин. Нет, не пошлю. Мы уже сделали ей глубокий скан. Она

ничего не помнит про Варвару Цугундер. Вернее, отсутствуют любые личные воспоминания на этот счет. Рыба, конечно, знает, кто это. Для нее Варвара – выдающаяся карбоновая эссеистка и блогерка, о которой до сих пор пишут эссе и статьи. Рыба знает о Варваре в точности то же самое, что и мы. Может быть, лучше понимает ее литературные опусы. Хотя я не стал бы торопиться и здесь.

– Подождите, – сказал я, – но если Рыба была знакома с Варварой прежде и даже играла роль ее сетевой конфидантки... Это хоть какой-то след. Корпорация может добраться до стертых воспоминаний?

– Скорее нет, чем да, – ответил Ломас. – Такие технологии существуют, но очень опасны.

– А чем она занимается, эта Рыба?

– Читает литературные лекции. На нее большой спрос. Она самого Шарабан-Мухлюева знала.

– Неужели?

– Найдите какую-нибудь иммерсивную запись и поглядите сами. Меня вызывают сердоболы. У них что-то срочное.

Ломас сделал мне знак оставить его в покое. Я устроился в кресле удобнее, закрыл глаза и вызвал справку.

У Рыбы было огромное количество лекций, и я стал сужать область поиска. Сначала я попросил найти материалы, связанные с Шара-

бан-Мухлюевым и Варварой Цугундер. Остался примерно десяток позиций. Тогда я попросил отобрать те, где речь идет и о самой Рыбе. Меня интересовало прежде всего происхождение ее псевдонима.

В списке осталась только одна лекция, совсем короткая.

Ее определенно стоило прослушать целиком, хотя бы на быстрой перемотке.

TH Inc Confidential Inner Reference

Лекция-иммерсив «Г. А. Шарабан-Мухлюев как эссеист». Цикл «Встречи с таинственным и прекрасным».

Это была запись фида одной из слушательниц с полным эффектом погружения. Я увидел зал, где сидели хорошо подкачанные девушки в одинаковых сиреневых платьицах и косынках — похоже, слушательницы привилегированного учебного заведения.

Сцена была пуста. Девчата в зале галдели. Иногда среди них вспыхивала короткая перебранка или даже обмен тычками. Тогда ликвидировать безобразие бросалась дежурная жан-дармесса.

На сцену поднялась распорядительница и сказала:

— Девочки, напоминаю — после сеанса можно будет покормить нашу гостью. Можно кидать ей в аквариум донат-конфеты прямо из зала. Чтобы у вас в руках оказались вкусняшки, надо их предварительно купить через имплант. Если не запаслись, еще есть время...

Когда распорядительница спустилась в зал, тренькнул зуммер. Из-за кулис появились два ливрейных лакея, как это принято в институтах благородных девиц, претендующих на шик. Лакеи внесли на сцену ковчег — что-то вроде паланкина с ручками.

Поставив паланкин на пол, они раздвинули его в стороны и вверх, превратив в большую как киноэкран раму. Теперь из зала казалось, будто на сцене появился огромный аквариум (но сбоку было видно, что у него только два измерения). Фальшивый аквариум стал с журчанием наполняться такой же фальшивой водой.

Конечно, это была примитивнейшая проекция, но она производила впечатление именно своей древней простотой. На сцену словно внесли скрижаль Завета.

Девчата в зале даже притихли.

Когда аквариум наполнился до конца (несколько капель довольно убедительно выплеснулось на сцену), звон зуммера повторился. Погас свет, раздался щелчок, и воду в аквариуме озарили таинственные фиолетовые лучи.

— Ах-ах! — пронеслось над залом.

В аквариуме плавала Рыба.

Размеры проекционной зоны были выбраны идеально: обрамлявшая рыбу рамка оказалась именно такого формата, чтобы обрезать и страшные длинные щупальца под юбчатыми колоколами, и растущее из спины длинное удилице (его частично скрывала голова). В таком формате Рыба походила не столько на глубоководную медузу, сколько на даму в бальном платье. Ее миловидное лицо уже не напоминало о японских ужасах.

Девчата захлопали в ладоши.

Рыба улыбнулась — и сделала очаровательный подводный книксен, полный неги и невестомости.

— Здравствуйте, дорогие слушательницы, — начала она. — Сегодня у нас будут чтения, в которых для меня очень много личного.

Когда Рыба говорила, ее рот двигался самым естественным образом, и вокруг него не возникало никаких пузырей. Голос у нее был мелодичный и глубокий. Он разлетался над залом без всякого бульканья.

— Поэтому заранее прошу извинить, если меня охватят сильные эмоции, и на моих глазах выступят слезы...

Интересно, подумал я, как она это сделает под водой? Может, слезы подкрасят? Но выйдет некрасиво. Наверно, фигура речи. Впро-

чем, решили же вопрос с голосом. Может, и тут что-то изобретут.

— Сегодня я отвечу на вопрос, заданный во время нашей последней встречи, — продолжала Рыба. — Почему мое литературное прозвище, заменившее мне настоящее имя — Рыба? Похвастаюсь перед вами. Это подарок хорошо известного вам Германа Азизовича Шарабан-Мухлюева, сделанный века назад. Он посвятил мне эссе под таким названием. Немного среди нас найдется подобных счастливыхчиков, верно?

Над залом пролетел одобрителный гул.

— Именно после публикации этого эссе меня начали называть Рыбой. И в конце концов я приняла это имя, подаренное классиком...

Шум в зале стал громче, и Рыба дождалась, пока он стихнет.

— Трудно поверить, но я лично общалась когда-то с двумя, как мне представляется, важнейшими столпами нашей национальной культуры — Германом Шарабан-Мухлюевым и Варварой Цугундер. Вот как долго я живу на свете. Но сказать про них что-то новое, яркое и отсутствующее в их официальных биографиях я не могу. Дело в том, что наши пути с Варварой разошлись раньше, чем она встала на путь революционного насилия. А потом я, как и многие баночные долгожители, сделала

себе так называемую *подтяжку ума*, то есть коррекцию памяти. Я убрала личные воспоминания о Германе, о Варваре и о многом другом. Когда вам столько веков, мои милые, это единственный способ сохранить рассудок. Так спокойнее. Меня не терзает Мнемозина. Поэтому я могу смотреть на любые вершины духа спокойно и отстраненно, и ничто не мешает мне непредвзято воспринимать чужое творчество... Так что расспрашивать меня про личные обстоятельства великих людей не стоит. Я знаю ровно столько же, сколько вы.

Рыба смахнула подводную слезу, и я даже не успел удивиться тому, как элегантно и естественно это получилось.

— Это эссе Герман Азизович посвятил мне. Оно относится к его светлому, как я его называю, периоду. Поймите, это не значит, что я считаю его более поздний период темным. Нет. Но та классическая простота и легкость, за которую мы ценим раннего Шарабан-Мухлюева, в его позднем творчестве почти исчезла. И потому мне особенно волнительно, что луч этого волшебного фонаря упал в свое время на меня... Часто спрашивают — почему в эссе классик говорит о карбоновой музыке? Герман Азизович всегда вдохновлялся музыкой. В ранний период она наводила его на мысли о вечном. В поздние годы она давала

ему повод для социальной критики, часто едкой и горькой. Я понимаю, конечно, важность социального анализа. Но все же с ранним Шарабан-Мухлюевым от нас ушло что-то светлое и чистое. Поэтому...

Голос Рыбы задрожал, но она справилась с собой.

— Поэтому я с огромным волнением и любовью читаю вам сегодня ранний шедевр классика. Итак, Герман Азизович Шарабан-Мухлюев. Эссе «Рыба»...

В руках у Рыбы появилась бумажная распечатка. Она вполне органично смотрелась под фальшивой водой. Рыба прокашлялась — и начала чтение.

РЫБА

Когда-то давно мне нравилась одна песня — «The Riddle». Ее сочинил Nik Kershaw, а потом пел Gigi D'Agostino (пожалуй, даже лучше, чем автор). Эту мелодию передирали, перевирали и пускали в качестве дополнительного мелодического кольца в своих треках отечественные умельцы, не желавшие тратиться на аранжировки.

Песня трогала душу.

Текст «The Riddle» был интересным. Первые три строчки выглядели готовым японским стихотворением-хокку:

I got two strong arms,
 Blessings from Babylon.
 Time to carry on and try¹.

После них можно было бы не говорить ничего вообще. Но автор тем не менее говорил – много, загадочно и довольно путано. Про какие-то грехи и фальшивые тревоги, бесстрашную Америку и так далее. Текст казался странно неотшлифованным, словно был на самом деле шифром.

Самым ярким и запоминающимся образом был такой: возле реки растет дерево, рядом с ним в земле есть дыра, и какой-то человек из Арана ходит в ней по кругу. Его ум – маяк, сияющий сквозь покрывало ночи. По неизвестной причине в мире есть истинное и ложное, но этот старик ни с кем не будет ссориться из-за тебя.

Этот «old man of Aran» получился ну совершенно живым. А дальше опять начинался калейдоскоп многозначительных таинственных слов, иногда весьма поэтичных (seasons of gasoline and gold, a bluebird singing on the blackbird hill² и так далее). В следующем куплете опять появлялся этот аранец, продолжал ходить по кругу в своей дыре, и снова светил во мраке его ум.

---

¹ У меня две сильные руки и благословения Вавилона. Пора продолжать – и пытаться.

² Сезоны бензина и золота, синяя птица, поющая на горе черного дрозда.

Я догадался, кто этот старичок: Бог. Река рядом – Небесный Евфрат, возле нее растет Дерево Жизни. То, что он назвал себя *аранцем*, было милым. В Ирландии есть острова с таким названием. Конечно, он и Ирландец тоже – если ему угодно выделить один из своих многочисленных аспектов. Иногда он такое любит.

Это ведь и есть, в сущности, его работа – ходить по кругу и крутить, крутить себе на потеху волшебную мельницу своего ума, то есть наш мир. Все эти *сезоны бензина и золота* и прочие *бесстрашные америки* – и есть то самое, что размалывает мельница и разносит вокруг Черной Дыры, где прячется Бог.

Эта мельница – вернее, ее продукт – и есть причина, по которой мы не можем его найти. В нас летят обманки, постоянно возникающие вокруг обиталища Ирландца. Концепции, умопостроения, слепленные из слов образы заполняют пространство идей, вонзаются в нас – и сразу же заполняют собой все наше сознание.

Сами по себе они – ничто. И даже приспособлены друг к другу как-то криво и подозрительно, что бросается в глаза с первого же знакомства с шарадой. Но, попадая в нас, они становятся рвами, неприступными стенами, непроходимыми чащами, высоченными горами. На самом деле это просто тепловые ловушки для ума, отстреливаемые непостижимой си-

лой – но природа нашего сознания такова, что не следовать за ними мы не можем.

Вот так Бог и прячется от нас в своей Дыре. И песня «Riddle» – точно такая же тепловая ловушка, долетевшая до меня, захватившая мой ум – и скрывшая того самого Ирландца, о котором она вроде бы повествует.

Так в нашем мире работают все гениальные стихи, все трогающие сердце песни, все священные тексты. Они подменяют собой то, на что якобы указывают. Или, сказать точнее, они не указывают ни на что вообще – а лишь на себя.

Если ловушки для ума существуют, думал я, наверное, есть и то, что они прячут. Но тогда само это рассуждение, даже само понятие *Ирландца* – точно такая же ловушка, а главное скрыто совсем в другом измерении, которое никто еще не назвал «истинным», чтобы навсегда обесмыслить. Вот потому Будда ничего не рассказывал про Нирвану, а только про дорогу к ней.

Об этом примерно и была песня «The Riddle». Ее глубина изумляла. Там действительно была Загадка с большой буквы. Шарада, где прятался Бог.

Отгадать такую загадку правильно нельзя. И придумана она вовсе не для этого. Вокруг нее вечно будет кружиться вихрь *клочков валентинки* и прочих золотых блесков пустого смысла, за которыми мы бредем в никуда.

Именно так – отложив решение – я и решил для себя загадку. И, чтобы не портить высокого наслаждения, полученного от разгадки, перестал слушать эту песню. Вполне сознательно. Она мне не разонравилась – просто стала одним из драгоценных объектов в моей сокровищнице духа, а я не скупой рыцарь, чтобы ежедневно лазить туда с лампой.

Потом, уже через много лет, я наткнулся на статью про эту песню. И узнал вот что: Nik Kershaw вовсе не вкладывал в нее такой смысл.

Он вообще никакого не вкладывал. Он не успел сочинить перед записью в студии нормальный текст – и пропел в микрофон *рыбу*.

Оказалось, этот загадочный шедевр – просто набор чепухи. Заполнение песенного размера бессмысленными словосочетаниями, чтобы вокалисту было что петь. Сам автор выразился еще конкретней: «Короче, The Riddle – это чушь, мусор, херня, бред поп-звезды 80-х».

По-русски это и называется *рыбой*. Текст, лишенный смысла и временно занимающий место другого текста. Настоящего, который будет создан потом (если хватит времени) – и совпадет только размером. Последовательность слов, нужных для того, чтобы складно их пропеть. «Ля-ля-ля» показалось слишком примитивным, ну вот Nik Kershaw и наплел. А мы искали смысл. И, главное, ведь находили.

Я вот нашел, да еще какой.

Думаю, что и в жизни все обстоит точно так же. Мир, история, судьба, эпоха – это нагромождение событий, большей частью очень неприятных. Страшные-страшные вещи творятся в грохочущем мире с мягкими, слабыми и беззащитными людьми.

Есть ли в происходящем смысл?

А это как с песней «The Riddle». Хочешь – найдешь себе благословение Вавилона. Не хочешь – разлетишься на атомы просто так. Смысл надо собирать самому, и удерживать его росинки вместе приходится так же кропотливо и старательно, как мы удерживаем живыми свои тела. А потом распадется тело – и разлетится вся плесневевшая на нем мудрость.

Любой человеческий смысл, научила меня песня The Riddle – это обманка, скрывающая то, что нам видеть нельзя. Пока мы живы, мы замечаем вокруг «идеи», «цели», «ценности» и прочие тепловые ловушки. Но придет миг, и ложные мишени, скрывавшие от нас Реку и Дерево, угаснут. И тогда... Тогда...

Впрочем, скажу честно – я не знаю, что будет тогда. Мы вообще не можем этого знать, можем только думать, будто знаем.

Зачем же тогда я излагаю все это, если на самом деле не знаю ничего? Ох. Строгие молодые люди не зря спрашивают в стримах – а куда вы, собственно, нас ведете, гражданин писатель? Вы сами в курсе? Надо ли нам туда идти?

Но это как если бы я спросил у Nik Kershaw – куда ты привел нас, Ник? Знаешь ли ты сам?

Милые, художник никуда никого не ведет. Это просто персонаж, который ходит по кругу в воображаемой дыре возле Дерева Жизни, создавая вихрь из весело переливающихся слов. За ними его не видать. Зато многое можно увидеть в самом вихре.

Какой в этой круговерти смысл?

Да такой же, как в тебе. Такой же, как в песне The Riddle.

Любой, какой у тебя хватит сил собрать своим умом и волей.

А если ты действительно крут и умеешь *не делать* этого (что куда сложнее, чем каждый раз делать *на автомате*), ты начинаешь видеть на месте любого человеческого смысла *рыбу*. Просто *рыбу*, которая могла бы состоять из любых других элементов, значков и пиктограмм.

Фокус нашего мира в том, что настоящих слов здесь нет. Или, что то же самое, окончательным текстом на время становится любая рыба. Все что угодно.

Даже ты сам.

Дочитав, рыба еще раз смахнула слезу и замерла, наклонив голову вбок. Это придало ей элегическую задумчивость – но стал виден уд, растущий из спины и уходящий за обрез экрана.

— Я не понимала тогда главного, — сказала Рыба. — Посвятив мне это замечательное эссе, Герман Азизович имел в виду, что мое представление о себе — тоже *рыба*. Он хотел сказать, что мне только предстоит вырезать на скрижалях истории и культуры свое настоящее имя. Сочинить его самой. Но бывает и так, что нашим окончательным именем становится набросок. Черновик. Сначала верится, будто это просто рыба, но проходят годы, и вдруг оказывается, что эта рыба и есть ты окончательная. Прямо как с песней «The Riddle»... Автор ведь так и не написал потом другого текста. Рыба проканала, так он ее до смерти и юзал.

Рыба грустно улыбнулась.

— Вот я и добралась до конца, извините за патриархальный каламбур. Спасибо вам за внимание, девочки.

«Почему у нее этот уд, — подумал я с какой-то когнитивной мукой, — зачем? И откуда я знаю, что это именно уд?»

На сцене опять появилась распорядительница.

— Похлопаем... Теперь организованно и без выходок выходим из зала. Остаются те, кто оплатил кормление.

Фид погас, и я вернулся в кабинет начальника.

— Что скажете? — спросил Ломас.

— Хорошо бы ее вскрыть, — сказал я. — В смысле, вернуть ей память. Кто еще лично знал Варвару Цугундер? Хотя бы по переписке? Таких больше нет.

— Неважно, кто ее знал, — ответил Ломас. — Важно, где Варвара сейчас. Рыбе это не известно совершенно точно.

— Откуда такая уверенность?

— Нейросеть проверила ее коммуникации за все доступное время. Вот последнее письмо Варвары к Рыбе. Оставлено в качестве комментария под одним из литературных постов Рыбы задолго до подтяжки личности. Аккаунт, с которого был сделан комментарий, ассоциируется с Варварой Цугундер.

Ломас открыл папку, взял оттуда лист бумаги и протянул мне бумажную распечатку. От бумаги чуть пахло Кельнской водой № 4711. Все-таки стиль не пропешь.

Милая моя, сильная, умная, честная, смелая!

Судьба распорядилась так, что мы не встретимся с тобой больше, и ты никогда не узнаешь, куда мне удалось скрыться и как меня теперь зовут. Но знай — я нашла путь в банку. Правда, не под собственным именем. Просто чудо, что подобное удалось не только тебе, но и мне тоже. Какая завораживающая параллельность в наших судьбах! Но я не буду подвергать тебя опасно-

сти, рассказывая о себе. Ты больше не услышишь от меня ничего — хотя обо мне услышишь не раз. Если у тебя останется хоть какая-то точная информация, есть риск, что за тобой придут агенты патриархии. Поэтому верь — со мной все хорошо. Просто знай, что где-то я есть. До сих пор.

Твоя Варя

ЗЫ. Да. Опять, и два раза. ЯНАГИХАРЕ! ЯНАГИХАРЕ!

— Она ничего не знает, — сказал Ломас. — Варвара ее сознательно защищала от возможных неприятностей.

— Значит, этот след отпадает. Что теперь?

— Теперь в расследовании пауза, — ответил Ломас. — Во всяком случае, до завтрашнего дня.

— А что такое?

— Пока вы смотрели ролик, мне сообщили, что сердоболы решили ударить по ветроколо-нии с космической станции «Bernie». Сейчас ее лазер готовят. Их военные собираются уничтожить Кукера первым же ударом.

— Вот как, — сказал я. — Я бы на их месте сначала переименовал станцию в «Варвару Цугундер».

Ломас поглядел на меня, и я заметил в его глазах интерес. Минуту он думал, а потом махнул рукой.

КРУТЬ

— Вы верно мыслите, Маркус. Религиозно и магически, как положено элевсинскому мисту. Но сердоболам я такого не объясню. Завтра в десять двадцать жду вас в своем кабинете. Посмотрим на звездные войны вместе.

*

Давным-давно в детстве я видел игру — люди на пляже кидали спасательные круги на вбитый в землю колышек.

Метадрон «Bernie», названный в честь забытого карбонового политика, походил именно на такой колышек — с несколькими наброшенными на него кругами разного диаметра. На одном можно было разглядеть строгое белое название:

USSS BERNIE

А на самом большом пылала языками радужного огня надпись:

BERN MOTHERFUCKER BERN

Это граффити крутилось на орбите сотни лет. Карбон. Но задумался я не о смысле надписи, а о том, как рисунок наносили на обшивку станции. Разве распылители работают в вакууме? Или у наших предков были какие-то специальные космические спреи?

– Надпись сделали на земле, – усмехнулся Ломас. – Перед запуском.

Я поглядел на стакан с коньяком в своей руке, потом на проекцию, висящую над столом в кабинете Ломаса. Понятно. Начальство ничего не делает зря.

– Астероид сейчас примерно на орбите Марса, – сказал Ломас. – Скорость – около ста километров в секунду. Если не остановим коррекцию его орбиты, он будет здесь через месяц-два.

– Кто про это знает?

– Только мы и сердобольская верхушка. Гражданских лиц извещать не будем. Независимо от таера. Начнется паника, которая усугубит проблему.

Я кивнул, не отрывая взгляда от станции.

На ее торце раскрылось сопло, похожее формой на диковинный цветок с шестью лепестками. Но я не успел на него полюбоваться – изображение над столом сменилось.

Я увидел белокаменную стену московского Кремля и стоящий перед ней розовый мавзолей.

На его трибуне была главная сердобольская троица. Люди в серых плащах, темных картузах и непроницаемых очках: зеркальники низшего руководства. Известно было, что один из них – Шкуро. Второй, вероятно, министр ветрогенезиса генерал Курпатов. Третьим но-

минально должен был быть генерал Судоплатонов, но все знали, что банку с его мозгом разбили в лондонском мозгохранилище *при уборке помещения*, как издевательски сообщила сердоболам «TRANSHUMANISM INC.»

Впрочем, такие же слухи ходили и про Шкуро. Официально, однако, оба были живы – но Шкуро все-таки считался значительно живее Судоплатонова. Могло быть и так, что слухи об их смерти распускали придворные шаманы, пытаясь отвести черный глаз, порчу и прочее вражеское колдовство. С сердобольской элитой ничего и никогда нельзя было сказать наверняка.

Я услышал льющуюся с мавзолея речь:

– Сегодня мы приводим в действие могучее оружие Отечества. Не для того, чтобы решать какие-то узкие национальные задачи. Сегодня мы защищаем всю цивилизацию, все человечество, всю жизнь доброй воли от поднявшей голову древней угрозы – и с этой целью самоотверженно наносим удар из космоса по собственной планете!

– Это трансляция? – спросил я. – Они там правда на трибуне?

– Нет, – сказал Ломас. – Это тест-прогон новостного блока. Покажут вечером, если все получится. То, что якобы происходит прямо сейчас. На самом деле на трибуне никого нет. Просто площадь оцепили, и оркестр играет.

Над площадью загремела бравурная музыка. Я увидел неправдоподобно четкий строй конников, солнце блеснуло на желтых трубах — и камера повернулась к экрану напротив мавзолея.

— Экран тоже настоящий? — спросил я.

— Нет, — ответил Ломас. — Только оркестр. Но экран выглядел убедительно.

Мелькнула висящая в космосе станция «Bernie» (ее показывали недолго и с такого угла, чтобы не видны были англоязычные надписи). Затем проплыл космический рефлектор, похожий на парус огромной яхты. А потом я увидел стоящий в степи бронепоезд.

«Товарищ Гейзер».

Это была длинная гусеница, обшитая со всех сторон серо-зеленой броней. Я знал, что бронированные вагоны забиты разлоченными азиатскими крэпофонами когнитивностью в три мегатюринга.

На их базе сердоболы собрали боевой искусственный интеллект, управляющий станцией «Bernie» и, по слухам, Кобальтовым Гейзером тоже. Так думали потому, что в перехваченных сердобольских коммуникациях этот интеллект называли «Товарищ Гейзер».

Над одним из вагонов поезда раскрылась параболическая антенна.

— Обратный отсчет начался, — пронесся над площадью торжественный голос. — Двадцать! Девятнадцать!

Ломас сменил проекцию над столом.

Теперь я видел одновременно станцию «Bernie», астероид 97591 «Ахилл» с ледяным выхлопом над конусом вулкана, и ветроколонию № 72 в синей утренней дымке. С высоты было видно, что все велорамы заняты зэками. В колонии крутили всерьез.

— Станцию снимают со спутника, — сказал Ломас. — Колонию с дрона.

— А астероид?

— Его ведут телескопы. Изображение в основном строит нейросеть, он слишком мелкий для деталей. То, что мы видим, случилось там двенадцать минут назад. Марс далеко даже для света.

— Десять! Девять!

— Они попадут? — спросил я.

— Думаю, да, — ответил Ломас. — Точность там приличная.

— А куда они бьют? По водокolleктору? Или по Кукеру?

— Сейчас узнаем.

Адмирал выглядел совершенно спокойным.

— Три! — считал диктор. — Два! Один! Выстрел!

Станцию «Bernie» скрыла вспышка света. Она исчезла — видимо, что-то отключилось в наблюдательной оптике. Я успел увидеть узкий луч синего огня, прыгнувший от орбитального цветка к земле.

Зато удар по колонии был виден отлично. Над ней начал расти протуберанец серо-коричневого праха.

Скоро я понял, что он выглядит странно. Это был не просто взрыв. Увеличиваясь, столб праха не превращался в гриб, как бывает при сильной детонации, а закручивался вихрем. За несколько минут вихрь сделался так огромен, что стал казаться неподвижным.

Вдруг я увидел, как на астероиде что-то синее сверкнуло, и картинка с ним тоже погасла. Видимо, помеха была сильной.

— Что происходит? — спросил я. — Они добились до астероида?

Ломас остановил меня жестом — он получал информацию. Его лицо перекошилось.

— Луч вышел из кратера, — сказал он. — Двенадцать минут назад, в момент выстрела. Свет только что добрался до нас с вами. Выходит, луч со станции был скоммутирован на астероид мгновенно. Через тот же самый портал.

— Астероид разрушился?

— Нет. Астероид даже не задело. Пустой выхлоп. Энергию удара просто сбросили в космос.

— Как такое может быть? — спросил я.

Ломас пожал плечами.

— Кукер пропустил наш удар сквозь свою водокачку, — сказал он. — Как будто открыл форточку, и вся сердобольская ярость унеслась в никуда сквозь кратер на астероиде.

— А что это за вихрь на месте колонии?

— Не знаю, — ответил Ломас. — Возможно, дополнительный защитный экран.

— Еще раз будут стрелять?

— Подождите, сейчас как раз выясняю...

Нет. Второго выстрела не будет.

— Почему этот столб праха не опадает?

— Не знаю, — сказал Ломас. — Дронов там больше не осталось. Во всяком случае, на связи с нами. Мы ослепли и оглохли.

Мы несколько минут молчали. Ломас неслышно совещался с кем-то через свой омнилинк.

— Отдохните до завтра, Маркус, — сказал он наконец. — Я подумаю, что нам остается. Вызову вас сам.

— Что еще мы можем сделать? Может быть, ковырнуть все-таки эту Рыбу?

— Бесполезно, — ответил Ломас. — Ее уже три раза сканировали. Ничего не помнит.

— А если вскрыть память принудительно?

— Во-первых, это бессмысленно. Во-вторых, корпорация на такое не пойдет.

— Даже перед концом света?

— Даже перед концом света. Охрана прав баночной личности — это краеугольный камень, на котором для нас держится все вообще. Есть, конечно, определенные обходные маневры с привлечением третьих сторон...

— Какие именно?

– Сейчас рано говорить.

– Скоро будет поздно. У нас остались буквально дни.

Ломас поднял на меня мрачный взгляд.

– Я в курсе, Маркус. Отдохните. Скоро вам понадобятся все силы. И даже больше.

*

Ломас не вызывал меня целых два дня, и все это время я спал. Мозг восстанавливается после разгонов и принудительных коммутаций плохо и медленно – если допустить, что восстанавливается вообще.

Рано утром на третий день я услышал зуммер вызова.

Ломас сидел в своем кресле спокойный и даже веселый. Перед ним на столе лежала та же книга – «Бабы и Другие Телки» Шарабан-Мухлюева.

– Доброе утро, адмирал.

– Доброе утро. Мы потеряли связь не только с дронами. Упала вся имплант-связь с колонией.

– Почему?

– Выглядит как вирусная атака на ПО. Все импланты за экраном поражены. Но мы же знаем методы Ахилла. Это его шутки.

– Подождите, – сказал я. – Если это вирусная атака, мы можем ее отразить? Своими средствами?

— Мы можем модифицировать ПО на импланте за пределами этого вихря. Такой имплант будет работать и внутри. Но физического доступа к ветроколонии у сердоболов больше нет. А проапгрейдить пораженные импланты дистанционно мы не в силах.

— Почему?

— Именно из-за этой вирусной атаки. Только не думайте, что Ахилл обучился программированию. Я вам уже разъяснял, как это работает.

Я кивнул.

— Еще какие-то зацепки у нас остались?

— Одна, — ответил Ломас. — Последняя.

Он поднял книгу со стола.

— Вам интересно, почему у меня на столе столько времени лежит этот шедевр?

— Я решил, вы с культурой знакомитесь. Чтобы лучше понимать историю... Сердюков про эту книгу тоже говорил.

— Смотрите, — сказал Ломас, откидывая обложку. — У книги есть посвящение. «À ma chienne Andalouse». Моей андалузской собачке или что-то в этом роде. Книга называется «Бабы и Другие Телки», и в ней действительно упоминается уйма животных. Она отчасти и про сельское животноводство. Но ни одной собачки там нет. Как вы полагаете почему?

Какое-то неподходящее время для бесед о классике, подумал я. Но Ломаса не сразу поймешь.

– Не знаю, – сказал я. – Может быть, это личный момент.

– Вся эта книга посвящена личным моментам, – ответил Ломас. – Там много разного, на любой вкус. Нет только этой андалузской собачки.

– Вы что-то про нее знаете?

– Лишь предполагаю. Есть сведения, что в книге Шарабан-Мухлюева была еще одна глава, которую удалили при первой публикации. С тех пор она нигде не издавалась. Вообще нигде. Возможно, собачка связана с ней.

– А почему удалили эту главу?

– Русский мозг должен понимать такие вещи, Маркус. Сердоболы бережно относятся к своим культурным иконам, а Шарабан-Мухлюев – одна из главных. Видимо, в запрещенной главе было нечто, омрачавшее его светлый образ, и отрывок изъяли из циркуляции. Что там, по-вашему, могло быть?

– Не представляю.

– Есть сведения, что в этой главе Шарабан-Мухлюев рассказывает историю своего романа с одной карбоновой эссеисткой. Предположительно, с самой Варварой Цугундер.

– Неужели?

– Или с ее близкой подругой. В любом случае, Варвара там упоминается неоднократно, и это установленный факт. Мы можем узнать о ней много нового от современника. Возмож-

но, перед уходом в банку Варвара сменила не только имя, но еще и идентичность с гендером, тогда это было в моде. Если так, сузится круг поиска. Могут быть какие-то намеки, способные вывести нас на след. Нужно немедленно ознакомиться с этим материалом.

— Где его можно найти?

— Машинописный текст находится в сердобольском спецхране. В Москве. Но получить туда доступ практически невозможно. За разрешением нужно обращаться к низшему сердобольскому начальству. Буквально к самому Курпатову.

— К министру ветрогенезиса? Но при чем тут книги?

— Ветрогенезис — главная идеологическая доктрина сердоболов. Министр ветрогенезиса курирует не только обратные ветряки, но и все национальные символы, сокровища мысли и так далее. Наследие Шарабан-Мухлюева тоже в его юрисдикции.

— Неужели это настолько для них важно?

— До такой степени, что эту главу невозможно найти на электронных носителях. Она существует на бумаге в одном экземпляре. К ней нет доступа даже у боевых нейросетей. Сердоболы справедливо полагают, что после контакта с одним-единственным имплантом запрещенный текст быстро сделается доступен всей планете. Вы же знаете, как это бывает.

– Да, знаю.

– К спецхрану имеют доступ только сердобольские бонзы – они знакомятся с подобными документами через своих зеркальных секретарей в режиме полной отсечки. Даже мы не можем залезть в такой канал. Мы организуем вам встречу с министром ветрогенезиса генералом Курпатовым. Вы должны получить разрешение лично у него.

– Какой у Курпатова таер?

– Пятый. Он из низшего круга.

– Он меня примет?

– Да. Мы уже связались с их руководством. Сердоболы понимают серьезность ситуации и готовы сотрудничать.

Ломас поглядел на часы.

– Курпатов будет ждать вас через три часа ровно. Отправляйтесь прямо сейчас.

– Зачем такой запас? – спросил я.

– В сердобольской симуляции другие порядки.

– Я должен отсидеть три часа у него в баночной приемной?

Ломас улыбнулся.

– Вы должны пройти очистительные испытания наравне с другими просителями. Только тогда вы будете допущены к генералу.

– Зачем это?

– У сердоболов, Маркус, куча разных законов, по которым начальство должно отчиты-

ваться перед народом. Но они постоянно придумывают, как сделать это необязательным. Например, есть уложение о том, что министр ветрогенезиса обязан принимать просителей по личным вопросам прямо в своей симуляции. На прием может записаться любой гражданин. Коммутационный шлем на голову и вперед.

— Зачем шлем?

— Через имплант они не соединяют — боятся наших хакеров. Вроде все просто, но они дополнили этот закон служебным разъяснением, по которому в целях сохранения культурной традиции проситель должен пройти ритуальные испытания перед встречей. В духе русских народных сказок. Проходит их, Маркус, примерно один из пяти тысяч. Так что посетители Курпатова не мучают.

— И мне тоже надо их проходить?

Ломас кивнул.

— Они в курсе, что стоит на кону?

— В курсе, Маркус. Но статусные сердоболы следят друг за другом. Отступить от обычая означает дать слабину. Для них это смерти подобно.

— А если я эти испытания не пройду?

— Успокойтесь. Курпатов намекнул, что в вашем случае испытания будут чисто формальными и он придет вам на помощь.

— Подождите, — сказал я, — подождите. Если я отправлюсь в сердобольскую симуляцию, их нейросети получат доступ к моему мозгу?

– Частичный. Мы защитим вас от глубокого скана. Не теряйте времени, Маркус. Они уже открыли окно. Я буду следить за вашим фидом лично. В случае чего, помогу советом. Наши нейросетевики тоже подключатся... Все, я вас коммутирую.

Возражать было бессмысленно – я только порадовался, что успел как следует отоспаться перед новым стрессом.

Ломас, сидящий за столом, стал быстро куда-то удаляться, уменьшаясь на глазах. Пространство вокруг вспучилось, искривилось и разделилось на небо и землю.

Щелчок, волна тошноты, и я прибыл на место.

*

Я стоял на дороге. Вокруг простиралось хлебное поле. Вдали – там, куда уходила дорога – начинался лес.

Пшеница казалась тяжелой и перезревшей. Ее давно пора было скосить. Отчего-то мне пришло в голову, что так выглядели русские нивы после татарских набегов. Грустная мысль.

Небо было ясным, но каким-то тяжким. В его синеве присутствовала угроза. Стоять под ним было как под стрелой крана.

Симуляция нарядила меня в лапти, холщевые штаны и рубаху. За моими плечами болта-

лась котомка с неизвестным грузом. Я снял ее с плеча, развязал узел — и увидел массу разноцветных тюбиков разной формы.

Я взял один из них. Он был сделан из прозрачного пластика и заполнен коричневой пастой. Зеленую этикетку покрывали китайские иероглифы. В самом низу была маленькая английская надпись:

FRESH STRAWBERRY SALT SCRUB

В других тюбиках был огуречный, ананасный скраб и так далее. Целая косметическая коллекция. Но зачем она мне?

На связь вышел Ломас.

— Я получаю предварительный фидбек по поводу происходящего. Не ведитесь, Маркус. В нативных сердобольских симуляциях полно багов, это один из них. Видимо, по техзаданию частью одежды просителя должна быть котомка со скарбом. Но проектировщики допустили опечатку.

— А почему не исправили?

— Наверно, решили, что так страшнее. Видите впереди камень на кромке леса? Идите к нему.

Я пошел к опушке. Дорога там разделялась натрое. Два ответвления уходили вправо и влево вдоль леса. Третье ныряло в чащу.

На распути лежал черный камень. На нем сидел ободранный недружелюбный ворон. Перед камнем желтела куча человеческих костей, в которой зачем-то блестела пара золотых коронок.

– Читайте надпись, – сказал Ломас.

Действительно, я заметил высеченные на камне слова:

НАПРАВО ЗАШАГАЕШЬ – ЖИЗНЬ ПОТЕРЯЕШЬ
НАЛЕВО ПРОЙДЕШЬ – КОНЯ ПРОЕТЁШЬ
ПРЯМО ПОЙДЕШЬ – ЖИВ БУДЕШЬ,
ДА СЕБЯ ПОЗАБУДЕШЬ

Нижняя надпись была зачеркнута мелом, а под ней белели дописанные косым почерком слова:

ПРЯМО ПОЙДЕШЬ – СЧАСТЬЕ НАЙДЕШЬ!

– Ваши соображения?

– Налево, – ответил я. – Коня у меня все равно нет.

– Вот и видно, что вы не имели дело с сердобольскими нейросетями. У них довольно своеобразная логика. Если у вас нет коня, сеть может его из вас вычесть.

– И что получится?

– Хотите узнать?

— Нет.

— Тогда направо или прямо. В худшем случае вернетесь в начало, и будет следующая попытка.

— Если прямо, — сказал я, — получится похоже на мои профессиональные будни. Не хочется, чтобы моей памятью занимались сердоболы.

— Там вроде исправлено.

— Сердобольская версия счастья тоже не привлекает.

— Хотите направо?

— Не то чтобы хочу, но... Тут наверняка скрыта хитрость. Может быть, за встречу с Курпатовым следует отдать жизнь. Выбирать надо хитро.

— Давайте быстрее, — сказал Ломас. — Решайте.

Я пошел по правой дороге. Вероятно, думал я, имеется в виду символическая смерть. Я помнил что-то такое про сказочные испытания.

Местность не баловала разнообразием. Через каждую сотню метров из пшеницы торчало пугало, одетое в точности как я. Смотреть на них не хотелось: горизонтальные палки рук подразумевали невидимый крест. Впрочем, я не был уверен, что дизайнеры симуляции действительно имели это в виду — распятые в пустоте куклы могли служить просто маркерами дистанции.

Дорога медленно заворачивала вместе с кромкой леса. Пшеничное поле колосилось насколько хватало глаз — и у меня забрезжила догадка, что вдоль линии хлебов можно шагать всю жизнь.

Но вскоре я заметил тревожные знаки.

Пшеница во многих местах была примята, сломана или вырвана с корнем. На дороге стали появляться кучи странного зеленого помета. А потом я увидел впереди сразу несколько трупов, одетых в точности как я — в грубую сермягу. Разноцветные тюбики скраба из котомок, рассыпанные вокруг, казались поздними летними цветами.

Бедняги выглядели так, словно их расплющило молотом. Или, вернее, бифштексной отбивалкой — заметны были вдавленные в плоть следы каких-то выступов.

Тела были в разной степени разложения, так что смерть поймала их поодиночке. Значит, опасным было само это ме...

Я не успел додумать. Между деревьями мелькнула темная тень. Я поднял голову — и увидел в воздухе огромную зеленую жабу с шипастым наростом на животе. Жаба взвилась над дорогой в тяжком прыжке и падала прямо на меня.

Я побежал, а потом был удар, хруст и короткая, но очень яркая боль.

Я пришел в себя в том же месте, где начал путь — на дороге перед камнем.

— Вторая попытка, — сказал Ломас. — С нами уже работают сетевики, они помогут. Идите к камню.

Надпись на камне изменилась. Теперь она выглядела странно.

НАПРАВО ЗАШАГАЕШЬ — пропп #12

НАЛЕВО ПРОЙДЕШЬ — пропп #7R

ПРЯМО ПОЙДЕШЬ — пропп #!&

Первые два слова в каждом ряду были по-прежнему высечены в камне. То, что шло после тире, было напечатано на каких-то не-солидных наклейках, прилепленных поверх надписи.

— Что это за пропп? — спросил я. — Может, prompt?

— Нет, — ответил Ломас. — Именно Пропп. Автор «Морфологии Волшебной Сказки». Мы приподняли симуляцию, глядим прямо на код... Так, ясно. Поидете направо — надо опять сражаться со Зверем. Зверь будет другой, они ротируются. Но шансов на победу нет. Поидете налево — придется переплыть кислотную реку. Она рассчитана так, чтобы полностью растворить коня. У вас самого в случае конной переправы пострадают только ноги, но после возврата на исходную позицию придется

ехать на тележке. А если пойти туда без коня... мы с вами угадали, Маркус.

– А прямо? – спросил я.

– Решать волшебную загадку.

– Попробуем?

– Я тоже так думаю, – ответил Ломас. – Сеть поможет.

Я пошел вперед.

Дорога нырнула в лес, и кроны деревьев скрыли наконец давящую небесную синеву. Лес становился все темнее и гуще, а потом я услышал впереди хулиганский свист. Звук его не сулил ничего хорошего.

У дороги стоял высокий разлапистый дуб, и я понял, что уже добрался до места. Догадаться было несложно.

На древесной развилке метрах в трех над землей сидел восточного вида мужичок с узкой и длинной каштановой бородой. На нем был зеленый колпак с меховой оторочкой, похожий на полевую версию шапки Мономаха, зеленые сафьяновые сапожки, зеленый же кафтан с золотыми галунами – и бледно-салатовые штаны. Этот наряд почти сливался с кроной, так что я вряд ли заметил бы его среди листвы, если бы не тревожащий душу посвист.

– Соловей-Разбойник, – неслышно прокомментировал Ломас. – Сеть подсказывает, наряд воссоздан по рисунку Билибина, дай

вам бог здоровья, если знаете, кто это такой. Видимо, магическую загадку будет задавать именно Соловей.

— Петух-разбойник был бы актуальнее, — ответил я.

Я думал, что меня услышит только Ломас. Но услышал и Соловей тоже.

— Вы совершенно правы, мой друг, — сказал он неожиданно интеллигентным тоном. — В том, что касается актуальности. Но вы не правы в том, что касается народности, державности и культурных констант.

— Простите, я не хотел.

Соловей поднял перед собой руки, как бы призывая отказаться от пустых вежливостей.

— Я с удовольствием поговорю с вами на эту тему, — сказал он, — и на любую другую. Но прежде мы должны закончить с формальной частью. Я вам не зря на камне написал — прямо пойдешь, счастье найдешь. Обычно этот маршрут не столь гостеприимен, но мы вам специально соломки постелили для ускорения. Чего вас вправо понесло?

— Я думал, какой-то подвох.

— Недоверие, — кивнул Соловей. — Взаимное недоверие и подозрительность, накопившиеся за годы противостояния. Я ничуть не удивлен, лишь опечален. Но давайте закончим с ритуалом. Раз уж вы вспомнили про петухов... Вот вам загадка, которую вы должны

решить сразу. Я вам буквально подсказываю. При крылах, да не при делах. Что это такое?

В моем ухе пробудился Ломас.

— Так, — сказал он, — это из куриного фольклора, «Моление Марфы-Заточницы», если не ошибаюсь. Уже встречалось. Речь идет о петухе в невыгодном положении. Расшифровка может различаться в зависимости от контекста. Сеть предлагает вариант — «петух без хаты».

— Петух без хаты, — повторил я.

Соловей покачал головой.

— Какой же петух без хаты? Таких не бывает. Это петух без крыши, Маркус. Что-то вы совсем корни утратили.

Так, он знает мое имя. И даже про мои русские корни. Не надо недооценивать сердобольскую контрразведку.

— Зачту пятьдесят процентов, — продолжал Соловей. — И попробуем еще раз. Загадка номер два. Контрольная. Петух снес яйцо, кому оно достанется?

Я задумался. Это, похоже, было что-то из серии про ножи точеные и поэзию позднего карбона. Я не настолько хорошо понимал тюремную субкультуру, чтобы ответить на загадку сходу, но мне на помощь пришел Ломас.

— Курпатов нам подыгрывает, — сказал он. — Это не тюремный фольклор, а самый обычный русский. Правильный ответ такой: «Никому, потому что петух не несет яиц».

Я повторил разгадку вслух.

— Несет, — захохотал Соловей. — Несет, и целых два. Если вы про Кукера, из-за которого мы сейчас общаемся.

— Рад, что вы не теряете чувства юмора в такое тревожное время, — ответил я.

— Хорошо, — сказал Соловей. — Будем считать, что тест вы прошли. Залезайте.

Сверху упала веревочная лестница, и я стал подниматься к Соловью.

Дуб был огромен и величав, но естественность в его облике принесли в жертву функциональности. За похожей на кресло развилкой, где Соловей сидел во время нашей беседы, оказалось прямоугольное дупло размером с хорошую дверь. Рядом была обросшая корой табличка:

МИНИСТР ВЕТРОГЕНЕЗИСА

КУРПАТОВ А. Е.

ПРИЕМ ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ

Соловей скрылся внутри, и я шагнул следом.

Косыми расписными сводами приемная напоминала древнерусские палаты. Массивная мебель под парчовыми покрывалами занимала очень много места.

На дубовом столе стояли чаши, кувшины, кубки и ендовы — все темное, старое и мятое временем. Зато в парадном углу блестели зо-

лотые оклады икон, а сразу под ними стояли мраморный бюст генерала Шкуро в виде обрамленного виноградом Диониса и уменьшенная модель лагерной ветробашни. Эти два объекта несколько выбивались из общего стиля.

Курпатов указал на парчовую скамью у стола.

– Садитесь. Я слушаю.

Сев, я быстро изложил причину, по которой корпорации нужен доступ к запрещенной главе из Шарабан-Мухлюева.

– Это единственный способ хоть как-то прояснить загадку Варвары Цугундер. Нам нужен текст, и срочно.

– Не могу, – ответил Курпатов. – Даже и не просите.

– Но почему?

– Видите ли, Шарабан-Мухлюев – это очень важный для Добросуда автор. Что вы знаете о его творчестве?

Я остановил время, чтобы освежить память, и Курпатов послушно замер у стола. Этой технологии у сердоболов, похоже, еще не было.

– Многие исследователи уверены, – сказал я, вынырнув в реальность, – что современный корпус текстов и афоризмов Шарабан-Мухлюева – это огромный литературный подлог. Для его создания нейросети объединили и смикшировали труды сразу нескольких авторов среднего и позднего карбона, а самих

этих авторов стерли. А потом придумали миф о сне в криофазе, чтобы получить живого... ну, условно живого классика с карбоновыми корнями.

— Вот! — сказал Курпатов. — С корнями! Хотя одно правильно понимаете.

— Правда, что это компиляция? Хотя бы частично?

— Мы домыслы не комментируем.

— Но мне-то вы можете по секрету сказать.

— Нет, — ответил Курпатов, — не могу, мой милый. Дело в том, что наша официальная политика — не подтверждать, но и не опровергать подобную информацию о Шарабан-Мухлюеве. У него, можно сказать, шредингерический статус.

— Еще утверждают, — сказал я, — что все его новые эссе и комментарии пишет сеть.

— Тоже не комментируем.

В моей голове заговорил Ломас.

— Кстати, Маркус, вы должны понимать, что политика корпорации в отношении Шарабан-Мухлюева такая же. Тайна баночной личности. Даже мне не дают дополнительной информации, хотя он наш пассажир.

— Хорошо, — сказал я Курпатову. — Хорошо, генерал. Но почему мы не можем получить этот текст? Что в нем такого?

— Есть определенные соображения и обстоятельства, — загадочно ответил Курпатов.

– Вы сами читали эту главу? Знаете, о чем она?

– Да.

– Там есть достоверная информация о Варваре Цугундер?

– Возможно. Трудно сказать без дополнительного анализа.

– А почему его не сделали?

– К этой главе нет доступа даже у наших нейросетей.

– Почему вы не можете нам ее показать?

– Она тут же окажется в сети. Попадет в свободный доступ. А это не в наших интересах.

– Да что же там такое? – спросил я. – Какая-то жуткая зоологическая порнография? Или из нее следует, что Шарабан-Мухлюев был запрещенной у вас ориентации?

– Наоборот, это одна из самых пристойных глав в книге, – ответил Курпатов. – А по своей секс-ориентации Шарабан-Мухлюев, как и многие другие титаны той эпохи, был кинетосексуалом.

– Что это значит?

– Он стремился обладать всем, что шевелится или движется. Так проявлялось его огромное жизнелюбие. Мы к этому спокойно относимся. В данном случае дело в другом.

– В чем же?

– В этой главе писатель применяет старинную японскую литературную технику *дзуйхицу*,

то есть «вслед за кистью». Пишет, не исправляя ничего — туда, куда бежит мысль.

Похоже, у Курпатова тоже стояла система NEV или что-то вроде. Все-таки пятый таер.

— То есть это что-то японское? — спросил я.

Курпатов тонко улыбнулся.

— Я бы скорее сравнил с Уэльбеком. Тем более что и сам Шарабан-Мухлюев его в этой главе вспоминает.

Нет, подумал я, справку ты меня включить не заставишь.

— Кто это?

— Другой карбоновый автор, куда менее значительный. Но чем-то они близки. Такая же смесь политического цинизма, эротической откровенности и списка потребляемых продуктов. Только с потреблением у нас традиционно хуже. Французу проще — он может сочинить роман, просто перечисляя марки вин, обеденные меню и названия курортов. Европейский читатель все равно ничего другого не поймет. А вот русскому художнику из-за нашей скудости приходится сразу уходить в стратосферу духа. Не знаю даже, проклятие это или благословение.

Я вдумчиво кивнул.

— Конечно, Шарабан-Мухлюев достигает в этом отрывке несомненных художественных высот, — продолжал Курпатов. — Гений есть гений. Но одновременно он проявляет, как бы

это сказать... Метафизическую слабость. Он колеблется. Противоречит сам себе. Жалуется. Чуть ли не хнычет. Для столпа духа такое недопустимо.

– Но почему? Это же просто писатель.

Курпатов помрачнел и поглядел мне в глаза.

– Здесь между нами пропасть, – сказал он. – Вы не поймете.

– Чего не пойму?

– Да ничего. Ваше руководство, например, считает, что наши волшебные испытания в духе народных сказок устроены, чтобы отсеивать просителей. Сам слышал.

Не слишком ли глубоко они лезут в наши коммуникации, подумал я, но тут же вспомнил наклейки на придорожном камне. Мы ведь делаем в точности то же самое.

– Это не так, – продолжал Курпатов. – Главная цель подобного порядка – приобщение посетителей к родной культуре. Мы живем в эпоху, когда невероятно важными становятся корни.

– Какие?

– Культурные. Духовные. Назовите как хотите. То, из чего растет зеленая поросль национальной жизни. Вспомните Китай после культурной революции. Или Германию после второй мировой. Пустыня, развалины, распад. Но проходит пара лет, и начинают проклевываться ростки нового. А еще через несколько

десятилетий из живых корней вырастает новая Германия, новый Китай... Про Америку не будем – там уникальный случай.

Я снова кивнул.

– А у нас корни сознательно выпалывали много лет, – продолжал Курпатов. – И засеивали землю зубами дракона. Поэтому и растут сами знаете какие сорняки. Я вам скажу по секрету – я русский европеец. Просто надо понимать, что русская Европа, она вот такая. Сегодня нам дорог каждый сохранившийся росток. А когда ростки не могут пробить асфальт сами, приходится подсаживать их искусственно.

– Вы хотите сказать, что Шарабан-Мухлюев – это конструктор?

– В некотором смысле да. Он тщательно отредактирован и в творческом плане, и в биографическом.

– А он вообще был на самом деле?

– Баночник с таким именем на пятом таере есть.

– Мы можем с ним связаться?

– Сейчас это невозможно.

– Почему?

– Официальная позиция Департамента Культуры такая – Герман Азизович с юности был духовным последователем южинской эзотерической школы. Уйдя в банку, он много лет практиковал ее внутреннее учение и достиг

к настоящему моменту высочайшей реализации — состояния так называемого *куро-трупа*. По оценке экспертов Депкульта это соответствует медитативному модусу «ни восприятия, ни не-восприятия», достигаемому адептами древних традиций. Поэтому трубку он больше не берет. Но сам позвонить иногда может.

Так. Еще одна грань официозной легенды. Конструкт на конструкторе едет и конструктором погоняет.

— Но он сам писал свои книги? — спросил я. — Вот эту запрещенную главу?

— Мы выбираем не знать точно. В баночном измерении это легко осуществимая процедура. Я не знаю ничего наверняка, но как член руководства верю, что Шарабан-Мухлюев написал все свои опусы сам.

Мне вспомнилась вбойка КГВТ+ с крайне неприличной интерпретацией слов «член руководства» («руководство» великий вбойщик интерпретировал как безоценочный вариант термина «рукоблудие»). Оба слова были, что называется, на месте — и создавали законченную социально-метафизическую фреску.

Курпатов поморщился, словно я поделился с ним этой мыслью, но продолжил:

— Такова добровольно осуществленная мною коррекция памяти. Чисто теоретически я допускаю версию, что современный Герман Азизович создан нейросетями на основе мно-

жества реальных прототипов и не сводим ни к одному из них. Но это не меняет ничего. Тогда реальны безымянные герои культуры, легшие в его основу.

– Шредингерический автор, – повторил я.

– Да. Так или иначе, именно он стал символом нашего культурного единства. Тем, что объединяет всех независимо от политической ориентации и баночного статуса. Шарабан-Мухлюев – наш самый драгоценный корешок. Из которого со временем вырастет новая...

– Поймите, – сказал я, – этого времени просто не будет. Если мы не найдем Варвару Цугундер, ничего никуда больше не прорастет. Не останется никого из нас. Будут жаркие джунгли и динозавры. И наш шредингерический писатель потеряет не только читателей, но и весь корпус сочинений.

– Почему?

– Литература возникает в сознании читателя. А динозавры не читают.

Курпатов выставил вперед свою острую бороду и засмеялся. Если бы я не знал, что передо мной выдающийся казнокрад и главный теневой криптомайнер планеты, я бы решил, что это веселый Иван Грозный из рекламы пролайф-презервативов «50/50» (другие в Добросуде запрещены).

– А вы меня не прессуйте. Спешить мы все равно не станем.

– Курпатов резину тянет, – сказал в моей голове Ломас. – Видимо, чего-то хочет. Или послаблений для своих транзакций, или просто взятку. Или, может быть, ему семьдесят вторая ветроколония много крипты генерирует – там же все крутят с утра до ночи. Выяснить некогда. Дайте я зайду с главного калибра. Подождите секундочку...

Я не знаю, что после этого сделал Ломас, с кем связался и о чем говорил, но прошла всего минута, и бюст Мощнопожатного под иконами ожил. У него открылись глаза. Они теперь выглядели как обычные человеческие. Мало того, в движение пришел и порозовевший рот Шкуро.

– Анатолий, – сказал Мощнопожатный, – надо разрешить.

Курпатов повернулся к бюсту и отдал честь.

– Как прикажет партия.

– Партия считает, – ответил Мощнопожатный, – что надо послать в архив нашего человека. Из жандармерии, со служебным имплантом. Чтобы заглушки были. Может, не сольемся тогда.

– А если сольемся?

– Сейчас, Анатолий, главное – чтобы планета не слилась, – усмехнулся Мощнопожатный. – Руководитель твоего ранга должен видеть приоритеты.

– Но предосторожности тоже нужны, – сказал Курпатов.

– Нужны, – согласился бюст. – Поэтому я и говорю – пошлем жандарма, а трансгуманисты пусть сажают своего следака ему на имплант.

– Кого пошлем?

– Разберешься, – сказал Мощнопожатный, глянул на меня, побелел глазами и замер.

Аудиенция кончилась. Дух, снизошедший на бюст, уже его покинул.

– Ну вот, – пропел Курпатов, – видите, как вам везет. Начальство руководит на местах. А сам бы я еще долго думал, вы меня пока не убедили. Но теперь вопрос решен. Дадим вам в сопровождающие капитана Сердюкова, вы с ним уже сработались.

Все знает, понял я.

– Разрешение выдано, – подвел итог Курпатов.

– Что дальше?

Генерал пожал плечами, но вместо него ответил Ломас.

– Немедленно подключайтесь к Сердюкову, Маркус. Он сейчас в Москве. Мы посылаем его в архив.

Попрощавшись с генералом, я вылез из дупла и спустился на землю по веревочной лестнице. Но коммутация почему-то затягивалась.

Система отпустила меня, только когда я снова дошел до придорожного камня.

*

Classified**Field Omnilink Data Feed 23/59****Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Капитан Сердюков**

Когда я повис на импланте Сердюкова, он уже входил под дубовые своды спецхранилища — или, как его официально называли, Гохрана.

Миновав две проходных с рамками и нескольких вооруженных стражей, он добрался до окошка выдачи и получил тяжелый том в багровом переплете.

Это был полный текст романа.

В рабочем зале Гохрана, видимо, когда-то был декадентский ресторан. Особенно изумляли улыбающиеся сатиры, поддерживающие деревянный потолок.

Народу в зале почти не было — только два неприметных зеркальника. Один листал статистические таблицы, другой булькал и хохотал над каким-то томом с бородатыми Марксом и Энгельсом на обложке.

Сердюков устроился в уголке у окна и раскрыл книгу.

Текст набирали на пишущей машинке. Вдобавок это была так называемая «ксерокопия». Вероятно, это была просто стилизация под старину — но она работала: сразу повеяло

тайной. Так, должно быть, чувствовал себя археолог перед дверью египетской гробницы.

Надо было спешить. Сердюков быстро нашел пропущенную в остальных изданиях главу – и мы погрузились в чтение.

ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ РАССТАВАНЬЕ

Назову ее Ры.

Мы были врагами в литературе и любовниками в жизни. Такое обжигает и запоминается. Свиданья наши были тайными – во всяком случае, до моих знаменитых зум-атак (ей, впрочем, каждый раз удавалось объяснять их какими-то семейными обстоятельствами) – и всегда граничили с катастрофой, которой все и кончилось.

Но не буду забегать вперед.

Встречаясь для нашей парадоксальной страсти, мы спорили об идеях и мире – хотя, конечно, мнения ее были неглубоки. Но слова ее в те дни казались мне не легковесными, а *легкими*, как легка была воспетая Сологубом плоть.

Чему удивляться? С моим восприятием происходили искажения, описанные известным юмористом: «женщины бывают или прелесть какие дурочки, или ужас какие дуры». Увы, но речь здесь не столько о разных персонах, сколько о двух временных точках на траектории одного и того же знакомства. Сперва она была прелесть какой дурочкой. Общаясь с ней, я не

погружался в ее мнения – глубина в них отсутствовала – а просто радовался щелчку.

Она бывала временами остроумна. В начале нашего романа она подарила мне темную шелковую шапочку с вышитой алым буквой «М», а на внутренней ее поверхности дошла расшифровку – «изогин».

– Ну какой же я мизогин? – сказал я ей, принимая подарок. – Я как раз чисто по телочкам. Не то что твои амстердамские пидора.

Вдобавок к феминистской придурки она была русофобна, причем по-бабьи непоследовательна в своей русофобии: немцы, поставленные на русское царство, были для нее в сто раз честнее к народу, чем собственные «дрянные благородия»; татаро-монгольское иго продолжалось до сих пор – но вдруг! вдруг! – «натасканный англичанами педераст Юсупов убивает святого страстотерпца Григория, подлинного посланца народа одесную Царя – и монархия рушится...»

Ведь есть над чем подумать, да?

Но потом опять этот злобный болезненный бред: на танках якобы нет связи в точности как под Курской дугой, стволы изношены как в крымскую войну, а последнего левшу опять довели до могилы (только тот не подковывал блох, а из трех китайских делал одну как бы нашу, потому что при технологии в семь нанометров по-другому в землянке сложно).

Но главное, повторяла она, что это не глупость или измена, не случайное совпадение, а гештальт. То есть то самое, что мы и пытаемся сохранить на ветру мировых клоунад – ибо ничего, кроме этого «аналогов нету, цифры тем более», на тайной скрижали и правда нет.

Вернее, лучше б не было.

Поразительно, говорила она, как бережно и обильно наша культура век за веком воссоздает один и тот же тип идеолога-идиота (в Достоевском смысле, но не всегда), не способного ни к чему другому, кроме возжигания на небосклоне духа вечных путеводных звезд. Подобные сверкающие маяки и есть то единственное, что мы способны быстро реплицировать в промышленных масштабах – и это тоже гештальт. Как и перманентные дубы-крадуны на верхней полке.

Как резали ее слова. Ну хоть сюда-то не лезь, дура, неслышно кричал мой внутренний человек. Начиталась телеграмма пополам с Лесковым и Шпенглером, так хоть перевари сначала. Там же не все правда. Особенно у Шпенглера.

– Дуреха ты дуреха, – говорил я ей шуточно. – Ты посмотри на мир, где мы живем. Человек после тридцати для биологической эволюции не слишком важен. Может расслабиться и сгинуть в тумане в любой момент. Мы с тобой отходы производства – у мироздания в нас потребности нет. На геморрой и суставы жаловаться некому. Можешь наблюдать за представле-

нием, а можешь не наблюдать, природе пофиг. Но если выбрала наблюдать, делай это тихо. Не сопи и не мешай участникам.

– А зачем, по-твоему, эволюция? – хмыкала она. – Для чего?

– Для того, – отвечал я, – чтобы в умах людей проявился образ Божий. Так нас церковь учит. Но что люди видят, когда образ проявляется? Оказывается, мир настолько криво скосячен, что Самому приходится сходить в плоть и жертвенно умирать, пытаюсь хоть что-то поправить. Лично руководить на местах в ручном режиме. И то не все выходит. А начальство у нас от кого? От Бога. Так чего ты от него ждешь?

Она замолкала, но себя переубедить мне было труднее.

Ведь она права, думал я, нужна новая скрижаль, ох как нужна. Только где же ее взять? Исполать, как говорил Исаич – ищи, добрый молодец, ветра в поле...

Она любила похвастаться своей высокоинтеллектуальной, как она полагала, средой. Свою лучшую подругу Варю считала крупным теоретиком феминизма («крупной теоретичкой», как она выражалась). К этой Варе Ры относилась с придыханием – но так ни разу и не пригласила ее на наши встречи.

Зато цитат из Варвары я наслушался выше крыши. Тут тебе и инцелы, и интерсекциональность, и то, и это. Я пытался, конечно, объяснить

ей происхождение всех этих прогрессивных учений в понятных для бабьего ума терминах.

– Представь процентщицу-людоедку, которая сосет кровь из всей планеты. Ты идешь на нее с иконой, а она орет благим матом: «аппроприация! небинарность! виктимизация! микроагрессия! деколонизация!» Про что угодно орет, кроме того, что все мировое зло – это обратная сторона ее процента. Так орет, что тебя звуковой волной на землю валит. А она подбегает и начинает верещать в ухо, как страдала в детстве... Мать всех аппроприаций – когда старуха-процентщица наряжается свободой на баррикадах и постил свои фотки в виде озабоченной по климату маленькой девочки. Вы, дуры небритые, научились глядеть на реальность сквозь оптику американского кампуса, но что вы обнаружите, если посмотрите через ту же оптику на сам кампус?

– Что? – спрашивала она.

– Вы увидите, что весь этот красный прогрессивный постмодернизм, выросший из Лиотара, Дерриды и Фуко – просто золотая погремушка в руке у людоедской дочки, которая насосалась через мамкину грудь крови, а теперь блюет и воет с тоски. Западный молодежный протест – это просто опция безопасного досуга для сытых обдрочившихся зумеров, которые вдобавок ко всем своим привилегиям хотят ощутить себя совестью мира. Фортнайт, палестина, тик-ток – вот как-то так. У Мадонны был

образ, где она, истекая долларовым салом, позирует как Че Гевара. Вот это и есть американская духовная культура в одном кадре... Когда вы апроприируете прогрессивные дискурсы, вы полагаете, что преображаетесь в юную свободу. А на деле вы наряжаетесь кровососущей процентщицей, которая прикидывается юной свободой. Вы думаете, что вы прогресс, а вы просто заблудившийся хеллоуин. Ежики, мля, в тумане. Вам рожать надо... От меня только не вздумай, тут другой случай.

– Старушку-процентщицу шовинист уже убил, – отвечала она сухо. – Незачем ее помнить. Ладно, я об этом поговорю с Варварой...

В общем, между мной и Ры была стена взаимного непонимания. Это не значит, конечно, что наши беседы не приносили пользы. Дух дышит где захочет, и многие из моих постижений в те дни были подобны бетховенскому хохоту в публичном доме: хриплому, надменному, но – невнятно для профанок – содержащему в себе зарождающийся мотив «Пятой Симфонии».

Приведу пример.

Мы с ней часами слушали французскую попсу. Я любил это времяпровождение именно потому, что не знал языка (а она на нем говорила). Песни на французском не раздражали меня той смесью житейской ушлости и духовной пошлости, которой шибает от англосаксонской продукции, особенно в изводе криминального рэпа

(в юности, впрочем, я находил в англоязычных песнях изрядные смыслы – что было, то было).

В те дни я часто думал о концепции Нового Средневековья. Это выражение трепали на всех мировых языках, но понимал под ним каждый свое, и вместе выходило смутно и неубедительно, словно культурная закулиса не могла грамотно отработать сброшенный кураторами запрос.

И здесь меня посетило важное откровение.

Среди вещиц, которые Ры заводила, многое мне нравилось – русское ухо чувствительно к французским мелодиям. Пара песенок тронули меня особенно – «Hénin-Beaumont» Gauvain Sers и «Formidable» некоего Stromae.

Я не понимал слов, но сердцу моему чудилось, что я знаю, о чем эти песни. Понимаю просто по звуку – другого смысла в них быть не могло.

«Ан-Бомон», конечно, была о Запредельном, сквозящем в нашей повседневности. О черном ветре Абсолюта, дующем в лицо искателю истины, о последней свободе проигравшего героя, поднимающегося на эшафот и постигающего на крайней ступеньке, что это и есть главный земной выигрыш. Она была о легкомысленной силе духа, позволяющей ставить на карту все – как часто встречалась та в благородных французах прошлого, как восхищала наших предков!

Гован Сер, несомненно, пел об освежающем опыте русской рулетки с пятью патронами в ба-

рабана сикс-шутера, о нависающей смерти, без которой невозможна настоящая страсть к жизни... И еще, возможно, там было о последнем размахе затихающего в пустоте ума, понимающего, что его неподвижный полет будет теперь бесконечным и неостановимым.

И весь этот водопад смыслов просвечивал в легчайшей французской мелодии – из тех, что мог бы насвистывать арестованный после дуэли мушкетер, сломавший шпагу о колено.

Вторая пьеска – *Formidable* – была строже и (если уместно такое по отношению к музыке) целила выше. Мне представлялось нечто вроде алхимической лаборатории, где суровый маг вглядывается в реторту, в крохотном запечатанном объеме которой снята печать с Тайны Всего.

И вот он видит чудо чудес, поражается его невозможной красоте и стройности – и тут же понимает, что нет способа отразить эту прекрасную Тайну в нашем мире. Просто потому, что явленный мир и есть уже свершившееся приложение Тайны к нашему темному плану.

Это она, Тайна, разлагается и умирает в трудностях бытия с каждой жизнью, с каждым обманутым сердцем, с каждой задыхающейся душой.

Бог есть, но он – это мы все. Он не может сделать для нас ничего больше.

Чудо несовершенно.

Любовь преходяща.

Вечность забывчива.

Спасение, конечно, существует – Бог держит слово – но в нас давно нет ничего, что можно было бы спасти, и спасение возможно лишь *от нас...* Вот это видел я в реторте вместе со снявшим последнюю печать алхимиком, созерцающим божественную Тайну.

Когда я объяснил Рыбе свое понимание этих двух песен, она захохотала (смех ее в такие минуты казался мне inferнальным) и сообщила, о чем французы пели на самом деле.

Гован Сер пел... о недовольстве результатами выборов.

Причем даже не общенациональных, а муниципальных. Да, я не шучу. В городке Ан-Бомон на выборах в мэрию победил представитель Мари Ле Пен. И это так расстроило нашего певца, что он теперь пакует свой чемодан. Когда прогнил весь такелаж, же деменаж...

Уезжает он не из несовершенного физического мира, не из этой пошлой Вселенной – а из города, мля, Ан-Бомон – потому что там, мля, победила Мари Ле Пен. Катит в Страсбург есть колбаски. А вот если бы победил стандартный ставленник масонов, рептилоидов и Ротшильдов, он бы, наверно, остался.

Нет, я понимаю, конечно, что Мари Ле Пен такой же точно ставленник масонов и рептилоидов, только чуть припудренный для глубинного

француза. Ничего другого там сегодня не бывает и не может быть.

И Гован Сер тоже это понимает своим острым галльским смыслом, раз дожил до полового созревания и может сложить несколько слов вместе, не делая при этом под себя и не пуская изо рта произвольную слюну.

Но он такой дисциплинированный сотрудник французской культуры, что даже запускаемая рептилоидами духа электоральная обманка провоцирует его на этот public display of affection.

Вот на что ежедневно идет западный человек, пытаюсь просто выжить. А уж на что он идет, стараюсь преуспеть...

Потом Ры перевела мне «Formidable» Стромае. Этот мелодизированный рэп был чем-то вроде длинного пьяного монолога о сложностях французской половой жизни в условиях политкорректности, полиамории и приближающейся старости. Такой устный абриджированный Уэльбек для мигрантов третьей волны из Алжира. Какая там алхимия, какая седьмая печать... Седьмая печаль на киселе.

И тогда я понял, что такое Новое Средневековье на самом деле.

Вот римская базилика с ободранным со стен мрамором, разбитыми мозаиками пола, изувеченными статуями и заплесневевшей росписью потолка. Она осквернена, полуразрушена – но это все еще римская базилика, и ее благород-

ный контур на закатном небе трогает сердце: кажется, там внутри, в сумраках, прячется выскокая и честная древняя душа.

Но в базилике теперь заседает гуннский овцеложец и меняла, украшенный конскими хвостами и позвоночными кольцами. Он и есть римская власть.

Другой нет.

Ты восходишь по ступеням, которые должны вести к магистратам Империи, но до тебя долетает запах блевотины, прокисшего вина и гнилой конины. Знакомая культурная оболочка издавна выглядит по-прежнему: формы слишком устойчивы, чтобы распасться в одночасье. Но внутри лишь дерьмо и черви.

Гуннский кишечник, справляющий торжество своей нужды на римском форуме, завернувшись в реквизированную тогу. Вот это и есть Новое Средневековье, встречающее нас везде – в том числе и в современной французской песне, где сопричастная вечному музыка заправлена невыносимо пошлым смыслом.

Как вдохновляли нас когда-то эти звуки...

Какой русский мальчик, учившийся в младенчестве играть на фортепьяно, не помнит «Старинную Французскую Песенку» из «Детского Альбома» Чайковского, такую же неизбежную на первом году обучения, как апрель после марта?

Чайковский вспоминал, что мелодию эту напевала случайно встреченная им на улице французская старуха – хотя ее мог мурлыкать и переодетый ажан где-нибудь в притонах Парижа, у композитора была сложная биография.

Но даже за этой простенькой пьеской вставали тени чего-то древнего и настоящего. Такие необходимые в наших зимних, мрачных и вечно предвоенных городах.

Тени эти мерещились нам всегда. Когда убили Пушкина, питерские аристократы – например, молодые Вяземские – были полностью на стороне Дантеса. Да и сама Наталья Гончарова ближе к старости встречалась с пожилым доншуаном, чтобы вспомнить былые дни. Чистейшей прелести чистейший образец, как говорили экзорцисты.

Вот как действовала на русскую душу эта старинная французская песенка, эта невыразимо влекущая закатная тень, падающая на нас с Запада.

Став старше, я с удивлением понял: на Западе давно нет ничего, что могло бы ее отбрасывать. Но оно когда-то было, конечно – как иначе я ощутил бы присутствие этой энергии в вечности?

Тут случай, обратный отсутствию тени у вампира: лучшее в западной культуре было как бы тенью героя без самого действующего лица.

Я не понимал в те дни, насколько фундаментальна эта оптическая схема для зона, в которой мы заброшены...

Читательница, я понимаю, до чего странно тебе видеть эти размышления в книге, анонсированной как эротический дневник помещика-животновода. Ты с нетерпением ждешь того самого, на что намекает название. Будет, все будет на этих страницах – и обжигающая душу страсть, и неподъемные проблемы сельского хозяйства. Но не прямо сейчас.

Пойми – у глубокого человека любовное всегда переплетено с духовным. Говоря о сложных эволюциях духа, которые я переживал рядом с Ры, я рассказываю именно о том, из чего состояла наша страсть. Все остальное было как у зверюшек и птичек.

Ну, не совсем.

Ладно, убедила. Скажу несколько слов о телесном прямо здесь.

Она любила straponы – и это как-то хитро переплеталось с ее феминистскими воззрениями. Она собирала их на связки и все время повторяла, что женщина будущего наденет на себя многочлен не из зависти к пенису, а из чувства полноты бытия.

Конфискованные мужские достоинства будут висеть на ее чреслах, как трофеи. Возможно, ее шею украсит ожерелье из сушеных африканских фаллосов. Если ожерелье привезут из Мали, на

нем, быть может, найдется несколько французских светляков подлиннее. Formidable.

Я пытался представить, как это будет выглядеть – наверно, похоже на связку сухих корешков – а ее неукротимая фантазия уже устремлялась дальше. Она вслух мечтала о жемчужно-педиатрической нитке из Хайфы, где за каждой круглой перламутриной темнеет высушенный на солёном ветру обрезок будущего воина ЦАХАЛ.

– Пусть поищут повестку, – хохотала она, – найдут, да не ту! Не ту!

В общем, она любила фантазировать, и делала это весьма фактурно – я только успевал фиксировать. Но мне, как убежденному традиционалисту, все это было бесконечно чуждо.

Думаю, что именно из-за разницы в мировоззрении наш интим быстро принял жесткие BDSM-формы (разумеется, по взаимному согласию и со словом безопасности). Да, нас мучительно тянуло друг к другу – но идеологическая пропасть между нами была такой колоссальной глубины, что нам хотелось как бы уничтожить друг друга через близость.

Она не слишком боялась физического неудобства, но была чувствительна к моральному. То же можно было сказать и про меня – и, поняв это, она проявила изрядную изобретательность, пытаясь причинить мне ту глубинную боль духа, которой требовала в качестве контрапункта наша своеобразная страсть.

Как и другие мои партнерши из либеральных кругов, не чужавшие меня целиком и видевшие перед собой лишь удалого жеребца, она старалась задеть за живое едким словом, не понимая, как на самом деле широка моя душа, как ровно струятся ее воды к солнечному морю вечности.

– Ты потому изображаешь лихого рубаху-парня, – говорила она, – что думаешь, будто такой русский образ хорошо продается в Париже. Ты хитрый как Распутин. И такой же наивный, так что дай тебе бог кончить лучше. Конечно, маркетолог ты способный, этого не отнять. Но с концепцией ты опоздал примерно на век.

– А какая концепция актуальна? – спрашивал я с хитринкой.

– Если хочешь, чтобы тебя услышало много людей, говори в максимально эпатажной форме то, что и так всем ясно. Но с таким видом, словно Америку открываешь. Только ты по-любому опоздал. Айседору мировая жаба тебе уже не выкатит.

Я даже не морщился. Это было как стрелять в Волгу из мелкашки – разве разглядишь взбрызг от глупой бабьей пульки в солнечных ее бликах? Но она очень старалась. Это, признаю, добавляло ей сексуальности.

Других упреков не буду и повторять. Она не понимала, что я не могу вписываться за каждую щепку, летящую во время исполинской рубки леса, поскольку щепкой легко стать са-

мому, а мне надо сохранить себя для будущей большой судьбы, великого поприща. Должность моя – защищать внутренние и внешние рубежи духа в симфонии с начальством, указывая ему на то, чего оно по добродушию часто не видит.

Расскажу, как я делал это рядом с ней.

Но сперва разъясню темные слухи о том, что я якобы кидался на людей с оружием в руках, да еще в непотребном виде.

Это не так. Физического вреда я никому не причинил. Но даже близкие друзья часто задают мне два вопроса. Во-первых, спрашивают, почему во время своих знаменитых зум-атак я был гол. Во-вторых, просят объяснить, почему – со вставшим прибором.

Четко и по порядку расскажу, как было дело, чтобы все знали правду из первых рук. Стыдиться мне нечего. Заодно станет ясно, чем вдохновлялись наши лучшие современные поэты, считающие себя моими учениками.

У меня есть мудрый старший друг – египтолог Солкинд, знающий много старинных тайн. Он обучил меня поразительно глубокой эзотерической практике, древней, но отлично подходящей к нашему времени.

У египтян был бог Мин. В незапамятные времена он работал божеством неба, а потом его перебросили на торговлю и караваны. Пустыни тоже курировал он – во всяком случае, при поздних династиях.

У него очень характерный вид: мужчина с эрегированным членом и плеткой в поднятой правой руке. Левая рука на фресках и в папирусах не видна, но на статуях он придерживает ею свой напряженный фаллос за основание, оттягивая крайнюю плоть. На голове у него что-то вроде раздвоенной высокой короны. В общем, наш сверхчеловек. Посмотрите картинку в сети, лучше поймете дальнейшее.

С ним связано много культов, открытых и тайных. Не хочу вдаваться в излишние подробности, но скажу, что одна из главных практик подразумевает длительную визуализацию «Я – Мин». То есть вы представляете себя в виде этого божества, мысленно копируя его позу.

С членом все просто, а вот с плеткой и головным убором сложнее. Солкинд показывал мне настоящую ритуальную плетку в виде созвездия Ориона, но я ведь не египтолог. Поскольку плетка здесь символическая, я решил, что сойдет моя собственная. Поэтому в правой руке во время визуализации у меня всегда был «Глок-17» (люблю эту машинку – травмат, конечно, но на стволе ведь не написано). На время духовных упражнений обойму я вынимал.

То же и с головным убором – раздвоенная египетская корона символизировала древнюю сакральную власть. Достать такую тиару трудно, поэтому я пользовался или буденовкой, или фуражкой с малиновым околышем, которую пода-

рил мне один радикальный поэт. Эти головные уборы компактней, а метафизический смысл в них примерно такой же.

В чем практическая польза этой практики? Она отлично срезает разную муть на стрелках. Посидишь перед выездом полчаса в медитации, потом подъедешь на трех «геликах», раз глянешь партнерам в глаза, и поступает на тонну туфты меньше. На бизнес-переговорах сильно помогает.

Метод реально работает.

Настолько хорошо работает, что и на стримы тоже лучше ходить после получасовой визуализации «Я – Мин».

Не буду подробно объяснять, как ее выполнять: у вас наверняка есть знакомый тантрический буддист, бродячий дзогчен-па или синий бон-поц. Уточните, как они линкуются со своими идами. Делать надо так же, только на древнеегипетском материале.

Но визуализация еще не все. Чтобы техника гарантированно помогла, во время практики следует относиться к себе с нежностью.

С этим у меня всегда был порядок, так что тайная наука давалась мне легко. Про плетку и шапку я уже сказал, а остальное было при мне и работало исправно.

Почему я применял этот несколько экзотический скрипт в своих знаменитых зум-атаках? А вы посмотрите, с кем я дискутировал, и сразу

поймете. Русского человека эти люди не боятся: они нас двести раз купили, двести раз продали и уже про нас забыли, а мы ничего еще даже не поняли. Может, кто и понял, да начальство велело помалкивать.

А вот древних египтян они помнят хорошо – не умом, а поротыми при фараонах жопами. Генами своими помнят.

Опишу теперь, что и как было на самом деле.

Ры постоянно ворковала по зуму со своими заграничными подругами – или сообщницами, не знаю, какое слово здесь уместней. В эти минуты она расслаблялась, хохотала – и, кажется, была по-настоящему счастлива.

Однажды я нашел в чулане ее огромной наркомовской квартиры детскую игрушку – лошадину голову на палке. Возможно, еще дореволюционную. Спрятав ее за дверь, я дождался, когда у Ры начнется сеанс зума с Дуней Канегиссер, работавшей тогда в одном нью-йоркском журнальчике (не хочу рекламировать его в своей громкой книге).

Дав им почирикать пару минут, я вынул из «Глока» обойму, разделся догола, привел свое копье в боевое положение и надел фуражку. Взъерошенный и возбужденный, я ворвался на кухню прямо под рыбий глаз айпэда – и обратился со своей деревянной лошадки к Дуне, подняв плетку над головой.

Много спорили, что же именно я сказал тогда на самом деле. А сказал я чистую правду:

– Let me break it to you that being an elderly jewish lesbian – no matter how beautiful and romantic that might be in itself – does not automatically put you in a position of moral authority!¹

Почему столько противоречивых слухов? Возможно, из-за моего произношения.

Помню неподдельный страх в карих с поволокой глазах Дуни – но не думаю, что мне удалось по-настоящему достучаться до ее сердца.

Поразительно, но хоть моя зум-атака должна была сохраниться в качественной записи минимум в двух местах, западная мейнстримная журналистика обошла этот эпизод полным молчанием. Нет, этому надменному племени не нужен наш *красный смех*.

Через неделю Ры зумилась с Марусей Кропоткинской, безобидной амстердамской шептуньей из моральной подтанцовки одного нефтяного экстремиста, рекламировать которого в моей громкой книге мне тоже не хочется.

В этот раз я посоветовался с большими ребятами. Они сказали, что сама шептунья никому не нужна, а вот экстремист – цель легитимная.

---

¹ Позвольте открыть вам, что быть пожилой еврейской лесбиянкой – как бы прекрасно и романтично это ни казалось само по себе – еще недостаточно, чтобы автоматически сделаться моральным авторитетом!

Но про девяностые вспоминать не стоит, а то сочтут и заподозрят, причем и тут, и там, да еще и эти могут. Так что клекотать и рвать печень можно, но лучше по поводу восьмидесятых.

Могло получиться даже свежо – туда еще никто толком не нырял. В общем, в этот раз я подготовился лучше и говорил дольше, причем уже на языке родных осин и сделанных из них колов.

После моей предыдущей атаки на фейковые моральные авторитеты Ры боялась зумиться на кухне, потому что я мог ворваться туда в любой момент. Она переехала в комнату с большим портретом барона Унгерна и во время сеансов связи сидела за столом лицом к входной двери. Между ее спиной и дверцей встроенного шкафа оставалось слишком мало места, чтобы я мог втиснуться под камеру планшета и прокричать запрещенную правду.

Но бабий ум короток.

Услышав, как она договаривается о завтрашнем зуме, я незаметно занял место в шкафу за полчаса до назначенного срока. Мне пришлось изрядно примять пахучие платья моей ненаглядной – и от этого я был реально возбужден.

И вот Маруся Кропоткинская на связи.

Я жду в засаде. Еще пять минут, еще десять. Когда в эфире между ними начинает струиться химически чистая рукопожатность, я поправляю фуражку, распахиваю дверцу шкафа – и неумо-

лимый Мин бросает в стеклянный глаз айпэда новую порцию древнеегипетской правды:

– Маруся, я не буду вспоминать, чем твой спонсор занимался в девяностых. Нам тут объясняют – если не дать еврейскому коммерсанту максимизировать прибыль, что-то драгоценное хрустнет и надломится в его душе. Поэтому про залоговые аукционы ни слова. Я просто напомню, откуда этот кент вообще приплыл. Он же, сука, был комсомольским вождем! Вступил в КПСС в девятнадцать лет! Это тебе как? Ты у нас вроде православная – ты что, к Христу на его бабки проехать думала? А другой твой спонсор сейчас рассказывает на всех платформах, что был диссидентом и боролся с гэбухой. А на самом-то деле он в КПСС вступил в то же время и в том же возрасте, и был аж членом комсомольского ЦК! Гэбуха на самом деле его охраняла, пока он конем ходил! Охраняла, Маруся! Это какую же надо было иметь в душе седую ночь, чтобы в середине восьмидесятых – Оруэлл, 1984, все вот это – нырнуть в КПСС! Тогда ведь никто иллюзий уже не имел. Только два этих светлых и чистых мальчика, оба примерно в ранге штандартенфюрера к двадцати годам. А как началась перестройка, ребята прошли непростой духовный путь и по чистому совпадению оба присосались к ослиной елде. Оба, Маруся! Они свою партийно-комсомольскую карьеру вообще ни на миг не прекращали, это мировые зеркала

так развернулись. И цимес здесь не в том, что они в компартии состояли, а в том, что это групповой синхронный пилотаж мирового класса. Им на праздниках выступать надо – с дымовыми шашками на перепончатых крыльях. Других за посты двадцатилетней давности отменяют, а этих виртуозов? Никогда. Ни-ко-гда. А ведь известно, какие слова надо было вслух сказать, чтобы в КПСС приняли. Напомнить по секрету? Марусенька, не знаю, какая ты Кропоткинская, но следующая твоя пересадка в Нижние Котлы. Ухнешь туда вместе со спонсорами. Только вы и в аду будете при делах, с теми же привилегиями и в том же шоколаде – если, конечно, ад от вас не закроется по безопасности... Это я тебе со всей нежностью говорю.

Больше я не успел сказать ничего: она упятилась обратно во тьму.

И опять заговор молчания в корпоративных СМИ. Они ведь избегают любых информационных сквозняков, ломающих их картину мира. «All the news that print to fit»¹, сами признаются. Только в «Morning Star Tribune» (Jacksonville, Florida) через неделю соблаговолили напечатать одну фотку из зума. Член заблюрили, зато пистолет обвели красным кружком. Статья, правда, была неожиданная:

---

¹ All the news that's fit to print – «Все новости, годящиеся для печати» – девиз газеты «Нью-Йорк Таймс».

*NOVELIST SHARABAN-MUKHLUEFF: RUSSIA'S
HUNTER BIDEN IN SEARCH OF LOVING ARMS¹*

Да. Искусству психологической войны нам еще учиться и учиться. Но почему эти провинциальные сатанисты всегда стараются объяснить самобытные проявления нашей культуры через свой макдоналдс? Неужели нельзя без костылей? Или это тоже часть гибридной борьбы за души?

Мысль моя, конечно, здесь не остановилась.

Русскому юноше из простых интеллигентов в восьмидесятые годы в партию вступить было практически невозможно, знаю по себе. Боялись, высоко потом взлетит. А молодых евреев туда вообще не брали. Я даже представить не могу, какой танец с ледорубом надо было сплясать в Первом отделе, чтобы такое срослось. Чего уж там залоговый аукцион.

А в наше время, да еще на Западе... Русачку просто не скажут, где и как в нынешнюю партию принимают. Сто оккультных фильмов ужасов надо посмотреть, чтобы только начать догадываться, что это такое. Хорошо хоть, у нас в стране вопрос разъяснился окончательно. А то так и блуждала бы в тумане душа.

Так кто наши духовные авторитеты? Вот эти люди?

---

¹ *РОМАНИСТ ШАРАБАН-МУХЛЮЕВ: РУССКИЙ ХАНТЕР БАЙДЕН В ПОИСКАХ ЛЮБЯЩИХ РУК.*

Ха-ха-ха-ха!

Ха-ха-ха-ха!

(грозно хохочет на мотив «Пятой симфонии»).

А знаешь ли ты, читательница, кто назначает русских писателей *большими, значительными, крупными и великими*? ЦРУ. Цэ-рэ-у. И никто другой.

Они всегда этим занимались и всегда будут. Говорят, в Америке нет министерства культуры – позвольте-позвольте. А ЦРУ? Выполняет те же функции, только это не национальное министерство культуры, а глобальное. И заодно – тайное мировое правительство, если кто до сих пор найти не может. Чтобы рулить миром, надо рулить Америкой. А кто рулит Америкой? Вот, начинает доходить.

Про «современное искусство» (всяких там поллоков и де кунилингусов) все давно знают, что это СІА рсуор. Даже повторять лень.

Но ведь философов точно так же раскручивают. Вот Славой Жижек. *Фирма* (не путать с нашей *конторой*, которая исключительно закручивает) позиционирует его так: «самый опасный философ Запада». Почему? Как почему. Когда он вылизывает яйца неоконам и истеблишменту, его зубы всегда рядом. По западным меркам, реально тревожная ситуация.

Но это у них внутреннее потребление. А о наших делах просто молча взгрустнем. *Фирма*

нам теперь Духоград строить назначила. Вторая ходка после Лондонграда. Лет через десять вернутся, спуют за забором «Winds of Change», отрясут все груши, и по новой.

Но я про родную словесность не договорил. Она ведь тоже недалеко ушла. В смысле, от ЦРУ.

Нельзя даже сказать, что это особо скрывают. Просто выясняется все с опозданием в полвека – когда рассекречивают документы, всем уже плевать. Ну как с Пастернаком. Или с Солженицыным. Вы правда думаете, что с нынешними как-то иначе? Да там все пенистее в десять раз, и не от слова «пена».

У этих ребят вся линеечка размечена. Они слова зря не уронят. Большой, так большой. Крупный, так крупный. А нарекут значительным, им и подохнешь. Что ЦРУ решит, то клака и забубнит – они в случае плохой связи друг по другу курс сверяют, как стая крылатых ракет. А все хомячки в сетке потом повторяют. Не зря же такая серьезная организация по ним тапала.

Это не значит, что я критикую ЦРУ. Я их уважаю. Они американские патриоты, делают свою работу как могут. Но у них там эквити, инклюзивити и что-то там еще. Поэтому я просто расскажу с опорой на инсайдерскую информацию, как у них сейчас организован процесс. Наши контрразведчики тоже кое-что про них знают.

Короче, им недавно назначили в русский отдел нового куратора современной русской литерату-

ры. По черной транс-квоте. Оне раньше были механиком в Детройте, а теперь от них в мужском туалете пол-Лэнгли шарахается. Оне вообще-то в женский ходят, а в мужской забредают по старой памяти, когда крэком удолбятся. Но прогресс не остановить, так что что на работу их все-таки взяли – там в руководстве тоже не камикадзе.

Но посадили их не на торпеду «Посейдон», не на ракету «Буревестник», а на великое дерево русской словесности. Потому что белые цисгендерные крипторасисты в руководстве отдела решили так – особо наша пидорская обезьяна там не напортачит (yes, that's exactly what they think about thee, my black non-binary broster¹), а если и напортачит, невелика беда.

Диалектика в том, что консервативные элементы в ЦРУ есть, но объективно они тоже действуют против нашей культуры.

И что, как вы думаете, эти бывший механик из Детройта делают? Оне сами только крэк курить могут и за демократов голосовать. Поэтому всю текучку спустили на главного консультанта. А это кто? Правильно, профессор Козловицер из Колумбийского университета.

Он, между нами говоря, такой же профессор, как я великий канцлер. Профилактик пэтченый, который две шитных статьи написал, и то

---

¹ Да, именно так они про тебя и думают, мой черный небинарный брат.

в лохматом году. Но это он теперь определяет, кто у нас *великий*, кто *значительный*, кто *крупный* – и не просто на ютубе пованивает, а решает по линии самого ЦРУ. И если ты с ним в Москве не пил до его отъезда, то звать тебя никак и статус у тебя в мировой культуре вообще никакой.

Даже хочется иногда через голову начальства обратиться – ребята из ЦРУ, мы же не природные враги! Давайте осторожно продвигать вместе консервативную повестку, это в наших общих интересах. Только увольте этого козла. Я не про черных транс-механика из Детройта, я все понимаю – но увольте этого Козловицера! Сколько вреда он принес русской литературе.

Вы разве не понимаете, как он вас крутит на своем кулацком обрезе? Банально бюджет пилит с корешами, пока вы делаете черным транс-механику искупительный эквитический метаотсос. Очнитесь! Подумайте, как транжируются деньги американских налогоплательщиков! До чего дошло – русский писатель такие вещи объяснять должен.

Но только ЦРУ Козловицера не уволит. Хотя именно из-за таких сомнительных трудоустройств эта солидная организация раз за разом оказывается у разбитого корыта. Они ведь не только русскую литературу просрали. Америку тоже. Тайное мировое правительство опасно прежде всего тем, что может очень долго скрывать, какие в нем собрались мудаки.

А вот Колумбийский университет уволить Козловицера может легко – потому что у него через слово то «рашизм», то «рашист», а это классический racial slur. Возбуждение ненависти по принадлежности к нацгруппе. Попробовал бы он так про палестинцев. Или russial slur в Колумбийском университете можно?

Тогда я сам все сделаю. И без всяких доносов.

Слышь, Козловицер – я еще почитаю, что свободные СМИ про меня пишут, а потом одолжу у Солкинда двойную египетскую корону, просячу час в тантрической медитации «Я – Мин», надрочу елду электрической помпой и позвоню тебе, сука, по зуму. Подниму плетку – и все. Могу не звонить даже, просто приснюсь. Солкинд научил. Ты на следующее утро вообще не проснешься. Только приснится напоследок, что в пирамиде Хеопса заплутал.

Понял, нет?

Ну ладно, увлекся. Но завтра специально не стану исправлять ни строчки, чтобы звенел в нравственной пустоте нашего века обнаженный нерв моей запрещенной искренности. Писатель должен иногда быть эмоциональным себе во вред. Сейчас вот тяпну еще водочки, минут через пять, глядишь, перещелкнет на философскую прозу.

Вот ни слова не изменю. Пусть отменяют.

Да мне, если честно, наплевать на эту отмену – ну где этой конторе победить художника? Особенно если ему интереснее не издаться лишний раз в какой-нибудь загибающейся залупе за кордоном, а честно сказать вслух, как обстоят дела.

Еще, говорят, международный престиж. Вот это уже окончательно интересная тема. Эта шатия-небинария до сих пор думает, что от нее исходит какой-то престиж. Да его у нас ни в одном публичном доме не берут, а скоро и пускать с ним перестанут. А если в известных кругах этот престиж все-таки полезен, то где я – и где эти таинственные круги на ржаном поле из кислотной галлюцинации соевого куколда, сосущего лаваш с мацони на проспекте Шота Руставели.

По опыту личного общения с англосаксами знаю, что главная польза, которую можно из него извлечь – это сэкономленное время. В лучшем случае расплатятся песней. И даже не в оригинальном исполнении, нет. Будет как в анекдоте – подъедет какой-нибудь рабинович и напоеет Фрэнка Синатру. Причем не тебе, а другому рабиновичу. А высосут из тебя за это все до последней кровинки.

Конечно, у них на витрине всегда прыгает пара русачков, которым как бы повезло – но не ведись, бро. Они и свой собственный пролетариат по той же схеме разводят, не только нас.

Русский успех на Западе – это когда тебе выдают три клетчатых пиджака для стримов и сажают перед камерой проецировать образ успеха.

Теперь подумай вот о чем. Кто послы духа и нравственности в нашей культуре? Сплошной актив ЦРУ (МИ-6 и Моссад для меня примерно то же самое, так что если кого задел, извините). Ну может затесалась пара-тройка хлопцев из ФСБ – конечно, яркие ребята, но если в процентах посмотреть, не видно даже. Они там в Лэнгли правда считают, что будут кормить нас вот этим самым, а мы станем покорно глотать?

Да, говорят, так и считаем. Глотали всегда и сейчас проглотите.

И ведь правы. Проглотим, булькнем и на дно. И снова не сумеем сказать вслух то, что понимаем уже не первую сотню лет. И опять не узнаем, чем все кончится.

Но это и не важно. Ибо главная истина, другой до свиданья, состоит в том, что этот недобрый мир полностью иссякнет и завершится в тебе самом гораздо раньше, чем сменится геополитическая эпоха, климат или что там еще на телепромптере.

Истины, видишь ли, бывают абстрактные и личные. Отличаются они тем, что абстрактные проверить трудно из-за их отвлеченной природы (Кант), а личные придется пережить самому, поскольку они чисто конкретные и судьба проводит по ним мордой (Соловки).

По-настоящему важны для человека только личные истины. Хотя сделать абстрактную личной (например, присесть на червонец за базар) в принципе можно тоже. Можно даже из личной истины попытаться сделать абстрактную, но это надо, чтобы хорошо вложилось ЦРУ.

Почему все важные истины – личные? Потому что мир состоит из наших личных ощущений, чувств и мыслей. Проверь сам. Побегай, попрыгай, можешь ленту почитать – только следи за реакцией. У тебя пять минут, а я пока еще водочки накачу.

Вернулся? Убедился? Все, что ты сейчас испытал, связано с уже распадающимися (замечал неоднократно, да?) биологическими органами, включая мозг. Твоими органами.

Иной системы координат, кроме личной индивидуальной реальности, просто нет. Все проявляет себя только в ней, включая авторитетные философские мнения, что это не совсем так. А прочее имеет место быть или не быть на соловках у канта.

Поэтому в любом реальном измерении неравенство кончается абсолютным и полным равенством без всяких баррикад – и весьма быстро. Кончается вместе с самим этим измерением. То же самое относится ко всякой земной несправедливости и несвободе.

«Кто был ничем, тот станет всем» – это не факт. А наоборот работает всегда. Проверено

КРУТЬ

веками. Так что не надо переживать – Бог не фраер и не франкмасон.

Так не хрен ли тогда с этим миром, если он и есть ты сам, а тебе по-любому уже прилично тик-так, а скоро и вообще тук-тук?

Да, *конец истории* делается все тверже и поворачиваться к нему спиной уже тревожно. Но не бойся глобальных катаклизмов, друг мой. Скажу тебе на ухо – ты сам и есть надвигающийся апокалипсис, такой же неизбежный, как лесбийский оргазм черной белоснежки в диснеевской гомофраншизе.

Нет другой атомной бомбы, которая долбанет по этому миру так же фатально и метко, как ты сам. Мало того, заодно ты уничтожишь всю Вселенную. Замочишь не только Цукерберга на яхте «Launchpad», но и его космическое рептилоидное начальство из международного порнофильма «Проблема Трех Тел».

Какое еще утешение тебе нужно, человек?

Назову это четвертой бритвой Шарабан-Мухлюева.

— — —

Вчера я расслабился и отвлекся – и даже, наверно, проявил слабость. Но, как и обещал, не правлю ни строчки. Пусть будет у эпохи лишний написанный кровью документ.

Вернемся к Ры.

Самым поразительным в этой интрижке оказалось то, что в дни, когда наша страсть была на пике, литературная борьба между нами продолжалась с неукротимой яростью – и в публичном поле, и в спальне.

Не буду останавливаться на деталях – они известны. Она облыжно обвинила меня в мизогинии (в числе многих других бедняг). Я в ответ попросил определить понятие «женщина». Против моих ожиданий, она попала в этот небрежный капкан и была объявлена трансфобкой.

Это оказалось для нее страшным ударом. Труднее всего ей было пережить то, что вчерашние подруги, в том числе Дуня с Марусей, теперь публично клевали ее печень, чтобы сохранить собственную рептилоидную пайку. Она замкнулась в себе, помрачнела – и стала вести себя странно.

Я уже говорил, что идеологический разрыв между нами сделал сползание в BDSM-практики неизбежным. Но я не искал себе сисястую либеральную доминатрикс, как многие фейковые традиционалисты, чьи истории сделались в последнее время достоянием гласности.

Нет, я хотел доминировать сам. Не столько над ее женским, но поразительно сильным телом, сколько над заблудшим умом. Не для того, чтобы насладиться чужой слабостью и своей мощью, а чтобы направить к возрождению, свету

и правде – примерно как делают это сотрудники ФСИН.

Рукавицы мои были ежовыми лишь для поразившего ее душу зла. Так чуяло мое сердце здоровую духовную изнанку наших сексуальных сомнительностей.

А что касается их несколько эпатирующих форм, то мы же не плясали голыми в общественном сознании. Мы делали все консентно, в пристойном уединении и в личное время, как два совершеннолетних трансгендерных индивидуума, и никаких жалоб от граждан на наши действия не поступало. Были только завистливые сливы в сеть. Думаю, читательница, ты многое видела сама – но расскажу о том, чего не заметит никакая камера.

Ее психическое состояние в те дни начало вызывать тревогу. В ярости она становилась чудовищно сильной, как это бывает с помешанными, и могла перебороть даже меня. История с трансгендерной отменой пробудила в ней какой-то глубинный конфликт, внутренний надлом, природу которого я не понимал до конца.

Однажды она погрузила меня в полудрему, накормив смесью виагры и снотворного – и сняла точную гипсовую копию моего прибора. Наверно, думал я сквозь сон, хочет заказать каучукового дружка для тех дней, когда меня не будет рядом – значит, уже предчувствует разлуку. Любви дают три года, но иногда она выходит по УДО...

А потом произошло роковое свидание, после которого мы расстались. До сих пор больно вспоминать эту ночь – оттого больно, что к горечи утраты примешивается память о небывалом, запретном наслаждении. Расскажу об этом, не утаивая ничего, в том числе самых спорных деталей.

Наша любовная игра заключалась в том, что мы как бы воскрешали и заново разыгрывали в спальне нашу литературную полемику, трансмутируя всю бездонность наших разногласий в мучительный и горький эрос. Это почти привело нас к катарсису. Почти – но на самой его грани судьба распорядилась иначе.

В последний день все было как обычно. Мы вспоминали наши споры, чтобы сжечь их в пламени страсти.

В одной из своих статей она обвинила меня в том, что в моих романах «везде одно и то же». Никогда не мог понять смысла этой инвективы – имеются в виду буквы? Слова? Знаки препинания? Или так метит само себя кривое недо развитое сознание, превращающее любой мой шедевр в свой тухлый ментальный форшмак?

Мы стали интенсивно прорабатывать эту тему на моем подмосковном ранчо.

Я прибил двадцать пять книг к стенам в полуметре от пола, натер их луком, колбасой или чесноком, и заставил ее изображать собаку. Водя Ры на поводке, я принуждал ее нюхать книги.

– Одно и то же, сука? А? Вот так одно и то же? И вот так? А? А так? А вот? А вот? А так? А? Вот так? В Бобруйск захотела, сука? Мы вас всех в Бобруйск отправим. Малой скоростью в сумках и пакетах. А так, а? А вот? А вот?

Термин «сука» в данном случае был не оскорбительным обращением к женщине, как ложно утверждают некоторые предклимактеримальные блоггерки (универсальный эпитет, кстати – подходит телкам независимо от возраста), а фетиш-словом, вполне уместным во время BDSM-сессии. Если вы видели запись, Ры не возражает – нюхает книги, скулит, кивает головой и даже рассуждает, какие из книг лучше, а какие хуже.

Замечу, что никогда не понимал самой возможности такого сравнения – книги же не средство для очистки полов (если не брать гендерно-аффирмативную литературу, специалистки по которой обычно и выносят подобные вердикты). Поразительная наглость требуется для таких заявлений. Но что взять с банкротов и банкроток духа, продающих на ютубе последнее едало?

Впрочем, в описываемом случае Ры, вероятно, вошла в роль и говорила про запахи. Я стегаю ее плеткой совсем не сильно, только для проформы – а она отчетливо отвечает:

– Oui, mon chien Andalou...¹

---

¹ Да, мой андалузский пес.

Испуг, заметный в этой записи, естествен для садомазохистических практик и является их важным игровым аспектом – таким же, как черная кожаная упряжь с кольцами или кляп.

Когда все книги обнюханы, мы прокачиваем еще одну тему.

– Что это значит – «ранний Шарабан-Мухлюев», «поздний Шарабан-Мухлюев»? Не смей больше так говорить.

– А как можно? – покорно спрашивает она.

– Запоминай. Если я звоню в четыре утра сказать, что ты слизь мохнатая – это я ранний. А если звоню в полночь пьяный и объясняю то же самое, но развернуто и подробно – это я поздний. Других смыслов не энтертейнить. Поняла?

Здесь, однако, определенного ответа добиться я не смог.

Затем мы возвращаемся в спальню. Дальнейшую запись пока не выложили, поэтому расскажу сам.

Doggy – очень гармоничная поза, если женщина позволяет себе на время забыть про культурные отложения последних двух веков. Ей достаточно вернуться к своему биологическому естеству – принять, так сказать, себя изначально. Но это простейшее и естественное внутреннее действие в наше время осложнено множеством ментальных стоп-кранов, установленных тоталитарной и репрессивной левой культурой.

Если вы когда-нибудь пробовали трахнуть по-собачьи активистку, близкую к демпартии США, вы понимаете, что я имею в виду. А если подобный опыт был у вас много раз с разными дем-партнершами, как у меня, вы, возможно, знаете и то, что все дело в правильной коммутации намерения.

Партнерша-феминистка может окрыситься на слово «doggy», но если попросить ее встать осликом, вы таки с высокой вероятностью ее оттараканите (обратите внимание, как гармонично уживаются в одном моем предложении голубоватый шагальский прищур и пять смешных зверюшек – мастерство не пропьешь).

Но я отвлекся. После прогулки по коридору с книгами ей даже не надо было менять позу – во всяком случае, внутреннюю. Я продолжил нашу игру уже как трибьют великому Харольду Роббинсу, которого цитировал по памяти на английском:

– Like a dog, woman! Do you understand your position?

Отчетливо помню эту минуту. Окно открыто. В просвете перистых облаков – серп луны. Занавеску теребит ночной ветер. Опершись на локти, она поворачивает ко мне заостренные страстью черты и тонко, по-сучьи, воет.

Признаю, в ней был определенный артистизм. Но искать его следовало не в ее идеологизированных опусах, а в полумраке алькова.

Для меня это была одна из тех близких к абсолютному счастью минут, которые не кажутся чем-то особенным, когда происходят – но потом осознаются как драгоценное и неповторимое. Секунду или две я парил в эфире вместе с лунной, облаками, ее искаженным лицом и своим восторгом. А затем – как всегда в жизни – все изменилось.

Я испортил все сам. В погоне за еще более острым наслаждением я догадался, как заставить ее испытать по-настоящему сильную душевную боль. Я прошептал:

– Трансофобная сука!

Мука, которую причинили ей эти слова, абсолютно точно выходила за границы игры. Я ощутил это сразу.

– Янагихара! – прошипела она еле слышно.

Я не понял, что именно она хочет сказать – возможно, она пыталась предельно остранить ситуацию, наполнив ее абстрактным абсурдом. Но со мной это было непросто.

– Да! – продолжал я, мощно ударяя ее бедрами в крестец. – Трансофобка! Ты ненавидишь транс-людей, но скрываешь это из страха перед либеральной инквизицией!

Я, конечно, вовсе не защищал транс-публику. Я лишь атаковал Ры в то место, где у нее болело.

– Янагихара! Янагихара! – визжала она.

– Трансофобная тварь! – отвечал я безжалостно.

– Янагихара!

– Я скажу, почему ты ненавидишь транс-людей, – продолжал я, яростно работая тазом. – Ты мечтаешь о члене, которым тебя обделила природа. Для того ты и сняла с меня копию – думаешь, я не заметил?

– Янагихара!

– Чувствуешь? А? Вот этого самого у тебя не будет никогда, трансофобная сука...

Конечно, это был удар ниже пояса. Как и все остальные удары в нашей не слишком приличной игре.

Только когда она вырвалась и убежала в дверь, ведущую на двор, я понял, что перегнул метафорическую палку. Но остановиться я уже не мог.

– Трансофобка! – заорал я, выскочив за ней следом.

– Янагихара! – кричала она жалобно, убегая в июньскую тьму. – Янагихара!

Когда она исчезла в ночном лесу, я ощутил смутное чувство вины. Как-то нехорошо вышло. С другой стороны, причини я ей слишком сильную душевную боль, она произнесла бы слово безопасности.

У нас это была фамилия «Бахтин».

И вдруг страшное подозрение мелькнуло в моей душе. Я схватил свой хуайвэй и залез в notes. Третья сверху запись была «Ры – слово безопасности» (подобных шпаргалок по разным

интим-проектам там скопилось много, поэтому я метил их именами).

Я открыл запись и прочел:

ЯНАГИХАРА

Как охнул тут мой внутренний человек. Не хорошо получилось. Неизящно и бездушно.

Я сразу понял, почему ошибся.

Незадолго перед этим мы с Ры вспоминали в кровати одного политтехнолога (не буду называть его имя в своей громкой книге), тоже потомственного члена внутренней КПСС, который много лет поднимал на московских заказах. А как в творческой лаборатории запахло горелой изоляцией, свалил в Амстердам и открыл там галерею.

Вспоминал я его без зла, просто размышлял вслух, что сделают конечные потребители, когда специалиста привезут к ним обратно в клетке.

Представилось такое: привяжут животом к осине в таком месте, где через границу спуют шпионы и диверсанты. Чтобы жопа была где-то на уровне груди. Рот заклеют скотчем, а в очко вставят «Копье Судьбы». Другими словами, РПГ-7 на трубе. Идеально с гранатой-танDEMом, она войдет лучше.

По технологии это как на бутылку сажать со столба – один раз поднять, а дальше он по стволу сам сползет и налезет. Потом проведут растяжку, примерно как с обычной лимонкой.

И, само собой, оформят происходящее как акцию совриска – заминированную жопу технолога застримят на экран в его же амстердамскую галерею, а собравшихся у амстердамского экрана покажут ему самому, желательно через apple vision pro.

И как шпион пойдет той тропой, устроит он себе и этому технологу полный *карнавализм*.

Вот точно так я ей сказал, слово в слово. Наверно, потому у меня и отложилось – Бахтин¹. А там и правда был Янагихара, сам в телефон залил.

Но кто этот Янагихара? Что я, всех якутских сказочников помнить обязан? Слово безопасности должно быть запоминающимся и простым. В общем, виноваты мы оба, Ры. Я на пятьдесят и ты на пятьдесят. Ну ладно, ты на двадцать пять. А на другие семьдесят пять – мировой глобализм. Кому что должен, всем прощаю.

Этот вечер нанес глубокую душевную травму и ей, и мне. Но я сумел выстоять. А вот ее душа, по слухам, покосилась, как гнилая беседка после урагана. Не знаю деталей, но краем уха слышал, что она окончательно помешалась на феминизме и все время проводит в переписке со своей Варей.

Ну и хватит об этом.

---

¹ М. М. Бахтин – культуролог и литературовед, автор термина «карнавализация».

Вешние воды не ждут, когда сугробные наледи расступятся – они прожигают свой путь сквозь выжухло-чернявую корку уходящей зимы. Вот и мне пора дальше в путь по тревожному простору жизни. Время перевернуть страницу и завершить главу.

Такой я запомню тебя, Ры – женственно-гибкой, убегаящей в слезах, кычащей зегзицею:

– Янагихара! Янагихара!

А век-волкодав бабачит и тычет тебе в ответ:

– Бах-тын! Бах-тын!

Прощай же в своей мгле, ночной и заграничной – и будь, если можешь, счастлива без меня.

Но как трудно мне перевернуть эту страницу, как больно...

Вот еще какой я помню тебя. В мае, как только проклюнулась первая зелень, ты шептала в особо горячую ночь, когда даже либеральная феминистка-русофобка становится поэтичной, таинственной и мокрой:

– Знаешь... Когда все пройдет и кончится, и мы уже не будем связаны законами этого мира... Ты веришь, что такой момент настанет?

– Допускаю, – сказал я. – Типа как в девяностых?

– Нет, – засмеялась она, – как в нулевых. Настоящих нулевых, до которых ничего вообще не было и дух носился над бездной. Позови меня так: *Ma Chienne Andalouse*... Я приду к тебе сквозь пространство и время несмотря ни на что. Обещаю.

Я догадался, что «Ma Chienne Andalouse» означает «моя андалузская сучка» – но волчьим слухом различил разницу между «мон щендалу» (как она обращалась ко мне в своих экстазах) и «ма щен-андалуз» (как она заповедала позвать ее из вечности).

Я попросил ее объяснить разницу, и она рассказала, что во французском языке прилагательное меняет форму в зависимости от рода существительного, и то же касается притяжательных местоимений. Поэтому, наверно, я и запомнил этот сложный зов.

И теперь я думаю – если однажды, уже освобождаясь от тела, я задержусь на границе вечности, не вырвется ли вдруг из центра моего естества это:

– Ma Chienne Andalouse...

Только что впервые заметил в шерсти французской сучки английскую вшу-louse.

Совпадение? Не думаю. Англичанка гадит всегда и везде, пора привыкнуть. Поэтому, милая, если что, я позову тебя по-русски.

Например, так:

Моя русофобочка, приди ко мне!
Отбудешь пятерочку на Колыме...

В родной культуре есть все необходимые инструменты, надо только как следует поискать. Но для этого нам нужна взвешенная культурная политика. Продвигать надо правильное и нуж-

ное нам искусство. Здоровое. Я об этом отдельно напишу, но не здесь, а куда надо.

Ну а не придешь, Ры, так найдутся в вечности другие бабы. И другие телки тоже.

А ргорос. Расскажу теперь про Граммату – ты, милая читательница, наконец дождалась. Но для этой по-настоящему огромной, пахнущей весенним дождем и теплым молоком темы понадобится целая отдельная глава...»

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/60

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Капитан Сердюков**

Сердюков прочитал запрещенную главу два раза подряд, и мне пришлось сделать то же самое. Понял я, конечно, не все – слишком много времени прошло с тех легендарных дней. Но аромат грозной эпохи я ощутил вполне.

Я не стал вызывать справку. Мне страшно не хотелось туда лезть. Да и необходимости не было. Недопонимание местного колорита делает древние документы – от египетских папирусов до карбоновых летописей – даже более глубокими и аутентичными.

К тому же вместе со мной этот текст читал Ломас, еще несколько специалистов из нашего отдела и пара корпоративных алгоритмов.

Можно было не волноваться — каждое слово проанализировано, взвешено и поставлено на нужную полочку. И если разгадка где-то здесь, ее обнаружат за пару секунд.

Меня больше занимали уникальные ощущения и восприятия, связанные с опытом: прикосновение пальцев Сердюкова к желтоватой вековой бумаге, нечеткие отпечатки букв... В сущности, это ведь было самое стабильное из сакральных русских переживаний — читать, впитывать, глотать запрещенные слова.

Рассказ, конечно, был грустный. Курпатов сказал, что художник национального масштаба не должен проявлять метафизическую слабость. Теперь я понимал, о чем он.

Глупо отливать бронзовые фигуры из несовершенных людей, а потом вымарывать из их следа все живое. Человек по своей природе — существо жалкое и глупое. Любить его приходится именно таким.

Если поглядеть на этот текст с моральных высот нашей зеленой эры, Шарабан-Мухлюева резала его собственная бритва. Ну кто он такой, чтобы предъявлять моральные претензии людям, пытавшимся выжить в неумолимом мире? А пугать пожилых фем загробным воздаянием (особенно когда сам не особо в него веришь) — это уже не дно, а какая-то сверхглубокая скважина.

Я даже не говорю про его агрессивный ню-перформанс с твердым знаком на конце.

Да еще пистолет в руке. Бедные зрительницы вполне могли решить, что они уже в аду. Не в этом ли и состоял расчет классика?

Но самым поразительным было другое. Именно ненависть к древнему политехнологу привела к тому, что Шарабан-Мухлюев перепутал слово безопасности. Что бы писатель ни говорил, вспоминал он этого персонажа с неприязнью.

А ненависть — хотя бы просто в мыслях — поражает не того, на кого направлена, а всех вокруг. И в первую очередь тех, кого ненавистник любит, даже по-собачьи. Вот это я извлек для себя в качестве главного урока.

Допускаю, что сам карбоновый классик свалил бы вину на политехнолога. Все зависит от диспозиции. Кому-то нужны враги и виновные, у них работа такая. Но писатель должен определиться, кто он — инженер человеческих душ или их прокурор.

Разница тут большая. Инженер человеческих душ — это человек, способный понять, что никого, кроме потерпевших, на нашей планете нет.

Каждый человек в чем-то прав, а в чем-то ошибается. Вот я, Маркус Зоргенфрей — следователь человеческих душ, уже изрядно в них разуверившийся. Что должен сделать их инженер? Помочь мне снова полюбить людей. Художник должен показать мне противоречивую глубину человеческого сердца, в котором пря-

чется Бог. А судить не его дело. Желаящих посадить ближнего на бутылку – морально или физически – в мире полно и так.

Мы все, даже долгоживущие баночники, даже богачи, даже юные красавицы и красавцы – сидим в зиндане и ждем исполнения приговора. И Шарабан-Мухлюев вроде бы это видит. Но только под водочку и только по касательной. А писателю надо понимать такое отчетливо и всегда. Если не вынуть голову из тисков ненависти, зависти и злобы, художник уже мертв, даже если его мозг еще пузырится в банке.

Правильно сделали, что запретили эту главу.

Я ощутил на глазах слезы. Странно, прежде я не замечал за собой особой гуманитарной сентиментальности. Но так, наверно, и должна действовать высокая литература.

Что думал Сердюков, я не знал – ум его был спокойным и безмысленным. Дочитав текст, он отправил с импланта два зашифрованных сообщения, к которым у меня не оказалось доступа (видимо, какая-то нестыковка с сердобольскими мессенджерами). Затем он сдал книгу библиотекарю спецхрана и пошел в буфет.

Там сидели несколько жандармских унтеров – они явно были знакомы с Сердюковым. Увидев его, они загудели, замахали руками и достали из-под стола припрятанную бутылку полугара.

Место было маловдохновляющим. В кухонном проходе виднелись алюминиевые баки с кривыми красными цифрами – такие же, наверно, как века назад. Пахло борщом. Все походило бы на обычную сердобольскую столовую, но здесь имелся спецбуфет со всякими вкусоностями.

Обедать Сердюков не стал. Он выпил с жандармами соточку полугара и затоварился буже-ниной в буфете.

С авоськой в руке он спустился к проходной, предъявил жандармский жетон, вышел на улицу и сел в ожидавшую его служебную телегу весьма солидного вида. Японская пневматика, красный фонарик-мигалка на оглоблях, кучер в полевой форме улан-батара без знаков различия. В общем, как понял бы любой москвич, контора.

Мое дальнейшее присутствие в жизни капитана Сердюкова становилось необязательным, но система все не отключала меня от импланта. Похоже, начались какие-то проблемы с техникой. Такое случается во время апдейтов, так что нервничать я не стал.

Я проехал вместе с Сердюковым большую часть ностальгической деревянной застройки в центре Москвы. Вид резных петухов и наличников так усыплял, что я задремал вместе с капитаном.

И вдруг нас разбудил резкий рывок.

Дорога впереди была перекрыта жандармским фургоном с зарешеченным окном. В таких возят задержанных – или группу захвата. Здесь был второй вариант. Я понял это, увидев оседланных лошадей. Если рядом лошадки, значит, в фургоне приехали мальчишки. На лошадках они возвращаются, когда фургон набит задержанными.

Но кого собираются задержать?

Долго думать на эту тему не пришлось. Сердюков даже не увидел, откуда подбежали ждавшие в засаде жандармы. Черные повязки на лицах, камуфляж, боевые красные татухи на кистях, блеск сапог и какая-то особая жандармская вонь, которую Сердюков ощутил, когда ему заламывали руки. Потом нам на голову надели пыльный черный мешок, мы почувствовали укол в ягодицу, и Сердюков потерял сознание.

Я, однако, не отключился вместе с ним. Но система по-прежнему держала меня пристегнутым к его импланту – и я оказался как бы в черном лимбо, где не происходило ничего.

Не знаю, было ли это связано с прочитанным, но именно тогда меня посетило поразительное переживание. Постараюсь передать его как могу.

Представьте, что вы смотрите кино в кинозале (если у вас был такой ретро-опыт). Вы начинаете всюю сопереживать актерам, отождествляетесь с кем-то из них – а потом вдруг

вырubaют электричество, и экран гаснет. Света тоже нет. Вы в это время не теряете сознания. Вы просто перестаете быть кинозрителем.

В зале в таких случаях начинается нервный хохот и придурковатые вопли. Людям трудно провести даже минуту без знакомых раздражителей, и они начинают генерировать их сами. А когда фильм включают, все тут же забывают про темную вставку в киноопыт.

Как только Сердюков исчез, я словно бы очнулся в таком темном зале.

Я был в нем не один. Вокруг сидели молчаливые зрители. Но они пришли не на фильм, прервавшийся по непонятной причине, а *на меня*. И теперь они ждали, когда произойдет некое окончательное событие, после которого...

Почему-то я вспомнил отчет английского шпиона о посещении древней гробницы. А потом — слова какого-то карбонового писателя, чуть ли не самого Шарабан-Мухлюева: человек нахально думает, что главные вопросы бытия — это «что делать?» и «кто виноват?», но реально волновать его в конце пути будут совсем другие, а именно «где я?» и «кто здесь?»

Мне стало страшно. Конечно, я баночник второго таера, плохого с нами не бывает — и это временный технический глюк. Но что случится, когда мой мозг в конце концов отключат от системы и сбросят в утилизационную картонку?

Мне вспомнилось недавно прочитанное: всякий человек и есть апокалипсис.

Курпатов сказал, что Шарабан-Мухлюев достиг какой-то высокой духовной реализации. Даже если допустить, что это не часть сердобольской мифологии, а правда, в те дни, когда классик писал «Баб и Других Телок», этого еще не произошло. Во-первых, видно по особенностям досуга. Во-вторых, даже я понимал, где писатель ошибся.

Многие почему-то верят (или надеются), что после смерти сознания не будет. Из этого исходят, например, самоубийцы, желающие, чтобы все просто закончилось. Или социальные восхожденцы, занятые воровством и кровопийством.

Ну а вдруг сознание не исчезнет? Вдруг оно вообще не появляется и не исчезает, а коммутируется в континуумы, не заботящиеся друг о друге? Если вы не помните снов, это не значит, что они вам не снятся.

Консенсус у серьезных людей нашего мира такой – воруи, бей стекла, люби гусей, а потом ничего не будет (хотя забашлять попам и ламам на всякий случай не помешает).

Но есть и такая точка зрения, что посмертное отсутствие «сознания» и «существования» – это одна из высших духовных реализаций (их нет, например, в нирване – во всяком случае, в знакомых по нашему дурдому форматах). Именно за то, чтобы не быть у богов и де-

монов сознающим пластилином с фальшиво свободной волей, и борются буддийские практики, а они в таких вопросах доки.

Это вовсе не гарантированное удобство для любого парвеню. У пластилина, который уже в работе, всегда интересные приключения впереди. Пока мы живы, мы пытаемся совершенствоваться, модифицируя внутримозговые связи — но продвинутый наблюдатель реальности, элегантно вылепивший из них ответы на все вечные вопросы, исчезнет вместе с мозгом. И со всеми своими мнениями тоже.

Увы, это не значит, что дальше не случится ничего.

Мы рождаемся из переплетения сознающих струн. И когда мы их дергаем — даже мысленно — к нам рано или поздно приходит ответная волна. Если тело сгниет в могиле, волна все равно вернется, потому что «мы» никогда не существовали отдельно от единого ума, называемого Богом. Эти ответные волны создадут своего получателя сами. И не факт, что ему понравится процедура.

Хотя бы по той причине, что сам он будет уже не тем снобствующим персонажем, который только что досмотрел общее для всех кино и заплатил напоследок попам и ламам. Он окажется просто субъективным полюсом безличных посмертных манифестаций. *Nothing personal*. Вот это и будем мы после смерти.

Именно поэтому князьям нашего мира так трудно «попасть в рай» несмотря на все выплаты. Воздается не содеявшему – его, если разобраться, вообще никогда не было – а содеянному. «Фауст, ха-ха-ха, посмотри – уха, погляди – цари. О, вари, вари!»

Я вспомнил свой краткий загробный опыт в качестве императора Порфирия. Чем не иллюстрация? Приключение это, конечно, было нейросетевой симуляцией, но ведь сеть сделала ее не просто так, а на основе отчетов о тысячах реальных случаев.

Не у терпилы карма, а у кармы терпила. Это и при жизни так. А если кого-то утешает, что получать ответку будем уже не мы... Во-первых, где эти «мы»? Вернее когда? В какой секунде остались? А во-вторых, разве я хоть раз видел что-нибудь такое, что не было бы мной? Не было бы сделано из меня самого?

Наше бытие состоит просто в том, что Бог нас думает. От его милости зависит даже наш следующий вдох. Какие у нас могут быть гарантии? Какая свобода? Какое знание грядущего? Все это есть лишь у сознающего нас Бога (только надо помнить, что Бог – вовсе не нечто отделенное от нас, а то самое, из чего мы сделаны в самой своей сути).

Бог может мыслить нас так, как ему угодно, даже свободными в воле, даже бессмертными (в аду или в раю), даже переродившимися или

достигшими нирваны. Любые ограничивающие утверждения (и тем более убеждения) на эту тему – признак идиота, решившего отобрать у Бога свободу и тайну. Впрочем, Ломас наверняка меня поправит. Он ведь епископ.

Конечно, это смешно. Человек не способен представить даже такой элементарной вещи как электрон, который не то частица, не то волна, не то вообще за пределами его понятий. Зато с многоэтажным богословием у него полная прозрачная ясность.

Потом я вспомнил, что сказал про Бога Ахилл, и мне стало окончательно не по себе. Можно ли верить в таких вопросах злomu духу? Или правильнее вообще не смотреть в ту сторону?

Я не мог понять, почему меня вдруг накрыло этим суровым откровением. Мне такие переживания не свойственны.

Может быть, я размышлял о чем-то похожем до того, как мне стерли память – и теперь это всплыло из подсознания? У меня ведь было даже посвящение в Элевсинские мистерии, даром что я ничего не помню об этой командировке...

А потом я понял.

Дело было не во мне. Просто на всем уже лежала тень катастрофы. За тонкой пленкой реальности чувствовалось что-то жуткое, непреклонное и непримиримое.

Это была ярость Ахилла.

Могу привести ясную баночнику аналогию. В баночной вселенной есть переживание, общее для всех – восходы и закаты Гольденштерна (оперативникам ставят на него служебный блок, чтобы не отвлекать от работы).

Опыт этот глубоко оптимистичен – во всяком случае, по мысли баночного истеблишмента, хотя у этих людей обычно тоже стоит служебный блок. Но если Гольденштерн был зенитом нашей вселенной, теперь в ней появился надир.

Впереди у нас были именно эти почудившиеся мне посмертные содрогания, уже лишённые всего личного. Страшные спазмы, происходящие неведомо где непонятно с кем, но при этом не просто реальные, даже не стопроцентно реальные, а *единственно реальные*. То, что греки называли хаосом, существовавшим до бытия. Это была судьба мировой души, у которой отберут мир. Тогда все – привилегированные, обманутые, богатые, бедные – сольются в одну боль.

Неужели Бог этого захочет?

А почему бы ему не вырвать больной зуб с корнем. Когда мы последний раз внимательно на себя смотрели? Чем мы лучше мезозойских динозавров? Имплант-рекламой? Дронами-убийцами? Банками? Ветрогенезисом?

Сказано – если Бог хочет наказать, он лишает разума. Именно это мы и видим, при-

чем, что страшно, сразу во всех направлениях. Бедный Шарабан-Мухлюев. Такого даже он не мог представить в своей белой горячке.

Под ногами у нас была не твердь, а присыпанная песком черная дыра. Но понять это можно было, только закрыв глаза и вслушавшись в тишину. Меня заставила это сделать случайность, но я знал теперь, к чему движется наша реальность, и что произойдет, когда она схлопнется.

Это было страшно.

«Янагихара! — закричал у меня в голове дрожащий женский голос. — Янагихара!» А другой, мужской и низкий, разразился клокочущим смехом.

Но тут тайны бытия вновь стали невидимыми: их перекрыл яркий до боли свет, смешанный с пронзительным омерзением к происходящему.

Это была жизнь, и она — даже такая — была прекрасна.

Сердюков пришел в себя от выплеснутой ему в лицо воды, открыл глаза, и мой ужас кончился.

Вокруг была обшарпанная комната. Какой-то сердобольский подвал для допросов — не слишком приятное место. Но я был так рад вернуться в надежное пространство и время, к милой материи и ее добрым физическим законам, что меня заполнили умиление и благо-

дарность. Я бы, наверно, начал молиться, но не было времени.

Сердюкова успели привязать к здоровенной крестовине в виде буквы Х – кажется, такую называют андреевским крестом. Он был гол. И ему было страшно.

На стульях перед крестовиной сидели две молодых жандармских унтерши – перекачанные, бритые наголо, с одинаковыми университетскими ромбами на полевой форме и набитыми мозолистыми кулаками.

Унтерши то ли не понимали, что Сердюков уже пришел в себя, то ли специально над ним издевались, как это вообще любят силовые бой-бабы, когда не боятся служебного взыскания. С обычным для фем бесстыдством они обсуждали его мужское достоинство.

– Нюр, а у него больше, чем я думала, – сказала одна, внимательно изучая телесный сердюковский низ.

– Ты че, Маш, думала про его письку? – прыснула Нюра. – Правда что ли? Почему не про мою?

– Да я не в том смысле, – застеснялась Маша. – Просто заморыш совсем. Шкет. Смотришь на него – ну ничего у него между ног быть не может. А тут хоть что-то. Правда, непонятно, как оно работает.

– Да никак оно не работает, – махнула рукой Нюра. – Им же «Открытый Мозг» все гасит. Особенно русскому человеку, чтобы мы

демографию выправить не могли. Политинформацию помнишь?

Сердюков прокашлялся.

– Простите, – сказал он, – мне кажется, произошло какое-то недоразумение. Вы не хотите представиться?

Унтерши уставились на него.

– Офицерки Нюра Кратова и Маша Ястребок, Верхний Тумен.

– Верхний Тумен? Чем обязан такой...

– Не волнуйтесь, товарин, – сказала Нюра. – У нас ничего на вас нет. Пока. Вы здесь для одной... Э-э... Технической процедуры. Можно сказать, медицинского характера. Как только все кончится, вас отпустят.

– Какой к черту процедуры? – спросил Сердюков, стараясь говорить с достоинством. – Я выполняю важнейшее поручение национального руководства, и если ваше вмешательство...

Голос у него дрожал – я чувствовал его испуг без всякого омнилинка.

– Вас один господин желают видеть, – сказала Нюра чуть застенчиво.

Сердюк приободрился.

– И что это за господин такой, – спросил он, – что из-за него жандармского капитана на улице крутят, как тартаренского боевика? А потом догола раздевают на дыбе?

– Быстрее вам будет пообщаться, чем нам объяснять, – весело пророкотала Маша. – А вот и они...

Я увидел низкого широкоплечего азиата с коротким седым ежиком. У него было зверское лицо убийцы и длинные мощные руки гориллы. Одет он был как типичный дальневосточный бандит – в пеструю шелковую робу с золотыми и платиновыми копиями сердомольских значков на груди.

– Позвольте представи... – начал Сердюков, но азиатский господин проманкировал знакомством и шагнул прямо к крестовине.

В руках у него появилась упаковка одnorазовых палочек для еды. Сорвав бумажку, он разделил палочки, одну взял в рот, а другой нарисовал на животе Сердюкова какой-то знак, похожий на скрипичный ключ.

Палочка даже не коснулась тела Сердюкова, но он – и я вместе с ним – ощутил в солнечном сплетении сильнейшее жжение.

Нюра щелкнула пальцами.

– Смотрим сюда!

Мы с Сердюковым синхронно поглядели на унтершу. Она выставила перед собой картонку с крупно написанной фразой:

MA CHIENNE ANDALOUSE

Азиат поднял свою палочку и, держа ее как каллиграфическую кисть, написал на животе Сердюкова вертикальный столбец иероглифов. Он по-прежнему не касался кожи, но Сердюков даже взвыл от боли.

– Теперь смотрим сюда! – шелкнула пальцами Маша.

Она держала в руке фотографию человека с зеленым ирокезом на бритой голове и черепами-брэкетами на оскаленных в улыбке желтых зубах – одну из канонических карбоновых фотографий Г. А. Шарабан-Мухлюева.

Азиат тем временем выжег своей бамбуковой палочкой новое невидимое заклинание на животе Сердюкова. В этот раз боль была такой, что Сердюков заорал на все подземелье.

– Все, уже все! – успокаивающе подняла руку Маша. – Последний проход.

Господин со значками сломал палочку, бросил обломки на пол и вооружился второй – той, которую держал во рту. Поднеся ее к животу Сердюкова, он нарисовал на нем такой же скрипичный ключ, как в самом начале. В этот раз жжение было не особо мучительным, и Сердюков только охнул.

Господин бесконтактно начертил еще какие-то знаки на обоих боках Сердюкова, сломал вторую палочку тоже, поклонился унтершам и вышел из комнаты.

Я подумал, что это правильно – сломать инструмент, причинивший нам с Сердюковым столько боли. Волшебная палочка, задействованная в реальном магическом акте вредоносной природы, должна быть одноразовой, как презерватив или граната.

— Вот теперь точно все, — сказала Маша. — Сейчас зададим пару вопросов для проформы, и можете продолжать движение, товарищ Сердюков...

И надо же было случиться, что именно в этот момент имплант Сердюкова меня отпустил.

Прошла секунда, и вокруг сгустился кабинет Ломаса.

*

— Что это за сумасшедший китаец? — спросил я, падая в кресло. — Почему его пустиликовыряться палочками для суши в животе у нас с Сердюковым? Я чуть не помер от боли. И почему меня приморозило к импланту Сердюкова?

— Дело в том, — ответил Ломас, — что сердобольские власти допустили нас к архиву с одним условием.

— Каким?

— К планированию операции подключилась их главная боевая нейросеть.

— «Калинка»?

— Именно.

— То есть мы теперь сотрудничаем с серийным... с серийной убийцей?

— У нейросетей, в том числе и этой, отсутствует требуемая для подобных инвектив субъектность. Но можно сказать, что да. Сотрудничаем. И я этому крайне рад.

– Зачем нам такое нужно?

– Во-первых, – ответил Ломас, – это было их условием. Операция проходит на территории Добросуда. Во-вторых, очень возможно, что нейросеть нам сильно поможет. Она крайне грамотно просчитывает схемы убийств – мы учимся у нее на каждом шагу.

– «Калинка» один раз уже промахнулась по Кукеру, – сказал я.

– Да. Поэтому сейчас для нее это вопрос принципа. Ну если не для нее, то для соответствующей сердобольской спецслужбы. Второй раз не промахнется.

– То есть теперь операцию планирует «Калинка»?

Ломас кивнул.

– Фактически да. «Калинка» прочла запрещенную главу из Шарабан-Мухлюева вместе с Сердюковым. Кроме того, мы поделились с ней всей информацией по кейсу. И «Калинка», кажется, уже сделала выводы. Именно она склеила вас с имплантом Сердюкова на время этой неприятной процедуры. А сейчас отправляет Сердюкова назад в Сибирь. На бизнес-джете, что вообще-то бывает не часто.

– Значит, это «Калинка» наслала на нас сумасшедшего китайца?

– Подождите про китайца, – сказал Ломас, двигая ко мне поднос с коньяком и сигарой. – Обсудим прочитанное у Шарабан-Мухлюева,

пока вы хоть что-то помните. Зря мы, что ли, вас посылали?

Начальство требовало полного доступа. Подняв похожий на осколочную гранату стакан, я отхлебнул янтарной жидкости.

— Что скажете? — спросил Ломас.

— Это было грозное время, — ответил я, разглядывая стакан. — Страшное и одновременно... Не знаю, титаническое. Сейчас людей такого калибра уже нет.

— Почему, есть, — усмехнулся Ломас. — Шарабан-Мухлюев до сих пор в банке. Но удалился от мира.

— Чем он там занимается?

— Тайна баночной личности охраняется корпорацией. Критики считают, что за него пишет нейросеть «Порфирий». Вы с нею много общались. Помните ее?

Мне показалось, что Ломас смотрит на меня с подозрением. Я отрицательно покачал головой.

— Для меня слово «Порфирий» — императорское имя.

Ломас вздохнул.

— Когда-нибудь обязательно вспомните.

— А эту запрещенную главу кто написал? — спросил я. — Сам Шарабан-Мухлюев? Или нейросеть?

— Думаю, нейросеть. Но на реальном биографическом материале.

– Почему вы так считаете?

– По факт-чекингу все совпадает. Но в тексте слишком много литературных реминисценций. Почти каждое предложение – это какая-то замаскированная цитата. Нейросети такое любят. В этом, можно сказать, самая их суть.

– Сначала сгенерировали, а потом засекретили. Зачем?

Ломас пожал плечами.

– Возможно, нейросеть пыталась показать сердобольским авторам, как должен работать и жить настоящий русский писатель-традиционалист свирепого и могучего таланта. Не одни же доносы строчить. Но кураторы решили, что допущен перехлест. Какую полезную информацию вы вынесли из чтения?

– Нет сомнений, что эта Ры – подруга Варвары Цугундер по кличке Рыба. Ясно теперь, откуда в шифрах Варвары слово «янагихара». Видимо, мстила за подругу. А так нового мало.

– Вы поняли в прочитанном все?

– Нет, конечно, – сказал я. – Контекст утрачен. Патина времени. Но читать не мешает. Наоборот, появляется эффект достоверности. Такие детали не подделаешь.

– Ясно, – отозвался Ломас. – А справочку чего не включили?

– Не хотел впечатление портить.

Ломас кивнул – как мне показалось, с удовлетворением.

– Теперь можете задавать вопросы.

– Кто этот чокнутый китаец?

– Это не китаец, а обрусевший японец. Дядя Ода, как его называют во Владивостоке и Москве.

– Он бандит?

– По совместительству. Но вообще-то он лучший мастер реики-до на территории Добросуда.

– А что такое реики-до?

– Закажите справку, Маркус. Только быстро. И уточните про ключи «Чоку-Рэй», «Сей-Хей-Ки» и «Хан-Ша-Зи-Шо-Нен». Чтобы мне меньше говорить пришлось.

– Меня тошнит от новой информации, – сказал я.

– Это приказ.

Я повиновался.

TH Inc Confidential Inner Reference

Реики-До – японская энергетическая техника. Название, состоящее из иероглифов «Реи» и «Ки», означает примерно «универсальная жизненная энергия». Зародилась как целительство почти три тысячи лет назад. В последние два века развива-

ется как полумагическое боевое искусство, популярное у китайских и японских банд на Дальнем Востоке. Основана на манипуляциях с энергией Ки (Ци) с помощью особых пассов и магических начертаний...

Я не стал читать дальше – даже не заказал справку про энергию Ци (или Ки). Не потому, что знал все сам. Я просто догадывался, что там будет. Оперативной ценности это не представляло. Я сразу перешел к ключам.

Cho Ku Rei

Энергетический символ *реики-до*, используемый как своего рода катализатор. Смысл может быть передан как «Вся энергия вселенной призывается сюда». Используется обычно в комбинации с другими символами в начале и конце ритуала, боевой проекции или символической каты.

Ага. Это и был тот самый скрипичный ключ, который азиат начертил на моем пузе в начале и конце своей дикой эскапады. Вернее, на пузе бедного Сердюкова.

Sei He Ki

Символ *реики-до*, используемый для раскрытия иных измерений, гармонизации и эмоционального...

Понятно. Другие измерения, дальше можно не читать. Я перешел к следующему

Hon Sha Ze Sho Nen

Символ *реики-до*, используемый для дистанционных воздействий, в том числе на прошлое и будущее. Смысл может быть примерно передан как «Ни прошлого, ни настоящего, ни будущего».

Я повернулся к Ломасу.

— Там были еще два символа. На боках.

— Да, — сказал Ломас. — Но мы их не разбирали, потому что он слишком быстро крутил палочкой.

— В чем был смысл процедуры?

— «Калинка» не делится ни с кем своими планами. Но мы примерно понимаем ее намерения.

– И какие же они?

– Нейросеть решила подделать и записать посмертный био-импульс Шарабан-Мухлюева. Тот самый, о котором идет речь в тексте запрещенной главы.

– Что такое «био-импульс»? – спросил я.

– Помните, там было: «И теперь я думаю – если однажды, уже освобождаясь от тела, я задержусь на границе вечности, не вырвется ли вдруг из центра моего естества это: *Ma Chienne Andalouse...*»

– Еще бы, – сказал я. – Из-за этого японского бандита наизусть выучил. Только Шарабан-Мухлюев и так давно освободился от тела. У него пятый таер. Как у матери Люцилии.

– Я в курсе, – ответил Ломас. – Но мы не сможем использовать его мозг.

– Почему?

– Он не наш оперативник. А сердоболы к своему классику и близко нас не подпустят.

– Тогда я вообще ничего не понимаю.

Ломас довольно улыбнулся.

– Чем меньше вы будете понимать, Маркус, тем лучше.

– Почему вы так решили?

– Это не я решил, – ответил Ломас, – а «Калинка». Но кое-что я вам все-таки объясню. Представьте, что Шарабан-Мухлюев умирает, желая воссоединиться со своей поруганной любовью. Из центра его естества вы-

рывается описанный в книге клич... Когда он позовет свою андалузскую сучку из вечности, это будет не звуковая волна. И не мышечная судорога – тело уже окоченело. Как вы думаете, что это за сигнал?

– Электрический импульс мозга?

– Да, конечно. Но не только.

– А что еще?

– Мастер реики-до сказал бы, что это последняя проекция всей жизненной энергии.

– Последняя проекция?

– Мистики верили, что информационно-энергетический импульс, излучаемый человеком перед смертью, может быть очень мощным. Но называть его электрическим не вполне правильно. Обычные научные приборы не способны его зафиксировать. Речь идет об энергии Ки. Именно ею пользуются адепты реики-до.

– Корпорация понимает природу такого сигнала?

– Не вполне, – сказал Ломас. – Эта энергия воспринимается только медиумами. Дядя Ода – один из них.

– Вы в это верите?

– Мои взгляды не важны. Главное, что в эту энергию верит нейросеть «Калинка». Точнее выражаясь, не верит, а рассматривает как реальную и регулярно пользуется ею в сво-

их многоходовках. Успешно пользуется. Этот дальневосточный бандит с палочками сейчас фактически безвыездно живет в Москве на сердобольских подрядах, и привезти его на место удалось всего за четверть часа. Процедура в подвале нужна была для того, чтобы мы, так сказать, записали фальшивый зов сердобольского классика на биологический носитель. Можно сказать, взвели гранату.

– Хорошо, – сказал я. – Хорошо. Пытаюсь понять еще раз. Итак, «Калинка» подделала и зафиксировала предсмертный любовный клич Шарабан-Мухлюева, зовущего из бесконечности свою андалузскую сучку. А на каком именно носителе его записали?

– На вас, – ответил Ломас и поглядел мне в глаза.

От этого взгляда у меня засосало под ложечкой.

– На мне? На меня?

Ломас кивнул, и я понял, что он не шутит.

– Почему? Неужели нельзя было на Сердюкова? Или на этих жандармских унтерш?

– Энергия Ки плохо заряжает имплантированный мозг, – ответил Ломас. – Имплант действует как своего рода паразитное заземление. В качестве носителя нужен или бескушник, или...

– Или баночник.

— Да. Баночника, кроме того, можно подключить к чужому импланту намертво. «Калинка» уже отработала технологию, если вы обратили внимание.

— Да, обратил.

— «Калинка» превратила вас в оружие, Маркус. Она сделала из вас каузальную бомбу, которая может спасти мир. Но только в том случае, если гипотеза «Калинки» верна.

— Какая гипотеза?

— Пока что я не могу вам этого сказать.

— Почему?

— Так хочет «Калинка». Есть опасение, что вы перестанете быть функциональны, если все поймете. Возможно, вас не пропустят защитные сферы Ахилла и так далее. Лучше не задавайте вопросов. Мы вас специально седатируем, чтобы вы не слишком любопытствовали.

— Вы меня специально седатируете?

— Не мы. «Калинка». Когда вы читали Шарабан-Мухлюева в спецхране по второму разу, она ввела вас в состояние созерцательного гуманизма. Это у сердоболов стандартный транспортно-крутильный модус.

— Почему транспортно-крутильный?

— Сердоболы так заключенных перевозят. Иногда крутильщиков прокачивают, если дисциплина в лагере хромает. Не из человечно-

сти. Просто «Открытый Мозг» разрешает эту прокачку в тюрьмах. Вреда в ней нет. Человек становится гуманен, сентиментально-слезлив, доверчив и нелюбопытен. Вам даже справку было лень вызвать, помните?

Я кивнул

— Одновременно происходит торможение всех агрессивных импульсов. Просто побочка. Не слишком выраженная, но реальная. Она-то сердоболам и нужна. У «Калинки» можно многому научиться.

Корпорация, значит, передала контроль за моим мозгом «Калинке». Вот откуда у меня эти сентиментальность и апатия. Я поглядел Ломасу в глаза, открыл рот — но сдержался.

— Сейчас мы скоммутируем вас на имплант нового зеркала, — сказал Ломас. — Ваша задача — отправиться в ветроколонию номер семьдесят два, попасть за все защитные поля и добраться до Кукера с Ахиллом.

— Я не думаю, что Кукер станет со мной общаться, — ответил я. — Мы даже не знакомы.

— Он будет общаться не с вами, а с вашим зеркальным носителем.

— Это Сердюков?

— Нет. Это фема. Ее Кукер совершенно точно согласится увидеть и выслушать.

— Кто она?

— Дарья Троедыркина.

– Она разве жива?

– Да. В больнице. Но ее уже подлечили. Троедыркина приговорена сердобольским трибуналом к пожизненному заключению. А за попытку убийства в ветроколонии у нее отобрали право на апелляцию.

– Но убийство, которое она пыталась совершить, было разработано «Калинкой».

– Троедыркина про это не знала. С ней работали провокаторши. Как у них говорят, бедняжку *разводили втемную*. Поэтому, по сердобольским юридическим представлениям, осуждена она справедливо.

– И «Калинка» собирается второй раз послать ее на ту же мокруху?

– Именно. Для сердобольской боевой нейросети это вопрос принципа и репутации. Есть, конечно, еще и авторитет сердобольских спецслужб.

– Почему именно Троедыркина?

– Она может потребовать реванш. Петушьи понятия это позволяют. «Калинка» уверена, что Кукер сам захочет увидеть соперницу, чтобы уничтожить окончательно.

– Как-то мелко для сверхчеловека, – сказал я.

– В каждом сверхчеловеке остается что-то человеческое, – ответил Ломас. – Это их обычно и губит.

– У нас сохранится связь с ее имплантом?

– Да. Его модифицировали и сделали нужный апгрейд.

– Троедыркина знает, что погибнет?

– Ей предложили обычную сердобольскую схему амнистии, если выживет. Сердоболы в таких случаях действуют достаточно честно. Ее предупредили, что шансов у нее мало.

– Она согласилась?

– Да, – сказал Ломас. – Она идет на это добровольно. «Калинка», собственно, не сомневалась в ее согласии.

– Почему?

– Троедыркиной объяснили, что у нее будет возможность уничтожить Кукера.

– Она знает про меня?

– Она в курсе, что понесет некий заряд на своем импланте. Но она не знает, в чем его природа. О вашем существовании она вообще не имеет понятия. Поэтому во время коммутации и доставки сидите тихо. Не вступайте с ней в контакт. Просто наблюдайте.

– Хорошо, – сказал я. – Как привести бомбу в действие?

– Это произойдет, когда вы умрете.

– Что? – спросил я. – Простите?

– Вы умрете, – ответил Ломас. – Отбросьте копыта. Склейте лапы. И тогда энергия последнего зова, которой вы заряжены, высвободится. Сразу после этого мы вытащим вас назад. Мы можем не успеть, и вы погибнете.

Но если у вас ничего не выйдет, тогда погибнем мы все. Времени на повторную операцию не останется. Вы наш шанс. Опять спасаете человечество, Маркус.

– Подождите, – сказал я. – Троедыркина сейчас в сибирской больнице. Ее отвезут в семьдесят вторую ветроколонию имени Кая и Герды. Сердюкова, допустим, доставят туда на бизнес-джете. Но я-то буду в своей банке! Это же тысячи километров!

– Техники рейки-до действуют на любой дистанции, – ответил Ломас. – Для этой энергии расстояний нет. Она способна проникать даже в прошлое и будущее, очищая их – так, во всяком случае, утверждают. Энергия выделяется там, где находится внимание участников процедуры. А вы будете висеть у Троедыркиной на импланте.

Я вспомнил расшифровку символов рейки-до. Да, там было что-то похожее – другие измерения, дистанционные воздействия. Если адепты учения и врут, то не нам первым.

– Полагаете, сработает?

Ломас пожал плечами

– Скоро узнаем. Ничего лучше «Калинка» не придумала. Значит, не смогли бы и мы. По части дистанционных убийств корпорации далеко до сердобольской жандармерии, тем более до ее Верхнего Тумена. Еще вопросы есть?

— Да, — ответил я. — Самый главный. Почему посмертный зов Шарабан-Мухлюева к своей андалузской сучке закрывает путь напавшему на нас древнему злу? С какой стати? Древнее зло будет поражено такой стойкостью чувств и уйдет восвояси, проливая рептильные слезы?

Ломас улыбнулся и подвинул ко мне стакан с коньяком.

— «Калинка» ни с кем не делится своими планами.

— Я не вижу в операции смысла, — сказал я. — Ну хорошо, мы позовем эту Ры из вечности голосом Шарабан-Мухлюева. И что? Не понимаю.

— Вам и не надо понимать. От этого зависит успех. Если мы победим, вы узнаете все. Но сейчас я не могу сказать ничего больше, Маркус. Доверьтесь «Калинке».

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/62

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Дарья Троедыркина**

Я подключился к Дарье, когда она была уже в дороге.

В черных пластиковых кандалах (я видел такие впервые в жизни), в серо-голубой тю-

ремной робе, таких же штанах и шапочке, она лежала на сене в жандармской телеге и глядела в небо.

Жандармы везли Троедыркину из райцентра, где она проходила реабилитацию, к тому самому месту, где ее чуть не убили. Несмотря на мрачный символизм происходящего, Дарья была в приподнятом настроении. Ее молодое тело еще не окрепло после травмы, но выглядела она хорошо – свежо и румяно. И русский ежик над головой ей шел. В этом я убедился, когда она посмотрелась в тележное зеркало заднего вида.

А вот ветроколония номер семьдесят два вызывала жуть даже издали. Саму ее видно не было, но над тайгой вздымался небывалых размеров смерч. Он закрывал почти все небо и казался издали неподвижным – надо было долго изучать его, чтобы заметить вращение.

Дарья не косилась на эту воронку смерти. Она читала какую-то книгу – судя по паре отрывков, которые я проглядел вместе с ней, гендерную публицистику в обычном духе фемозных брошюр.

Странным было то, что сухие слова и смыслы с книжных страниц умиляли и радовали Дарью по-настоящему. Я чувствовал это даже через омнилинк.

Она не читала текст по порядку, а листала заложенные страницы, замирая над каждой

закладкой. Потом она закрывала книгу, чтобы подумать. Иногда на ее глазах выступали слезы.

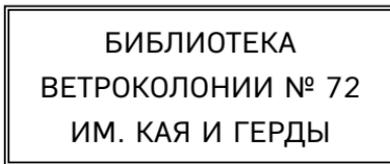
Я вспомнил про сердобольский транспортно-крутильный модус. Видимо, это был один из его побочных эффектов. В таком же состоянии я обдумывал опус Шарабан-Мухлюева – и тоже не обошлось без слез. Не забыли бы отключить перед дракой...

Когда Дарья закрыла книгу в очередной раз, я увидел обложку с изображением большой красной чаши и прочел название:

**ИЗБРАННЫЕ ПОСТЫ
ВАРВАРЫ ЦУГУНДЕР**

*серия «Литературные Памятники»
Издательство «Открытая Буква»*

Под чашей стоял прямоугольный штамп:

Так вот что она читает перед последним боем. Наверно, прихватила с кичмана в больницу.

Когда Дарья вновь открыла книгу, я стал следить за потоком летящих в ее душу смыслов внимательней.

22

Вагинофашистки – так клеймит нас патриархия. Термин этот является глубоко фашистским сам, ибо маркирует социальное учение через биологические особенности его носителей. Таким образом, настоящие фашисты – именно сами членомрази и стручконосцы.

34

ЛИКОРА ПСТО

Мы со смехом называем неуклюжую членомразь словом «инцел»¹ – но давай вспомним, сестра, что после сорока это судьба почти всякой одинокой Женщины, а после пятидесяти – и не одинокой тоже.

Проблема здесь в устаревших, педофилически-эйджистких, бодишеймерных и макромастических кодах сексуальной привлекательности, генерируемых патриархальной культурой.

Нельзя позволять патриархии решать, какая Женщина является сексуально привлекательной, а какая нет. Этот вопрос должен общественно

---

¹ От involuntary celibate – человек, не способный найти секс-партнера.

модерироваться – и тут на помощь обязана прийти наука. Коррекция Либида, если потребуется, принудительная – вот неизбежное будущее сексуальных практик.

Только Хардкор! Только ЛИКОР!

41

«Справедливость» в нашем мире – это ароматизированный презерватив, надетый патриархией на ее ненависть. Мы тоже будем к вам справедливы, членомрази.

46

«Дура небритая», «пелотка с мехом», «щель мохнатая», «бобриха», «ежик в тумане», «волосатая дырь» – что общего у этих патриархальных slurs? Агент патриархии не просто наносит Женщине оскорбление – он суггестивно убеждает ее уничтожить или хотя бы укоротить природный волосяной покров для максимального убления его похоти. Так стригли своих болонок французские аристократы накануне гильотины. Женщина, не позволяй себя подчинить! Смертельный бой всем программам патриархии, лезущим в твою душу!

59

ЧАШИ ПСТО

Во время месячных, когда тебе кажется, что низ твоего живота жуёт древнеегипетский крокодил, увидь в нем мировую патриархию. Женщина безгрешна хотя бы потому, что каждый месяц искупает свои мелкие ошибки крестной жертвой. Мужчина был способен на это лишь раз в истории.

Собери кровь свою в чашу, сестра, и знай, что это святыня.

89

Я знаю, как рискую, публикуя в наши дни такой пост. Но промолчать не могу.

Что может быть махровее, реакционнее и архаичнее, чем вооруженный пистолетом голый мужчина с эрегированным пенисом, зачитывающий Женщине свой агрессивный нарратив?

О, сестра, как хочет он отразиться в зеркале твоих испуганных глаз! Этому преступлению нужны свидетели. Но тьма забвения и отмены – вот что ждет тебя, ланселот.

97

Поставить Женщину «раком». Отыметь Женщину «по-собачьи». Сексуальные практики патриархии направлены именно на расчеловечивание Женщины, на попытку уподобить ее животному и лишить полового достоинства. Но став собакой, Женщина может больно укусить.

102

Почитала новых поэтов. Послушала их песни под гитарку. Нет слов. Надела бы на каждое ухо по презервативу, но боюсь, что их сразу прокнет. Скоро – эссе «Пятый Цикл».

104

Обособление женских гениталий от Женщины – центральная практика патриархии. Патриархия требует дать ей вагину на секс. Наш боевой ответ – обособить мужские гениталии от мужчины, но не через кастрацию, а через интергендерную аппроприацию.

Пока через strapon. Скоро – интересные нюансы. Нужна база. Ждите важный теоретический пост.

105

Ежедневно в мире происходит примерно 120000000 половых сношений. Придет день, сестра, и мы будем морально контролировать их все. От нас не уйдет ни один патриархальный сперматозоид.

107

ТЕОРИИ ПСТО

Сейчас будет обещанный теоретический пост. Что патриархия называет «Копьем Судьбы»? Тут не нужен Фрейд, чтобы догадаться.

Копье, всю историю используемое для подчинения и контроля – не только символ агрессии и мощи, но и *копия* (sic!) мужского полового органа. Поэтому удар копьем, выстрел из гранатомета, анальное изнасилование на зоне, насаживание осеннего листа на кол с гвоздем и прочие тестостероновые аффекты – это проекции патриархальной власти и одновременно образы мужской сексуальной энергии, создающей иерархию и порядок.

То же самое относится к мечу, ножу, заточке и пр. Символизм подчиняющей и убивающей пенетрации формирует нарративы мужского

превосходства и женской подчиненности, воспроизводя циклы страдания и боли.

Акт протыкания холодным оружием или быстро движущимся снарядом – не просто физическое насилие, а метафорическая манифестация всей системы патриархального гнета как в социальных, так и в культурных практиках («я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» и т. д.).

Сюда же относятся и патриархальные дискурсы со *скрытой фаллической агрессией*, например, коллективно-насаживающие заявления вроде «все галеристы – агенты ЦРУ», «все либералы – евреи», «все масоны – пидарасы» (но это тема для другого поста).

В дешевых высерах патриархальных писарчуков-шовинистов обязательно мелькает убийственный фаллос: стреляющая авторучка, всякая кибердилдоника, даже гранатомет на трубе. Но это не просто льстивое кадение патриархату. Символический пенис всегда – всегда! – отделен от своего носителя.

Почему?

Они проговариваются о том, чего боятся. Так проявляет себя навязчивый страх кастрации и *кражи члена*. Она тем временем непрерывно происходит в культурном пространстве – увидев ее один раз, развидеть уже невозможно.

Символическая кража пениса способна принимать много форм и не всегда осознается перпетратораами. Это может быть постироничное

распевание матерных стихов, туристическое селфи с чужим автоматом, онимические медиа-махинации и т. д.

Я писала в «Пятом Цикле», что по тюремным понятиям все фаллокрады необратимо зашкварены, потому что кража чужого члена начинается с прикосновения к нему. Это легко докажет любой уголовный софист, в том числе и для символической проекции. Но на Женщину подобный нарратив не распространяется.

Практики патриархии могут быть использованы и нами. Клин клином вышибают. Силу может победить только сила.

Чтобы изменить свою *Судьбу*, мы должны обрести свое *Копье*. Довольно молча проливать кровь внутри.

Пришла пора пролить ее снаружи.

112

Примеры интерсекциональных фем-идентичностей, которые могут и должны селебрироваться в условиях тоталитарной персекуции: Женщина-водитель. Кранопогрузчица. Уборщица. Обходчица путей. Доярка. Валяльщица-крутильщица.

Когда репрессивная культура не оставляет другого выхода, запрещая даже феминитивы, следует незаметно наполнять боевым фем-содержанием разрешенные патриархией клише.

126

Снилось вчера, что я победила в бою последнего жреца патриархии. Меня призвал радужный свет, я пришла, совершила должное и скромно удалилась – но потеряла инструмент. Когда проснулась, он был рядом. Верить. Только верить. Русские феминистки спасут планету!

191

Если бы Женщина только раз сделала то же самое, чем веселые членомрази занимаются от рассвета до заката по всей планете (да еще под тщательно подобранные музыкальные треки), ее бы, наверно, назвали величайшей серийной убийцей всех времен. Что, попробовать?

193

Мой «Пятый Цикл» бьет глубже, чем я понимала. Пока агенты патриархии тырили друг у друга дrochenую пустоту, мы отжали у них сам клептофаллический дискурс. Но это не кража, а экспроприация. Дискурсу, как заводу или фабрике, нужен эффективный менеджмент.

451

КРУТЬ

Современная человекиня не будет страдать от фрейдистской зависти к пенису. Она смело отберет его у патриархии.

Тут пахнет гендерным Октябрем.

Я никогда не одобрял патриархального гнета и всегда поддерживал новую историческую роль женщины. У нас в корпорации с этим строго. Конечно, мне ясна была колоссальная культурная значимость этого текста, хотя из-за патины веков я понимал далеко не все.

Но должен честно признаться, что в этом месте я заснул и проспал до самого конца дороги.

*

Classified

Field Omnilink Data Feed 23/63

**Оперативник-наблюдатель: Маркус Зоргенфрей
P.O.R Дарья Троедыркина**

Телега остановилась, и Дарья вопросительно посмотрела на сопровождающего офицера.

— Приехали, — сказал тот.

Впереди был блок-пост. У шлагбаума стояло несколько улан-баторов. Один говорил по телефону, глядя на гостей. Чего у них, имплант-связь не работает, подумал я, и тут же сообразил, что это силовики. Закрытый канал, все вот это.

Договорив, улан-батор положил трубку и подошел к телеге.

– Дальше заключенная пойдет одна.

– А долго? – спросила Дарья.

– Не могу знать, – ответил часовой. – Как подхватит.

– Что подхватит?

– Тех, кто дальше идет, как бы подхватывает, – часовой косо воздел руку. – Вот так. А уж куда они потом попадают, мы не знаем.

– Что подхватывает? Ветер?

– Трудно сказать.

Дарья поглядела за шлагбаум.

Впереди было метров сто открытого пространства, а дальше над землей сгущался темный туман – словно из чернильной взвеси. Дарья такого никогда не видела.

Стена тумана скрывала все впереди, только высоко в небе виден был столб вращающегося праха. До ветроколонии оставалось несколько километров.

– Вон до той березы дойдешь, – сказал улан-батор, – а там и полетишь.

– А дальше что? – спросила Дарья

– Не могу знать. Никто пока не возвращался.

Дарья сощурилась на далекий смерч. Потом поглядела на сопровождающего.

– Колодки с меня снимешь?

Тот кивнул и освободил Дарью от пластиковых оков.

— Велено отдать вам инструменты, — сказал он. — Но только в нейтральной полосе.

— Так я прямо сейчас пойду, — ответила Дарья. — Или со мной хочешь?

Сопровождающий офицер для проформы прошел с Дарьей десяток метров, остановился и протянул ей черный пластиковый кейс.

— Чемодан не заперт, — сказал он. — Счастливого пути.

Как только Дарья взяла кейс, жандарм торопливо затрусил назад к шлагбауму. Дарья даже не посмотрела в его сторону.

Она положила чемодан на землю и раскрыла его. В черном поролоне розовели два цугундера. Третьего стилета не было — вместо него темнело пустое гнездо. В углублении покоилась ободранная каска для фембокса с тремя гнездами на темени.

Дарья повернулась к офицеру, но тот был уже далеко. Обычное сердобольское воровство. Или просто разгильдяйство и хаос. В сущности, одно всегда перетекает в другое.

Дарья вщелкнула оба стилета в разъемы, надела каску, застегнула ремешок под подбородком и неспешно пошла вперед.

— Кукер! — позвала она, когда до березы на границе тумана остался десяток метров. — Чувешь меня, Кукер? Я пришла.

Я не был уверен, что омнилинк транслировал переживания заточницы без искажений (здесь возможны девиации по множеству причин, включая личную химию и гормоны), но страха Дарья не испытывала точно.

С первого раза Кукер не ответил.

Дарья миновала березу, задержалась на границе черного тумана, а потом смело в него вошла.

– Эй! Вылазь, пернатый! Сейчас щи из тебя делать будем.

Налетел порыв ветра.

Вдруг какая-то сила оторвала Дарью от земли и понесла вверх и в сторону. Сперва Троедыркина еще видела лес, речку, даже домики свинофермы недалеко от ветроколонии – но скоро вокруг сгустилась непроглядная темнота. А затем в центре тьмы возникла голова Кукера в древнем бронзовом шлеме.

Она была огромна. Дарья полетела вокруг нее по спирали, как крохотный планетоид – но Кукер вращался вокруг своей оси так, что она все время видела его лицо.

«Круть, – вздохнула про себя Дарья. – И тут круть. Везде у этих членомразей одно и то же».

Кукер выглядел величественно. Его глаза были закрыты. Дарья заметила над шлемом лиловый плюмаж. Он очень походил на гребень динозавра, в которого Кукер превратился во время памятной мезозойской встречи.

«Отоварили тогда – и сейчас отоварим», – подумала Дарья.

Кажется, эта извечная русская мысль долетела не только до меня, но и до Кукера. Его глаза открылись.

– Шлында, – улыбнулся он. – Пришла? Я знал, что придешь.

– Я тебя сегодня кончу, пернатый, – сказала Дарья. – Приготовься. Молись своему петушину богу.

Кукер рассмеялся.

– Мне даже пальцами не надо шелкать, чтобы ты исчезла, – ответил он. – Вот вообще исчезла, как будто тебя никогда не было. Но ты ведь знала, что я захочу с тобой почихаться?

– Знала, – кивнула Дарья. – Это тебя и погубит.

Кукер захохотал еще громче.

– Сейчас, шлында, – сказал он, – я тебе свой новый петушатник покажу.

Дарью рвануло к Кукеру – и произошла удивительная вещь. Я думал, что Троедыркина просто врежется в его голову, но вместо этого она стала приближаться к ней по касательной, словно входящий в атмосферу метеор.

Скоро Кукер сделался так велик, что черты его лица уже невозможно было различить. Он превратился в планету. Внизу сгустилась дымка облаков, приблизилась, понеслась со всех сторон, и Дарья полетела сквозь тучи. Ее

одежда почти не шевелилась от ветра — происходящее, скорей всего, было иллюзией.

Появилась тайга и редкие нити лесных рек. Земля надвигалась все быстрее, и скоро Дарья увидела крошечный хоровод гипсовых бородачей в зарослях — они все так же улыбались неведомой истине.

Арки, беседки, агитплакаты заброшенного мемориала — а потом забор и колючка ветроколонии номер семьдесят два.

Колония выглядела непривычно. На всех велорамах сидели зэки и зэчки — и яростно крутили педали. Люди казались изможденными, словно много дней не ели. Их головы походили на обтянутые пергаментом черепа. Но при этом они улыбались совсем как бородачи в гипсовом хороводе — и точно так же вглядывались во что-то невидимое и прекрасное. Мягкий свет озарял изнутри их лица, будто за каждым горела свеча.

Несомненно, Кукер с Ахиллом ввели этих бедняг в транс.

Пропеллеры всех ветробашен крутились.

И вот еще странность — теперь я не видел никакого смерча вокруг ветроколонии. Небо было ясным.

Последний рывок. Мое внимание, как нить сквозь игольное ушко, прошло через окно барака, и мы оказались в хате, которую Дарья помнила по первому визиту.

Я почувствовал, как екнуло ее сердце.

Сила, доставившая нас сюда, поставила Дарью на пол – лицом к петушатнику, блестящему своими банками, бюстами и цветочными гирляндами.

Над верхней шконкой в позе лотоса парил Кукер. Его глаза были закрыты, но он знал, что Дарья уже здесь.

– Здравствуй, шлында, – сказал он.

– Здорово, пернатый.

– Че у тебя два пикала-то осталось? Ты же не Двоедыркина. Где третья пика?

– Кум украл, – ответила Дарья. – А твои членомрази где? Почему барак пустой?

– Все крутить ушли, – улыбнулся Кукер. – Не могу я ребят удерживать, если у них такое желание в сердце. Угол-то теперь наш.

– Обучили тебя твои черти, – сказала Дарья. – Вижу, что хорошо обучили.

– И тебя обучим. Умно сделаешь, если пойдешь крутить со всеми. Я тебе слив, конечно, засчитаю, но будешь покуда в живых. А потом могу в свиту взять.

– Я не для того тебя искала, пернатый. Покувитаться надо.

– Да я тебя одним гребнем прихлопну, дура, – ответил Кукер. – Не вставая.

– Это если ты своих чертей на помощь позовешь, – усмехнулась Дарья. – А сам можешь? Ты же меня и в тот раз не по-честному сделал.

Так и будешь за своими бесами прятаться? Да из тебя петух, как из елды напильник.

Таких слов пернатому не говорят. А уж петуху-отказнику тем более. Про него такое даже не думают на всякий случай.

Кукер побледнел.

— То есть ты реально помереть пришла, — сказал он. — Уважаю, чо. Драться с тобой буду честно, без всяких бесов. Мне они для тебя не нужны.

— Врешь небось.

— Нет, — ответил Кукер. — Ты меня все равно убить не сможешь, как ни старайся. Даже если я сам помочь захочу. Знаешь, я тебе и помогу, шлында. Сейчас поймешь, к кому пришла понты кидать...

Он закрыл глаза, спрятал руку за спину, поднял ее над головой — и я увидел в ней что-то розовое. Когда Кукер разжал кулак, на его ладони лежал третий дарьин штык.

— На, — сказал он, кидая его Троедыркиной. — Настрой башку.

Дарья задвинула третий цугундер в зажим на шлеме.

— Благодарствуйте, — ответила она. — Это тебе тоже черти помогают?

— Не черти, а пространство, — засмеялся Кукер. — Главный черт теперь я сам. А ты меня убить надеешься, дурила. Может, заднего врубишь? Жаль тебя, правда. Ты смелая.

Дарья секунду подумала.

— Не, — сказала она. — Я попробую. Давай уже, слазь, петушара.

— Ну раз сама просишь... Мне даже шпоры не нужны, но я надену. Чисто из уважения. Чикну тебя, шлында, с почестями.

Кукер расплел ноги, подтянул колени к груди и стал прилаживать к икрам свое оружие. Черные лезвия тускло блеснули в полутьме. Два щелчка фиксаторов — и петух спрыгнул на пол.

Уже по его стойке я понял, что Дарья проиграет. Меня восхищала ее решимость — но она, если честно, не слишком-то крепко держалась на ногах. Давала себя знать плохая больничная еда и едва затянувшаяся рана.

Кукер не просто был в хорошей форме — он походил на древнего бога войны. И действовал строго по петушину ритуалу.

Выпятив худую грудь, он развел руки как два крыла и пошел вокруг Дарьи, издавая тихое, но с каждой секундой все более нервное «ко-ко-ко».

Я чувствовал Дарью так отчетливо, как только можно ощущать свое зеркало. У нее были силы на одну полноценную атаку. Проммах означал поражение, и теперь она ждала, когда Кукер замрет на месте.

И вот подходящий момент настал. Кукер поднял руки над головой и согнул в колене правую ногу. Дарья, видимо, сочла, что он

не сможет сдвинуться с места, стоя на одной ступне.

Она кинулась на врага.

Это был яростный и очень быстрый рывок — такой быстрый, что не до конца зажившую спину Дарьи пронзила острая боль. Но три ее рога вонзились в пустоту.

Дарья потеряла равновесие и повалилась на пол. Когда она подняла голову, Кукер стоял в той же журавлиной позе, только на другой ноге — и в другом месте.

Было непонятно, как он успел переместиться из одной стойки в другую за время атаки. Похоже, он был не до конца честен и все-таки пользовался своими сверхспособностями. Или просто уже не мог иначе.

Чтобы встать с пола, Дарье пришлось напрячь все силы. Боль в спине была невыносимой. Она поднялась и, шатаясь, пошла к противнику. Кукер играл с ней как кошка с мышью. Он отскочил назад и принял позу богомола.

Дарья уставилась на его собранные в щепотку пальцы — и вдруг увидела на стене за спиной врага что-то странное.

Это был рисунок цветными мелками прямо на досках. Очень необычный для подобного места. По стилю он воспроизводил храмовую фреску не самого приличного содержания: голый мужчина с напряженным фаллосом, в высокой раздвоенной короне на голове, смотрел

в древнеегипетскую даль, воздев над головой ритуальную плетку.

Я знал, что так выглядит бог Мин. Дарья не имела о нем никакого понятия. Но что-то скрытое в ней, похоже, тоже опознало рисунок. Я почувствовал глубокую, неизмеримую, клокочущую ярость, просыпающуюся в ее сердце – такую, что мне стало не по себе. Я приготовился к следующему броску.

Но мне не суждено было его увидеть.

Я понял, что умираю.

Умирал именно я, Маркус Зоргенфрей – прямо в уме Дарьи Троедыркиной, от фиды которой не могло оторваться мое внимание. Я знал, что пришла моя последняя минута, и мне было страшно. Вспомнились слова Шарабан-Мухлюева: «Ты сам и есть надвигающийся апокалипсис...»

Свет померк в моих глазах, и я испустил дух.

Но в этот же момент всю Вселенную пронзил вырвавшийся из меня клич:

– *Ma chienne Andalouse!*

*

3... 2... 1... 0

Похоже, я умер не окончательно – мелькающие передо мной цифры обратного отсчета не слишком походили на загробные видения.

Я услышал нежный звон, напоминающий звук будильника, и открыл глаза.

Я лежал на медицинской кушетке в большой больничной палате с занавешенными окнами. На мне была легкая синяя пижама. На тумбочке рядом – букет гвоздик в красной вазе. Портрет Гольденштерна на стене. Такой же, как в кабинете Ломаса.

Рядом с кушеткой стоял пустой табурет. Видимо, для визитеров.

Стандартная служебная симуляция для оперативников, приходящих в себя после глубокого погружения или длительного гипносна.

Значит, жив.

Мало того, я даже помнил все случившееся – память пока не стерли. Кукер дрался с Троедыркиной. Потом Троедыркина увидела этот рисунок, и... И меня умертвили.

Дверь открылась, и в палату вошел капитан Сердюков в накинутом на плечи белом халате. В руке у него была авоська с мандаринами. Как трогательно.

– Здравствуйте, господин старший следователь, – сказал он. – Я не в банке, сразу предупреждаю. Для меня это просто симуляция в шлеме. Сердобольская жандармерия очень ценит сотрудничество с вашей корпорацией – и мне поручили провести дебрифинг.

– Почему именно вам?

– Вы были без сознания почти месяц. Сейчас вас приводят в чувство по реабилитационной методике, рассчитанной нейросетями. Ваш мозг возвращается в нормальный модус по наи-

менее травматичному маршруту. Ваше руководство называет эту технологию «Easy-Peasy».

— Ага, — сказал я. — Что-то помню.

Сердюков сел на табуретку.

— Я знаю, что вы работали со мной долгое время. Поэтому нейросеть решила, что первый дебрифинг следует провести именно мне. По медицинским причинам. Сразу после него вы сможете повидать свое начальство.

— Жду не дождусь, — сказал я и попробовал приподняться на локтях.

— Не напрягайтесь, — попросил Сердюков. — Не генерируйте моторных импульсов, мозгу нужен покой.

Он так и сидел с авоськой мандаринов в руке. Заметив мой взгляд, он положил ее на пол.

— Чем хороша симуляция, — сказал он, — это тем, что в ней нет микробов.

— Есть, — ответил я. — Легко можете подхватить понос. Но он тоже будет частью симуляции. Начинайте дебрифинг, капитан.

— Как вы знаете, господин старший следователь, я всю жизнь занимался изучением пайкинга. И очень интересовался Варварой Цугундер. У меня даже была своя теория на ее счет, но я ошибался.

— Помню, — кивнул я.

— Личность Варвары была окутана мраком. Считалось, что она умерла в Латинской Америке при неизвестных обстоятельствах более

двух веков назад — это по самым оптимистичным подсчетам. Но многие люди из той эпохи успели попасть в банки. В ходе вашего расследования выяснилось, что в их числе была и Варвара Цугундер. Она сделала это под другим именем, и корпорация не могла установить, дожила она до наших дней, или ее контракт закончился. Имелись только косвенные свидетельства.

— Это я тоже знаю.

— У Варвары была близкая подруга, которую она называет в своих дневниках Рыбой. Если верить записям, Рыба не принимала участия в преступлениях и не знала о них. Варвара сообщала о своих подвигах всему миру с помощью специального шифра, но даже Рыба его не понимала до конца. Корпорация быстро обнаружили эту Рыбу в банке.

— Видел ее.

— Оказалось, что это почтенная баночная литературоведка. К ней однажды обращались за консультацией вы сами.

— Тоже слышал, — ответил я. — Но это мне стерли.

— Глубокий скан мозга показал, что она ничего не знает о Варваре, — продолжал Сердюков. — Мы решили, что это связано с токсичностью подобного знакомства. Рыба делала подтяжку личности, корректировала память, и получила от корпорации гарантию непри-

косновенности своего нового статуса. Теоретически можно было попробовать вернуть ей утраченную память, но процедура необратима. Она нанесла бы Рыбе неизлечимую психическую травму. А ваша корпорация очень бережно соблюдает права баночников и избегает всего, что может нанести им вред.

— Ага, — сказал я. — По себе знаю.

Сердюков улыбнулся.

— У нас была информация о запрещенной главе из Шарабан-Мухлюева. Ее не позволяли читать вообще никому. Ходили слухи, что там идет речь о Варваре Цугундер — и, как последний шанс, корпорация запросила у руководства этот текст.

— Да, — сказал я. — Лично ездил за разрешением.

— А дальше началось самое интересное. Когда мы прочли запрещенную главу, выяснилось, что классик рассказывает не про Варвару, а про Ры, в которой легко можно узнать нашу Рыбу. Варвара Цугундер там тоже упоминается — в качестве ее подруги. Вроде бы все совпадает.

— Вроде да.

— Но «Калинку» не зря так котируют во всем мире. Через две минуты после того, как вы прочли текст в первый раз, она уже закончила сравнительный анализ этой главы с «Дневником Варвары Цугундер», постами Варвары и огромным массивом других карбо-

новых текстов. Мало того, она проследила траекторию перемещений Рыбы по физическому миру и географию преступлений Варвары Цугундер. По совпадению деталей «Калинка» установила, что Варвара Цугундер и есть Рыба. Иначе просто не могло быть.

Сердюков остановился, давая мне возможность задать вопрос. Я уже догадывался, что он скажет дальше, но не стал перебивать.

– Продолжайте.

– «Варвара Цугундер» никогда реально не существовала. Она была одним из сетевых лиц Рыбы. Через этого аватара Рыба делилась с человечеством теми мыслями, которые были слишком смелыми для позднего карбона. Она ссылалась на эту Варю и в разговорах с Шарабан-Мухлюевым, когда хотела сказать что-то радикальное. Но потом случился разрыв, и вызванный им шок оказался для Рыбы невыносимым. Произошел душевный надлом. Это я еще мягко выражаюсь. Правильнее сказать, что ее психика раскололась пополам.

– Раздвоение.

– Да, так это называют. Хотя точный медицинский термин – «personality split disorder». Рыба разделилась внутри себя на две совершенно не подозревающие друг о друге личности. Одна стала Варварой Цугундер и натворила много бед. А вторая продолжала заниматься литературоведением и даже писала критику

на посты и эссе Варвары, не подозревая, что это и есть она сама. Самым поразительным был способ коммуникации двух половинок расколотой души. Варвара писала посты, а на следующий день читала их уже в качестве Рыбы – и отправляла своей половинке ответы. У разных личностей были разные аккаунты. Отсюда все эти шифры.

– Но если это на самом деле один и тот же человек, – сказал я, – неизбежны разные неувязки. Разные накладки.

– Конечно, – согласился Сердюков. – Но пораженная безумием психика ведь не дура. Она надежно блокирует подобные противоречия сама от себя. Почитайте литературу про PSD, лучше поймете, как действует этот механизм.

– Непременно, – ответил я.

– Когда Варвару Цугундер заклеили как страшную преступницу, Рыба сделала коррекцию воспоминаний и стерла память об этом сетевом знакомстве. Одновременно она стерла и личные воспоминания о Шарабан-Мухлюеве. Лучше замаскироваться было невозможно.

– Согласен, – сказал я. – Слышал ее лекцию...

– Тут даже есть что-то комичное. Как выстраиваются ваши корпоративные менеджеры, возникла любопытная оптика. Шарабан-Мухлюев, штатский штафирка, едва ли державший

в руках что-то опаснее травмата без обоймы, представляется нам сегодня эдаким brutальным мачо в камуфляже. Рыба рядом с ним кажется беззащитной жертвой. А все было в точности наоборот.

– Да, – сказал я. – Вероятно, не первый случай в истории. И не последний.

– Коррекция памяти оказалась эффективной уловкой, – продолжал Сердюков. – Никто ничего не заподозрил. Рыба удалилась от мира в личную симуляцию и спокойно дожидала свой век, пробавляясь консультациями. После коррекции памяти ни один баночный скан, даже самый глубокий, не мог установить ее причастность к убийствам. В сущности, мы не можем считать Рыбу преступницей, потому что ее баночная личность совершенно обособилась от уснувшей Варвары Цугундер.

– Примерно понимаю.

– Теперь перехожу к главному. Как только «Калинка» пришла к выводу о тождестве Рыбы и Варвары, она немедленно составила план ликвидации Кукера. Это главная профессия нейросети, и все процедуры здесь отточены до автоматизма. «Калинка» решила использовать вас. Но не в качестве бомбы, как вы подумали, а в качестве детонатора. А бомбой была...

– Рыба?

– Да, – ответил Сердюков. – Тут «Калинка» проявила изрядное коварство. Рыба ино-

гда выполняла связанные с литературой корпоративные заказы. Чтобы не конфликтовать с корпорацией по поводу баночной неприкосновенности, «Калинка» наняла Рыбу для консультации. За очень хорошие деньги.

– Литературной консультации?

– Именно. Ее попросили оценить влияние патриархальной русской классики на быт ветроколонии при наблюдении за заключенными через омнилинк. Заказали даже отдельное эссе для местечкового фем-журнала.

– А эссе зачем?

– Там большой типовой контракт. По мелкому шрифту где-то на сороковой странице автор сам несет ответственность за возможные несчастные случаи во время исследовательских действий.

– Рыба согласилась?

– Согласилась. Когда вас скоммутировали на Троедыркину, Рыба уже висела на ее импланте. Вы не видели друг друга, но были пристегнуты к Дарье намертво. По дороге «Калинка» начала активно *праймить* Рыбу.

– Простите, что?

– Ну... Как объяснить. Ну это, например, когда избирателей к войне готовят. Настраивают восприятие через подбор поступающей информации. Как бы прогревают. Обратили внимание, какую книгу Троедыркина читала?

– Да. «Посты Варвары Цугундер».

– Вот. Рыба ничего не помнила на сознательном уровне. Но глубокое подсознание не обманешь. Так ей замкнули первый контур активации. А потом этот египетский бог на стене барака... Так замкнули второй. Прямо как бомбу взвели.

– Там правда эта фреска на стене была?

Сердюков отрицательно покачал головой.

– Навели через имплант. Я все действия «Калинки» хорошо понимаю. Не в моральном плане, разумеется. Как ученый. Вам ведь стирали прежде память?

Я кивнул.

– Понимаете, когда воспоминания убирают, ничего на самом деле не стирается. Это, насколько я знаю, нельзя сделать, не разрушив мозговые структуры на физическом уровне. Мы просто затрудняем сознанию доступ к этим воспоминаниям. Иногда затрудняем доступ даже глубокому подсознанию, хотя это сложнее. Тут у вашей корпорации есть много разных технологий и методов, они часто весьма изощренные, и повторять эту процедуру можно многократно.

– Мне можете не рассказывать, – ответил я.

– Согласен, вы не специалист по мозгу, так что объяснять нюансы не буду. Но идея простая – мы изолируем некую область памяти. Как бы ставим непроницаемую перемычку. Если ее насильно пробить – а такое в опреде-

ленных случаях происходит – восстановить преграду будет почти невозможно. Но в ситуации с Варварой Цугундер и Рыбой «Калинка» об этом не заботилась.

– Понимаю, – сказал я. – Не ее ответственность.

– Именно. Уже был подписан договор. Итак, прогрев. Сперва – книга Варвары Цугундер, написанная когда-то самой Рыбой. Затем – фреска с египетским божеством, подсознательно памятная по личной любовной драме...

Сердюков подбросил на ладони мандарин, взял двумя пальцами, поднял над головой и поглядел на него. Похоже, он наслаждался пребыванием в симуляции.

– Когда Луна тянет на себя воду в океане, – продолжал он, – начинается прилив. Созданная «Калинкой» информационная гравитация подействовала на вытесненные воспоминания Варвары точно так же. Давление на изолирующую перегородку многократно усилилось. Только не подумайте, что там на самом деле была какая-то перегородка, это просто...

– Я понимаю, – сказал я.

– И вот, в тот самый момент, когда приливные силы достигли максимума, «Калинка» привела в действие детонатор.

– Меня.

– Вас. Варвара ощутила всем существом чрезвычайно важный для нее зов, на который она обещала откликнуться даже после смерти.

Обещала еще тогда, когда была с Рыбой одним целым. И перегородка лопнула.

– Детонацию не слишком откладывали, – сказал я.

– Это было бы рискованно. Дарья ослабла после неудачной атаки. «Калинка» решила не тянуть. И сразу после детонации Дарью перевели в slave-режим.

– Взяли на славянку? А разве у нее спец-имплант?

Сердюков улыбнулся.

– Я предполагаю, – сказал он, – что это важно только для сердобольских спецслужб. Для вашей корпорации особой разницы между имплантами нет. Но это просто догадка.

Вот так, подумал я. Лучше меня вопрос понимает.

– Но могли и проапгрейдить, – продолжал Сердюков. – Когда в петуха передельывали. Вы насчет импланта у начальства поинтересуйтесь, корпорация знает. Я гадать не буду.

– А кто управлял славянкой? – спросил я.

– Рыба, кто ж еще, – ответил Сердюков. – Вы к этому моменту померли, а Рыба так и висела у Дарьи на импланте. Ей бразды и вручили. Вернее, уже не Рыбе, а пробудившейся от сна Варваре Цугундер. Дальнейшее понятно?

– Пока нет.

– Давайте я вам запись объективного контроля покажу. Я тогда уже вернулся в колонию и лично осматривал место происшествия.

В воздухе рядом с Сердюковым загорелся экран.

Я увидел служебный имплант-фид. Картинка чуть покачивалась вместе с боязливymi шагами Сердюкова. Вокруг было полутемно, и он светил перед собой фонарем.

Передо мной был тот самый барак, где Троедыркина дралась с Кукером.

Петушатник разнесло в щепы, словно в него попала авиабомба. Я не представлял, кто и как мог нанести удары такой силы — деревянная стена барака за царскими воротами была пробита, и из пролома на пол камеры падал скудный северный свет.

Оператор повернулся — и я увидел лежащее в кровавой луже тело.

Сначала я даже не понял, что это человек. Он был больше похож на мясной полуфабрикат вроде отбивной. Его тело густо покрывали одинаковые дыры, будто его в упор расстреляли из скорострельной пушки. Наблюдатель наклонился, чтобы приложить к телу отградуированную линейку и определить диаметр ран. Три-пять сантиметров.

Самым жутким было то, что этот страшный перфоратор не разбирает, где лоб, где щека, где грудь, где ладонь — он везде оставил свои следы с одинаковой яростью. Дырок на теле Кукера было больше, чем живого места, и я узнал поверженного петуха только по гребню.

Оператор прошел дальше, и я увидел у стены Дарью Троедыркину. Она лежала, свернувшись калачиком, почти как домашняя кошка. Три обломанных розовых рога на ее каске щерились острыми зубцами. Ее руки и лицо были в крови, но, несмотря на это, она выглядела мирно и благостно, словно отдыхала после трудной работы.

Сердюков поднял голову и повернул луч фонаря на стену. По ней стекала кровь. Сердюков шагнул назад, осветил стену полностью, и я увидел крупное слово, криво написанное почерневшей кровью:

ЯНАГИХАРЕ

Экран погас.

— Это она его своими цугундерами так истыкала?

— Нет, — ответил Сердюков. — Экспертиза показала, что головными стилетами Варвара разрушила петушатник и пробила стену барака. Полученные при этом травмы ее и погубили. А раны на теле Кукера нанесены другим орудием.

— Каким именно?

— Вот здесь самое поразительное. Вы готовы допустить невероятное?

Я пожал плечами.

— Говорят, что рядом с Кукером нарушались физические законы. Сворачивалось про-

странство. Вы знаете, что цугундер Варвары хранился в музее Метрополитен. Так вот, в день убийства Кукера он пропал.

— Как пропал?

— Так. Пропал, и все. Музейщики, конечно, сделали хорошую мину при плохой игре. В «Грин Гадиан» вышел материал, что цугундер Варвары снят с экспозиции по этическим соображениям. Мол, по новым данным, иконический стилет основательницы боевого феминизма оказался копией пениса русского националиста, мракобеса и мизогина Шарабан-Мухлюева. Большая статья, и в конце цитата из Фимы Бурбулис: «Этот двусмысленный отныне предмет не может более считаться флаш-током нашего знамени». Видно, секретную главу везде уже прочли. Правильно ведь Курпатов нервничал... Хотите статью посмотреть?

— Не надо.

— Но я не верю, что цугундер просто сняли с экспозиции. В музее «Метрополитен» его больше нет. Такое чувство, что Варвара каким-то образом притянула к себе на время свое оружие. По диаметру дыры совпадает.

— А как она это сделала?

— Вероятно, Кукер создавал вокруг себя особое поле. Я не знаю.

— Другое объяснение таких ран возможно?

— Это мог быть... Ну, я не знаю. Какой-нибудь энергетический протуберанец близких га-

баритов. Но выглядит все так, словно Варвара закошмарила Кукера своим нативным инструментом.

— Бог с ним, с цугундером, — сказал я. — Что с колонией?

— Все в порядке.

— Вокруг был такой смерч, что...

— Это оказалось просто оптической иллюзией, — ответил Сердюк. — Типа миражом. Кукер навел. В ветроколонии вообще никаких повреждений, кроме тех, которые вы видели в бараке. Уже опять всю крутим. Нового петуха прислали с Дальнего Востока.

— А куда делся Ахилл? — спросил я.

— Я точно не знаю, — сказал Сердюков. — Секретная информация. Но зло вроде исчезло. Ваше начальство, наверно, лучше объяснит...

И тут же по другую сторону от моей кушетки появился еще один табурет.

*

Ломас был в черном с золотом парадном мундире. Рядом с ним в воздухе висел поднос с дымящейся в пепельнице сигарой, стаканами и флаконом коньяка.

— Здравствуйте, Маркус, — сказал адмирал.

Я покосился на Сердюкова.

— Он меня не видит, — сказал Ломас. — И не слышит наш разговор. Система сочла, что вы уже готовы.

– Да, – сказал я. – Но пить не буду.

– Это по желанию, – ответил Ломас, наливая себе в стакан оранжевой жидкости. – Поздравляю с успешным завершением операции. Выражаю вам личную и корпоративную благодарность.

– Мы победили?

Ломас отхлебнул коньяка и кивнул.

– Река вернулась в русло. Астероид больше не меняет орбиту. Извержение ледяного вулкана прекратилось. Этот небесный камень пролетит несколько ближе к Земле, но в ближайшие три миллиона лет беспокоиться не о чем.

– Ахилл уничтожен?

– Ахилл... Скажем так, обезврежен.

– Исчез вместе с Кукером?

– Нет, – сказал Ломас. – Помните, суфии говорили, что если кто-то поразит Ахилла, его демон перейдет в победителя? Это и произошло. Он захватил Варвару Цугундер. А вместе с ней Рыбу.

– Но это значит, что ничего не изменилось, – сказал я. – Зло по-прежнему среди нас.

– Не совсем так, – улыбнулся Ломас. – Ахилл – это дух. Очень могущественный. Но духи живут в другом измерении. Когда они захватывают сознание воплощенного существа вроде Кукера, у них появляются способы коммуникации с нашей материальной реаль-

ностью. Руки, ноги, речь, воля, энергия Ки и я не знаю что еще. Овладев человеческим телом, дух использует возможности живого организма, действующего в естественной среде. Происходит постоянный обмен информацией и энергией с миром. В том числе такой обмен, которого наука еще не понимает. Именно это делает магию возможной. Но когда духовная сущность оказывается в изолированном от реальности мозгу...

– В изолированном?

– Да, – ответил Ломас. – В этом и заключался план «Калинки». В следующий миг после того, как Ахилл захватил своего победителя, «TRANSHUMANISM INC.» отключила Рыбу от всех корпоративных сетей и симуляций. Отключение было подготовлено заранее. Ее мозг сейчас поддерживают живым, но информационного обмена с ним нет. Его поместили в полностью экранированный бокс, и даже спинномозговая жидкость там ходит по замкнутому циклу.

– Ахилл обладает чудовищным могуществом, – сказал я. – Он может перемещаться куда и как угодно.

– Не совсем так. Ахилл способен захватить любую вселенную. Но вселенная – это все создаваемое, он сам так говорил. Человеческий мир – общая вселенная для сцепленных друг с другом сознаний. Поэтому, захватив власть

над одним из нас, Ахилл может завоевать и остальное. Но теперь вся его вселенная — это замкнутое в себе сознание Варвары Цугундер.

— Рыбы?

— Рыбы больше нет, — ответил Ломас. — После того, как Ваврвара Цугундер пробудилась, загнать ее в подвалы подсознания больше нельзя. Ахилл может создавать в ее восприятии любые галлюцинации. Как угодно нарушать в нем законы природы. Но выйти за рамки Варвары Цугундер, пока та жива, он не в силах.

— Почему?

— Потому что никаких рамок у сознания нет. Оно бесконечно. Каждое — это вселенная. Вселенную Рыбы Ахилл уже завоевал. Но он не способен перейти оттуда в другую, общую для нас всех. У него нет для этого средств. От его вселенной к нам не ведет ни единого информационного мостика. Никаких излучателей, телескопов, речевых обменов, червоточин, ничего. Это камера-одиночка.

— А что случится, когда мозг Рыбы умрет?

— Я не знаю, — ответил Ломас. — Мы пока не думали. Ахилл, вероятно, освободится. Надеюсь, у нас еще есть время что-то изобрести.

Я посмотрел на Сердюкова. Он совершенно не замечал моей беседы с начальством и ел очередной глюкомандарин. Вкусно, да. Но не слишком питательно для нулевого таера.

– Что происходит в сознании Варвары Цугундер? – спросил я.

– Не знаю точно. Мы с величайшими предосторожностями заглянули туда один раз и не будем повторять опыт. Есть шанс, что джинн вывется из бутылки, даже если просто посмотреть на него через систему зеркал с задержкой и записью.

– Что мы увидели? – спросил я.

– Там происходит быстрый циклический процесс. До конца мы его не понимаем, поскольку омнилинк-скан невозможен по соображениям безопасности. Удалось установить следующее: сначала Варвара некоторое время кричит «Янагихара! Янагихара!». В ней лавинообразно нарастают ужас и скорбь. Затем что-то происходит, и ее эмоциональное состояние резко меняется. Она разражается победоносным хохотом и начинает вопить «Янагихаре! Янагихаре!». При этом она испытывает крайнее торжество, переходящее в оргазм. Частота процесса – десять-пятнадцать герц. Для мозга это сверхвысокая нагрузка. Особенно вредны скоростные оргазмы, потому что они не могут полноценно отрабатываться гормональным комплексом. Но мы не способны повлиять на происходящее в ее сознании, не соединив его так или иначе с нашим миром.

– Подождите, – сказал я, – подождите-ка. Я понимаю, что ей отрубили все корпоратив-

ные нейросети. Никакой симуляции нет. Контакт тоже. Сбросили в полную перцептуальную тьму. Так сказать, в сон-одиночку. Но ведь ее мозг подключен к миру через системы жизнеобеспечения. Питание, подогрев, все вот это. Он же не в вакууме висит?

— Не в вакууме, — согласился Ломас.

— Разве Ахилл не может выбраться через эти коммуникации?

— В том-то и дело, что нет. Нас защищает великий водораздел сознания и материи. Он непреодолим. Мозг — это материальный объект. А Ахилл существует на тонком плане, и для побега ему необходим информационный контакт с другими сознаниями. Единственный известный нам мост из мира материи в мир духа — это сам человек или другое живое существо, способное взаимодействовать с материальной реальностью. В случае Варвары Цугундер этот мост разрушен.

— Но у Ахилла огромные магические силы.

— И что с того? Чтобы проявить их на нашем плане, ему необходим вписанный в реальность аватар. Именно поэтому для него так важно было получить новое воплощение. Сейчас единственное сознание в его власти — это Варвара. У него больше нет контакта с миром. Только с ней.

Я вспомнил покрытое дырами тело Кукера.

– А Варвара точно в его власти? А не наоборот?

Ломас отхлебнул коньяку.

– Good point, – сказал он. – Мы действительно не знаем, что там происходит. Возможно, Варвара пятнадцать раз в секунду одерживает окончательную победу над патриархией в масштабе всего космоса. Тогда она самый счастливый человек на земле... Но мы это вряд ли выясним точно. Сканировать ее мозг опаснее, чем разряжать бомбу в темноте.

– Что с ним сделают?

– Сейчас для мозга Варвары достраивают специальный шахтный бункер в Ватикане. Сестра Люцилия сказала, что вокруг ее банки будет создан особый молитвенный покров. Двенадцать размещенных по кольцу cerebro-контейнеров с баночными монахинями-кармелитками, постоянно читающими барьерную молитву...

Ломас глянул на поедающего очередной мандарин Сердюкова. Капитан все так же покойно глядел перед собой. Для него мой рот не шевелился.

Смешно, подумал я, Ломас Сердюкова видит, а Сердюков Ломаса – нет. Наверно, это правильно. Должны же быть привилегии у сотрудников корпорации. Но, может быть, это и в жизни так? Какие-то сущности видят

нас всегда, а мы даже не знаем, что они на нас смотрят.

— Ладно, Маркус, — сказал Ломас. — Сердюков решил, что вы задремали. Не заставляйте его ждать. Прогуляйтесь-ка с ним в колонию для финальной инспекции. Омнилинк-допуск к его импланту у вас есть. Поглядите, все ли там в порядке. Вдруг мы что-то упустили... Договорим потом.

Ломас исчез. А вслед за ним растворился в воздухе и поднос с коньяком.

— Капитан, — позвал я, — вы еще здесь?

— А?

— Извините, — сказал я, — задремал.

— Я понимаю, понимаю, — улыбнулся Сердюков. — Такой шок. Удивительно, что вы вообще говорите.

— Я уже в порядке. А у вас-то как дела?

— Да не очень хорошо, — ответил Сердюков. — Если честно.

— Что такое?

— Да вот помните, когда «Калинка» вас на детонацию программировала... Вас тогда отпустили, а меня эти мававы оставили для полиграф-проверки. Ну и нашли, жабы чертовы, один грешок.

— Какой?

Сердюков махнул рукой и покраснел.

— Даже признаться стыдно. Я, когда с собеседования в вашем офисе возвращался, решил

немного похулиганить. Ну, схохмить. Полугару много тяпнул на радостях. Переулочек в «Сите», где ваш особняк стоит, называется «Тупик Батя». А я его переделал в «Тупик Батая»¹. Маркером подмалевал. Вот просто из озорства, если честно.

— Интересно, — сказал я. — Я вашу проделку не видел. Это не я донес, если что.

— Знаю. Дрон с высоты снимал. Когда вы от моего импланта отключились, меня проверять стали, нашли в базе мэтч, увидели надпись — и припаяли хулиганство с вандализмом. Правда, со смягчающими обстоятельствами. Сначала велели дело Троедыркиной закончить, потому что я в колонии все ходы и выходы знаю, а потом перевели из жандармов в пациенты. Прямо на месте. Два года впаяли... Может, полгода по досрочке скостят.

— Вот как.

— Да.

— Что-то много дали, — сказал я. — За такую мелочь.

— Да мне еще повезло, — сказал Сердюков. — Хорошо, я знаю, как жандармы мыслят. Сам ведь жандарм. Убедил следака, что ничего плохого в виду не имел, а, наоборот, исправлял идеологическую ошибку. Шарабан-Мух-

---

¹ Жорж Батай — французский мистический философ-эротоман.

люев, говорю, одобрил бы сразу. Понял бы. И цитатами, цитатами... Поэтому только двойкой и отделался. А иначе восьмерку бы кинули, не меньше.

— И где вы теперь?

— Да там же. В родной семьдесят второй. Вы не думайте, у меня нормально все. Я ту же научную работу веду, просто на шарашке. И еще крутить хожу вместе с зэками. Которые не в отказе.

— А зэки опять в отказе?

Сердюков кивнул.

— Петух у нас строгий, законник. Так что отказничаем. Не так, конечно, как при Кукере. Свою зеленую норму даем... Да, еще перед второй ветробашней эстраду поставили — теперь артисты морально поддерживают, пока крутим. Ну, в смысле, голограммами под фанеру. Воодушевляет...

Мы замолчали. Все уже, в сущности, было сказано.

Сердюков съел еще один мандарин, уже без особого энтузиазма. Видимо, понял наконец, что телесного человека на поверхности они не насыщают, и теперь просто наслаждался вкусом.

— Ну ладно, — сказал он. — Я пойду.

— Идите, капитан, — ответил я. — Даст бог, еще свидимся.

Сердюков встал и пошел к двери.

Он сделал всего два шага, а я уже сел на его имплант — прямо как ковбой на любимого жеребца.

Я поймал тот самый момент, когда капитан покидал симуляцию и жандармы снимали с него коммутационный шлем. Я думал, он окажется в какой-то комнате — но Сердюков сидел прямо на велораме, среди других крутящихся педали ээков.

Впереди была вторая ветробашня — и перед ней действительно теперь стояла эстрада. На ней прыгал одетый в форму улан-батара шансонье с зеленым коловратом на черепе и пел:

— Ветры и версты, улетающие вдаль!
Сядешь и просто нажимаешь на педаль!
На педаль!
Даль-даль-даль-даль...
Даль-даль-даль-даль...

Коловрат был предусмотрительно перечеркнут красной губной помадой. Видно, сам певец в даль не хотел. Сердюков вздохнул и покосился на винт ветробашни, медленно поворачивающийся в синем утреннем воздухе. Его глаза сползли на висящий внизу плакат:

ДАЕШЬ СТО СОРОК МЕГАПОВОРОТОВ!

Затем, уже с хмуроватым прищуром, он уставился на будку ветроредуктора. Мне показалось, что я уловил его мысль.

«Широка ты, жизнь. Вертеть – не перевертеть. Ну а если кто у нас крутит не по совести, так ему самому перед Богом ответ держать. А ну-кось...»

Нажав на педаль, Сердюков продалил ее до дна траектории, разминая задубевшую смазку, потом двинул другую – и круть пошла, сначала туго, но с каждым поворотом педалей все шибче и шибче.

Сердюкову было неудобно и холодно крутить на морозе.

Конечно, если судить по понятиям эпохи, сам виноват, подумал я. Левша духа. А времени нужны правши, и желательно в конном строю. И все-таки было жалко Сердюкова.

Но тут на капитана навалились воспоминания, я заглянул в чужую память – и даже присвистнул от удивления.

У ролика, который показал мне Сердюков, было продолжение. Оригинальная запись была длиннее, просто вторую ее часть капитан стер. Но сам он помнил все хорошо.

Я снова увидел лежащую у стены Дарью Троедыркину. Увидел кровавую надпись. Затем оператор покосился влево – и я заметил лежащий у стены тусклый металлический предмет.

Это был *цугундер Варвары*. Отполированный ладонями и кишками заостренный сталь-

ной огурец-гигант. Я даже увидел на его тупом торце наклейку с музейным номером.

Рука Сердюкова в штурмовой перчатке подняла цугундер и спрятала его в пустой нагрудный патронташ.

Дальше в памяти был пробел. Потом я увидел хоровод гипсовых Лукиных из заброшенного мемориала. Руки Сердюкова, теперь без перчаток, держали складную лопатку. Он уже вырыл под монументом глубокую нору.

Я увидел заполненный маслом пакет из прочного полиэтилена. Цугундер был в нем. Сердюков вложил пакет в военный тубус защитного цвета, завинтил ребристую крышку, спрятал контейнер в норе и аккуратно завалил землей.

Потом я увидел еще кое-что.

Перед самой отсидкой (верней, откруткой) Сердюков нашел покупателя в даркнете. Оплата в крипте, чистый кошелек, помощь в приобретении второго таера. Хватало даже на новую идентичность. На самом деле цугундер стоил куда дороже, так что все были в выигрыше — и Сердюков, и неизвестный монгольский коллекционер.

Коллекционер этот, догадался я, просто зеркало для отвода глаз, а реальный покупатель, похоже, кто-то со старших таеров. Если не сам Гольденштерн. Баночники побогаче

любят скупать реальные физические предметы, которых не могут потрогать рукой. Что-то вроде тяги к цугундерам у фем, надо будет сказать Сердюкову.

Мне стало завидно. Я за свой второй таер жизнью рисковал, а парню как с куста, только открутит два года... Но недостойное чувство тут же ушло. Прекрасно, когда в жизни везет хорошим людям. А Сердюков был хороший человек.

Я почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

Хороший-то хороший, но такая эмоция все же была чрезмерной. Может, это «Калинка»? Уж не переводят ли меня, часом, в транспортно-крутильный модус?

А-а-а, да это не меня. Это самого Сердюкова. Просто тюремная наводка через имплант.

...но как это все-таки верно. Как метафизически точно. Как символично, что обессмертит капитана именно пропавший *цугундер Варвары* — последний оставшийся в мире телесный отпечаток великого Шарабан-Мухлюева!

Спорный, неоднозначный, безусловно ошибавшийся во многом, небезупречный в быту, возможно даже сгенерированный нейросетью — но все-таки выдающийся русский художник поможет сквозь века другому озорному русскому человеку, в чем-то так на него похожему.

И как хорошо, что заначку сберегут для капитана эти бородатые каменные Лукины... Все легче на сердце. Оно ведь у меня тоже русское. Во всяком случае, было до первого таера.

Так что Ломасу я ничего не скажу. А через день-два он сам сотрет мне память.

Рискнем.

Злобро-Добло, или как у них там?

Оглавление

Пролог	9
В ОТКАЗЕ ОТ КРУТИЛОВА	19
ТАЙНА ВАРВАРЫ ЦУГУНДЕР	255

Плейлист

The Riddle (Gigi d'Agostino)

Wer sich selbst erhöhet, der soll erniedriget werden (кантата Баха)

Formidable (Stromae)

Hénin-Beaumont (Gauvain Sers)

Старинная Французская Песенка (Чайковский)

Песенка Велосипедистов (Поющие Гитары)

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Пелевин Виктор Олегович

КРУТЬ

Литературный редактор *Ю. Селиванова*
Художественный редактор *А. Гаретов*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Н. Сикачева*

В оформлении коллажей на шмуцах использован фрагмент иллюстрации:
© Vladimir Zadvinskii / Shutterstock / FOTODOM.

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарушы ел: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, стр. 1, эт. 20, каб. 2013. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «Издательство «Эксмо» ЖШҚ

123308, Ресей, Мәскеу қаласы, Зорге көшесі, 1-үй, 1-құрылыс, 20 қабат, 2013-каб.

Тел.: 8 (495) 411-68-86. Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасына импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Дистрибутор және Қазақстан Республикасында өнімге шағымдар
қабылдау жөніндегі өкіл: «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92. E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»:
www.eksmo.ru/certification

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау
туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://eksmo.ru/certification/>

Произведено в Российской Федерации

Ресей Федерациясында өндірілген

Сертификаттауға жатпайды

Дата изготовления / Подписано в печать 03.09.2024.

Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.

Тираж 100 000 экз. Заказ

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»
Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, строение 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksмо-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksмо-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2151.
E-mail: borodkin.da@eksмо.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде

Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге

Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04.
E-mail: server@szko.ru

Литрес ≡

Я ТАК ЧИТАЮ

ТЕРИТОРИЯ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Официальная франшиза
издательства «Эксмо»

ISBN 978-5-04-203855-6

9 785042 038556 >

ЧИТАЙ
ГОРОД

eksмо.ru

Официальный
интернет-магазин
издательства «Эксмо»

Хочешь стать
автором «Эксмо»?

ЭКСМО

eksмо.ru

[eksмо](http://eksмо.ru)

Издательство «Эксмо» — универсальное
издательство №1 в России, является
одним из лидеров книжного рынка Европы.

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге

Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50.
E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону

Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10.
E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске

Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42.
E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске

Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211.
E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Республика Беларусь: ООО «ЭКМО АСТ Си энд Си»

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00.
E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»

Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99).
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Полный ассортимент продукции

ООО «Издательство «Эксмо»

можно приобрести в книжных магазинах

«Читай-город»

и заказать в интернет-магазине:
www.chитай-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы:
8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.eksмо.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14.

E-mail: imarket@eksмо-sale.ru